

Светлана Данилова

ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ

Нью-Йорк
2016

СВЕТЛАНА ДАНИЛОВА

ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ
ПОВЕСТИ, ОЧЕРКИ И СТАТЬИ

Нью-Йорк
2016

**СВЕТЛАНА ДАНИЛОВА
ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ**

Издатель: **Анна Гольдберг**
RESIL ENTERPRISE INC.
8623 19th Avenue, Suite #1
Brooklyn, NY 11214
Tel: **(718) 621-0465**
E-mail: **vzel@aol.com**

Составитель и литературный редактор: **Анна Гольдберг**
Дизайн и компьютерная верстка:
Виктория Зельцман
Корректура: **Виктория Зельцман**

Copyright © Svetlana Danilova

Все авторские права сохраняются за Светланой Даниловой

Без письменного разрешения автора никакая часть этого произведения не может быть воспроизведена или использована в любой форме или любым способом с помощью любых средств копирования: электронных или механических, включая фотокопирование, запись или любые другие системы хранения, поиска и получения информации. Запрос на письменное разрешение должен быть отправлен по Интернет-адресу автора: sdanilova2003@yahoo.com

Library of Congress Control Number: 2016954273

ISBN: 978-0-9882381-3-8

Printed in the United State of America

SVETLANA DANILOVA

CROSS THE THRESHOLD

NOVELS, ESSAYS AND ARTICLES

New York
2016

SVETLANA DANILOVA
CROSS THE THRESHOLD

Publisher **Anna Goldberg**
RESIL ENTERPRISE INC.
8623 19th Avenue, Suite #1
Brooklyn, NY 11214
Tel: **(718) 621-0465**
E-mail: **vzel@aol.com**

Arranger and Editor:
Anna Goldberg
Design and layout:
Viktoriya Zeltsman
Proofreader: **Viktoriya Zeltsman**

Copyright © Svetlana Danilova
All rights reserved

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Author. The request for written permission should be sent to Internet address of the author: sdanilova2003@yahoo.com

Library of Congress Control Number: 2016954273

ISBN: 978-0-9882381-3-8

Printed in the United State of America

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Посвящается моей семье, друзьям
и соратникам, моим самым близким людям,
которые поддерживали меня на всем
жизненном пути.*

*Будьте счастливы.
Светлана Данилова*

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. ВОСПОМИНАНИЯ

ЖИЗНЬ — ЭТО МИГ

Недавно мне попались строки, написанные Эльдаром Рязановым. Они очень точно выражают состояние моей души.

*«Все тороплюсь, спешу, лечу я,
всегда я в беге нахожусь,
нехваткой времени врачуя
во мне таящуюся грусть.
И все ж не вижу в этом смысла*

—
*жить, время вечно теребя.
Куда бы я ни торопился,
я убегаю от себя...
Ищу я новые занятия,
гоню карьерой свою жизнь,
хочу ее совсем загнать я...
Да от себя не убежишь!»*

Эльдар Рязанов

Жизнь мчится, и я мчусь по жизни, но я понимаю, что пора остановиться, подумать о себе, о времени, о людях, которые были и есть сегодня на моем пути. Все эти люди со своей судьбой, со своими проблемами, но я поняла одно, все мы связаны, ибо мир очень тесен.

Я часто думаю над тем, что я оставляю своим детям. У меня нет бриллиантов, родительский саманный дом мне пришлось продать и уехать из родных мест в далекую Америку, где эти копейки, полученные за дом,

быстро растворились. А как мне был дорог этот дом. Я хорошо помню, как в 1946 году лепили саман мама и больной, вернувшийся с фронта отец. Как часто дом мне снится, хотя его уже нет и меня там нет.

Что я оставлю своим детям и людям своей общины? Только память о себе, о том, что я люблю людей, что стараюсь всю жизнь приносить добро. Мой внук Юрий часто говорит мне: «Света, почему ты всем веришь?». Не знаю, что ему ответить. Я и правда, не знаю, что ему ответить. Да, я верю людям. Верю в доброе начало в них. И хотя не раз ошибалась, но опять продолжала и продолжаю верить людям.

Есть мудрая мысль: *Хорошие люди принесут вам счастье, плохие люди наградят вас опытом, худшие — дадут вам урок, а лучшие — подарят воспоминания. Цените каждого.*

Итак, хочу вспомнить время и людей.

Родилась я в Нальчике в 1940 году. Отец, Арон Данилов, прожил очень короткую жизнь. Он умер в 47 лет от фронтовых ран, от туберкулеза. В 9 лет он остался без отца. Его маму Руту (кстати, я ношу ее имя) взял замуж Шальях. Он родом был из Хасавьюрта. Это маленький город в Дагестане. Там была небольшая община горских евреев. Их было два брата. Старший хорошо обеспеченный, успешный, а Шальях помогал брату, у которого перед революцией было шестеро детей. В 1919 году у них конфисковали дом, где они жили, и мой дед вынужден был взять своих детей и податься в Нальчик, на родину жены, но он так и не дошел до Нальчика, умер в Пятигорске.

Бабушка с детьми приехала в Нальчик. Мой отец, в то время десятилетний мальчик, будучи старшим в семье, пошел работать. Он мостил улицы, а ходить в школу учиться возможности не имел. И все же он экстерном окончил школу и поступил в Ленинский учебный городок. Отец был активным, умел организовать людей, добиваться своих целей. Эти качества привлекли к нему внимание. Его посылают учиться в Ростов на партийные курсы, а потом и в Москву на курсы для национальных меньшинств. Окончив курсы, мой будущий отец приехал в родной город, работал в школе №10. Эту школу открыл мой дед Камуил Исаакович Гилядов. О нем нужно рассказать отдельно. Деду я многому обязана. Именно он привил мне любовь к русской литературе и вызвал огромный интерес к истории еврейского народа. Старшее поколение горских евреев Нальчика помнит моего деда. Он оставил о себе светлые воспоминания у всех, кто его знал.

МОЙ ДЕД КАМУИЛ ИСААКОВИЧ ГИЛЯДОВ

Родился он в 1882 году в семье очень образованного раввина. Начальное образование получил дома. В 14 лет поступил духовную семинарию в городе Вильно. Там преподавал родной брат его матери Мицько. Женой дяди была европейская еврейка, дочь раввина. В Вильно дедушка примкнул к сионистскому движению Теодора Герцля. В семейном архиве хранилась фотография, где были вместе сняты Теодор Герцль и дедушка, но эту фотографию без разрешения забрал его бывший ученик Асоил Шамилов, который часто приходил проводить деда. Во время начала революционных событий 1905 года, охвативших всю Россию, Камуил Гилядов вернулся в родной город. У него были планы, мечты. Он страстно хотел приобщить горских евреев к культуре, мечтал изучать иврит, русский и горско-еврейские языки, но раввины увидели в нем угрозу своему влиянию, они не признавали светское образование. Камуила избили, и он был вынужден бежать с семьей в Пятигорск, где занимался преподавательской и сионистской деятельностью.

Я нашла интересные документы, которые хранятся в Государственном архиве КБР (Кабардино-Балкарии). Они опубликованы в книге «История горских евреев Северного Кавказа в документах 1829—1917 гг.» — Составители С. Данилова и Е. Тютютина.

Документы о политической благонадежности

К.И. Гилядова от 10 декабря 1907 г.

Письмо атамана Центрального отдела Терской области

Начальнику Нальчикского округа:

Нальчикский житель Камуил Исаакович Гилядов обратился ко мне с просьбой о разрешении ему занять в городе Пятигорске должность меламеда (УЧИТЕЛЯ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ЯЗЫКА). Ввиду этого прошу Ваше Высокоблагородие сообщить мне о поведении и судимости Гилядова, чем он занимался и где учился.

Атаман отдела полковник (ЦГА КБР. ф. 6 л.29)

Предписание Начальника Нальчикского округа

от 17 декабря 1907 г. Секретно:

Предписываю Нальчикскому слободскому старшине с получения сего безотлагательно представить требуемые атаманом отдела сведения на Гилядова.

*За начальника Нальчикского округа коллежский советник.
(ЦГА КБР ф.6 л.30)*

Рапорт Нальчикского слободского старшины Начальнику округа от 18 декабря 1907 г. Секретно:

Доношу Вашему Высокоблагородию, что нальчикский горский еврей Камуил Исаакович Гилядов поведения хорошего, под судом и следствием не состоял, за время своего пребывания в слободе Нальчик жил при своем отце и вел себя безукоризненно. Учился, как он сам объяснил в г. Вильно в еврейском высшем учебном заведении по духовному праву.

Старшина слоб. Нальчик В. Лыков (ЦГА КБР, ф. 6, л. 30)

Камуил Исаакович Гилядов дружил с интересными людьми, представителями многонациональной интеллигенции того времени. Одним из них был известный художник Митрофан Васильевич Алехин, сосланный из Петербурга. Он преподавал в Нальчикской светской гимназии и писал картины. Алехин был вхож в дома местной знати. Его кисти принадлежит портрет горско-еврейской девушки, воспитанницы гимназии. Портрет находится в краеведческом музее г. Нальчика. Позировала художнику Надежда Ифраимова, впоследствии жена дедушки, моя бабушка. Дедушка послал сватов, но получил отказ, так как он был из бедной семьи, а Надежда, получившая образование, из богатой. Тогда в среде горских евреев Нальчика было всего несколько самых богатых семей.

Дедушка Надежды был родом из титулованных купцов, которые могли свободно перемещаться по России. Он имел свои дома и магазины. Его дом на Кабардинской, центральной улице Нальчика, стоит и сегодня. Отец моей бабушки был религиозным человеком. На шаббат он отправлял в еврейскую колонку подводу с мукой и другими продуктами для бедных. Дед сказал свое веское слово, и Надю отдали за Камуила, учитывая его образование. Ей дали в приданое пояс, монисты, обшитые золотыми монетами и золотые серьги. Из всего этого остались только серьги, которые достались по наследству моей маме,

и от мамы мне. Я же отдам их дочери Инне. Она характером очень похожа на мою маму.

Все остальное состояние у моих дедушки и бабушки ушло на то, чтобы вырастить детей, дать им образование. Жалование учителя было незначительным. В 1913 году с двумя детьми Женей и Григорием они переехали в город Грозный, где дедушка продолжал преподавательскую и сионистскую деятельность. Там в 1916 году у них родился третий ребенок — Роза, моя мама.

Его внук, Марк Гилядов, написал о нашем дедушке очерк, который был опубликован в журнале «Товуши» (Нью-Йорк, 2014 г.). Вот отрывок из этого очерка:

«...Революция 1917 г. изменила жизнь всех. По возвращению в Нальчик дедушка открыл школу в старом здании из двух комнат, в которых обучал ивриту и русскому языку. В ней обучались дети и взрослые. После полного утверждения Советской власти он неоднократно ставил вопрос об увеличении школы, но средств на это не было. Под школу администрация Нальчика предложила здание синагоги, но дедушка категорически был против этого решения, мотивируя тем, что синагога это храм, предусмотренный для молитв, построенный на средства общины, и делать в синагоге школу кощунственно. После этого он уговорил своего тестя передать землю под строительство школы. В последствии тесть «добровольно» передал Советам магазин и двухэтажный дом, в котором сделали коммунальные квартиры. А семья переехала в домик для прислуги, который был в глубине двора.

Я бывал там в детстве с моим отцом. Там жил дядя Саша, бабушкин брат. В последний раз я там был в 1988 году у его сына, дяди Жоры. Добротный двухэтажный дом стоял, хотя в нем никто не жил, потому что его полностью уничтожили изнутри. А мой дедушка стал строить школу на новом месте и одновременно обучать детей и взрослых.

Семья дедушки постепенно увеличивалась. Итак, старшей дочерью была Женя (1909 г.), затем Григорий (1912 г.), в 1919 году родился мой отец Исай, в 1923 г. — сын Данил, а в 1925 г. — дочь Ольга.

К. Гилядов обучал русскому языку не только горских евреев, но и деятелей Советской власти. Девяносто пять процентов населения Кабардино-Балкарии было неграмотным, в том числе и горские евреи. В 1923 году дедушка подготовил и издал букварь татского языка, используя алфавит древне-еврейского. Но позже народный комис-

сариат просвещения РСФСР запретил использовать этот букварь и предложил взять за основу латинский алфавит, на базе которого создавались буквари других народов, не имеющих своей письменности. Позже латинский алфавит был заменен на русский. Так пришлось дедушке применять в обучении созданный им заново букварь. Издан он был в Москве при содействии Н. Крупской. Особенно дед уделял внимание ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В газете «Карахалк» с 1925 года стали печататься его статьи на татском языке с использованием тогда еще разрешенного древнееврейского алфавита. Татский отдел редакции возглавлял Ханон Ифраимов, зять его жены Надежды. Дедушкины статьи печатались и в Северо-Кавказской газете «Молот». В основном, статьи были посвящены вопросам педагогики, развития народного образования, вовлечения женщин-горянок в общественную жизнь, возрождению еврейских традиций, духовному и нравственному воспитанию молодежи, а так же укреплению межнациональных отношений.

Школа строилась очень тяжело, так как не хватало средств. Большую помощь в строительстве наряду с Советской властью оказывали сами жители. Дедушка писал пьесы и совместно с учениками разыгрывал их, а на вырученные гроши приобретались школьные принадлежности. Как-то раз просмотр пьесы посетил первый секретарь Бетал Калмыков со всем партийным активом, которые сделали пожертвования на школу из своих личных средств. Так проходили годы в борьбе за каждого ребенка. За успехи в строительстве школы, за обучение, за стремление к образованному будущему Камуил Гилядов избирался делегатом шестого и седьмого съездов работников просвещения, которые проходили в Москве в 1927 и 1932 годах. Встречался с такими деятелями, как Крупская и Луначарский. Его фотография с Крупской находится в Ленинской библиотеке (Москва).

Сионистские планы отодвинулись на второй план и даже на неопределенное время. А с приходом репрессий и запретом иврита о них не только говорить или обучать, а даже думать было запрещено и опасно. Дед был взят на учет органами безопасности. Он дал подписку, что он никого и даже своих детей не будит учить ивриту, а тем более вести сионистскую агитацию. За ним был установлен надзор, и если к деду кто-то приходил или приезжал, то все разговоры велись без свидетелей и, особенно, без присутствия детей. Однажды играя

в саду, его дочь Ольга слышала через закрытые окна пение отца и приехавших из Москвы мужчин. Пели они на непонятном ей языке. И только повзрослев, она поняла, что они молились на иврите.

Все было под большим секретом, в особенности от детей, чтобы не проболтались. Дедушку постоянно вызывали в органы безопасности, и он их очень боялся, поэтому нужна была полная скрытность, чтобы себя и детей не подставить под удар. С дедушкой проводились беседы и расспросы, его заставляли переводить с иврита письма, которые получали евреи от родственников из Палестины, в последствии из Израиля. Люди, получив эти письма, приходили к дедушке за помощью в переводе и даже не подозревали, что он уже их переводил ранее. Все письма проходили через цензуру, хотя в них не было ничего тайного — обычное описание жизни.

Дед говорил моему отцу, что его призвание на данный момент — обучить грамоте свой народ. А для этого нужно было показать не только свою лояльность к власти, но и преданность. Но, как его не уговаривали, в коммунистическую партию не вступил. Зато дедушка добился своего, вместо старой школы была выстроена большая по меркам того времени новая школа. В ней учились евреи и проживающие по соседству дети других национальностей. Дед выучил и воспитал тысячи учеников. Его наградили орденом Ленина. Многие ученики деда впоследствии продолжили образование в техникумах и институтах страны, стали учеными, инженерами, учителями, врачами, деятелями искусства.

Вот таким был наш дедушка. Интересный был человек. Его ученик, заслуженный художник Илья Давыдов, написал портрет К. И. Гилеядова, который находится в музее изобразительного искусства КБР.

ВЕРНУСЬ К РАССКАЗУ ОБ ОТЦЕ.

Отец преподавал историю в том же Ленинском учебном городке, где учился сам. Да и моя мама училась в этом заведении. Затем отца переводят на партийную работу. Его поддерживал Бетал Калмыков, первый секретарь Обкома партии. Надо отдать должное этому человеку, он поддерживал горско-еврейскую молодежь. Я нашла в государственном архиве КБАССР Протокол заседания комиссии Облисполкома об улучшении культурно-просветительской работы в горско-еврейской колонии от 20 мая 1927 года:

...Так, после выступления Камуила Гилядова было решено: охватить 100% детей горско-еврейской колонии, расширить и улучшить материальное положение избы-читальни, усилить обслуживание кинопередвижек в этом районе, улучшить качество работы среди горских евреев, как на родном, так и на русском языках, увеличить процент горских евреев, как в местных учебных заведениях, так и вне области...

Отец часто беседовал с моим дедом. А его друг, Ильцефон Шамилев, предложил ему жениться на дочери Камуила Гилядова, т.е. на моей маме. Но, надо сказать, что еще до этого папу женила его мама Рута на родственнице, и у них был сын. К сожалению, мальчик умер, не прожив и года. Мне очень жаль, у меня был бы брат. Отец очень быстро развелся, слишком разные они были.

Долго у него не было жены, были младшие братья и сестры, за которых он, как старший, чувствовал свою ответственность. Он понимал, что жениться надо было, и дочь интеллигентного человека, К.И. Гилядова, которая закончила учебу на фельдшера-акушера, ему подойдет.

Я думаю, что ни у отца, ни у мамы особых чувств друг к другу не было. Моя мама, очень сильный духом человек, любила свою профессию. Она работала в горах, в балкарском селе акушеркой, принимала роды. Ей приходилось принимать роды даже на соломе. Она была очень строгих правил, и молодые люди, которым она нравилась, очень быстро поняли, что к ней надо относиться согласно кавказскому этикету, с уважением. Вместе с ней работала подруга, которая вышла там замуж за балкарца. Я не знаю, как сложилась ее судьба, но я знаю Сару Хасановну Левиеву, ее дочь от балкарца. Она работала учительницей в школе N10 в Нальчике. Интересно, что ее мужем стал сын первой жены моего отца, который родился у нее от второго брака. Сегодня все они живут в Израиле. Очень красивые дети в этой семье. Наверное, еще и потому, что в их корнях есть и балкарские.

Мама решила поехать в Москву, чтобы поступить в медицинский институт. Она рассказывала, что ее отец, т.е. мой дедушка, дал ей письмо к Надежде Крупской, с которой он был хорошо знаком. Она помогла маме, устроила ее в общежитие, но голодные годы дали о себе знать. Питалась она шкурками от картофеля. Родители помочь ей не могли. Семья была большой. Всех надо было кормить, учить. Маме

пришлось вернуться домой. Ее уговорили выйти замуж за моего отца. В 1936 году они поженились, а в 1940 году родилась я.

Жили мы в партийном доме, на углу Кабардинской и Советской. В семье с моими родителями жили папина мама Рута и папина младшая сестра Шура. Мама много рассказывала о той жизни, когда отец работал каждый день до 4 часов утра, а когда репрессировали Бетала Калмыкова, исключили из партии и моего отца. За что? А за то, что его выдвигал, как прекрасного организатора, Бетал Калмыков, первый секретарь обкома партии. Мама рассказывала, как многие люди переходили на другую сторону улицы, чтобы не встретиться с отцом, а ведь раньше они ходили к нему со своими проблемами, просьбами. Друзья познаются в беде. Обнажаются и лучшие, и худшие их качества. На память приходит умная мысль, умный совет:

Цените людей, которые приходят в те моменты, когда плохо не им, а вам.

Отец обратился в ЦК партии, и его восстановили. Он опять стал членом партии. Удивительно то, что он продолжал верить партии, ее идеалам, верил в коммунизм и эту веру передал мне. Потребовались годы, чтобы все понять и переосмыслить.

О его преданности говорит такой факт. Весной 1938 года отец сажал на улице деревья, и вдруг лопата наткнулась на что-то твердое. Раскопал дальше, а там оказалась шкатулка с золотыми царскими монетами. Отец не взял даже то, что ему полагалось по закону. Его сестра Сусана вспоминала, как их мама просила хоть пару монет, а он не дал. Позже, бывший работник НКВД, вспоминал этот факт. Он в те годы расстреливал людей по приказу, а потом спился. Этот изверг, будучи моим соседом, рассказывал: «Вот твой отец был дураком. Принес золото и все сдал». Нет, отец не был дураком, он был предан государству, идеям. Да и время было такое, что можно было угодить в тюрьму. В лучшем случае.

В 1938 году отца назначили директором школы №8. А в 1941 году началась война. Проклятая война. Он ждал повестку на фронт. Рюкзак был на виду. И вот постучали в дверь, вручили повестку, но не ему, а маме. Тогда он сам пошел в военкомат и добровольно ушел на фронт. У меня сохранилась фотография, где на обороте написано: «1941 год. Первый день войны». На фото родители и я — годовалая.

Маму направили работать в эвакогоспиталь. Она много мне рассказывала о том времени. Раненые были тяжелые, а маме хотелось всем помочь. Были и такие, которые лишились ног или рук, и они не хотели сообщать родным об этом. Они не хотели жить. Мама убеждала их, что жизнь продолжается, что главное то, что они живы. И они возвращались к себе домой. А другие солдаты и офицеры, поправившись, уходили снова на фронт и писали ей письма с благодарностью.

Что я помню о том времени? Очень мало. Помню, что мама иногда брала меня на работу. И я ходила по палатам, читала стихи, а раненые звали меня и давали шоколадки. На подступах были немцы. Знаю по рассказам мамы, что она со мной, со свекровью, золовкой Марией и ее тремя детьми эвакуировались в Ереван. Это был 1942 год. На вокзале у нее украли чемодан с письмами от солдат и офицеров, которые были ранены и стали ее пациентами, от тех, кому она помогла вернуться в строй. Маме было очень жаль, что письма не сохранились. Ей жаль, были не вещи, а письма. В Ереване к ней подошел армянин и предложил квартиру, но она сказала, что приехала не одна, а с родней. Этот человек их всех взял в свой дом. Они с женой только что получили извещение о гибели единственного сына. Мама уже после войны часто вспоминала их. Вспоминала, о том, что горе их не ожесточило, что они делились со всей семьей мамы каждым куском лаваша.

Помню, рассказ мамы о нашем возвращении из эвакуации после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Когда мы пришли домой, оказалось, что нашу квартиру занял партийный работник. От мебели остался только платяной шкаф, который выставили в коридор. Мама написала об этом отцу на фронт, но он просил ее шум не поднимать. Тогда мама пошла со мной жить к родителям. У меня целый год была высокая температура, но бабушка соками меня вылечила. Мама устроилась на работу в медицинский кабинет при тюрьме. Нам дали комнату. Вот эту комнату я уже отчетливо помню. Матрас на полу, вот и вся мебель. Я должна рассказать, что же было в городе во время оккупации. Многие годы я изучала архивы, собирала полевой материал. Во время фашистской оккупации дедушка и бабушка не уехали. На их руках был раненый сын Даниил. Выехать он не мог. Немцы приближались к Нальчику, и дедушка закопал в саду все книги на иврите. Во время оккупации русская женщина-соседка привела

в дом гестаповцев, сказала, что муж их дочери Розы был секретарем горкома партии, а его семья была в эвакуации.

В Нальчик еще до 1941 года приехали в Кабардино-Балкарию европейские евреи, бежавшие от фашистов. Многие жили у горских евреев. Их хорошо приняли, но в первые дни оккупации по доносу предателей фашисты всех расстреляли на стадионе и на ипподроме. Мне рассказывали, что две сестры, врачи, обнялись, тихо пели песню на идиш, так их и расстреляли. А ведь, наверное, тех, кто предал, эти две женщины лечили...

В селе Кызбырун—I до оккупации поселили 57 евреев из Крыма, но жуткая смерть застала их на Северном Кавказе. Их собрали в сарае и сожгли всех. Уже 2000-м году мне, директору еврейского центра «Товуши» г. Нальчика, позвонили из сельсовета и просили приехать на поминальный митинг. Я обратилась в Республиканский архив, нашла документы с фамилиями погибших, но, к сожалению, все фамилии найти не удалось. Мы с раввином, со школьниками и с теми, кто пережил это страшное время, поехали в село Кызбырун—I. Останки этих несчастных людей были после войны перенесены во двор школы, но на памятнике нет ни одного слова о том, что там покоятся евреи, жертвы Холокоста. На митинге выступали местные старожилы-мусульмане, те, кто помнил, как все это было. Выступали на митинге евреи, уцелевшие в Нальчике, те, кого спасли кабардинцы и Красная Армия. Звучали молитвы в память жертв Холокоста. Впервые зажгли свечи на их могиле. Раввин прочитал кадиш. Это был день толерантности живых.

По поводу горских евреев фашисты не сразу решили, что же с ними делать. В тех населенных пунктах, где местное население доносило немцам, что это еврейские семьи, фашисты их расстреливали. Горско-еврейская община каждый день ожидала смерти. Свидетельства пожилых людей поражают покорностью судьбе. Родственные узы не давали спастись в одиночку. Горские евреи Нальчика чудом уцелели. Причины этого чуда до сих пор исследуются. В Кабардино-Балкарской Республике 6 декабря 1942 года был создан национальный совет, который возглавил кабардинец, адвокат Семен Шадов. К нему обратились за помощью горские евреи во главе с Маркелем Шабаетовым. Семен Шадов, в свою очередь, обратился к фельдмаршалу фон Клейсту (его штаб находился в Кисловодске) и к его представителям в Нальчике.

Семен Шадов писал им, что «горские евреи — это горский народ». Была создана комиссия по данному вопросу, которая посетила дома евреев. Они убедились, что традиции горских евреев не отличаются от образа жизни кабардинцев. Комиссии показали национальные танцы, были приготовлены блюда горско-еврейской кухни, подносили от горских евреев деньги, драгоценности. Все делали, чтобы спасти общину от фашистской расправы.

Но даже в этих условиях, когда жизнь висела на волоске, община жила по еврейским традициям. Здесь веками рождался человек евреем и умирал евреем. Покойный сегодня раввин Амиров и его сподвижники, рискуя жизнью, решили «похоронить» религиозные реликвии до лучших времен. Верили, что чудо произойдет. Верили, что фашистов победят. Все реликвии положили на носилки, придали им вид покойника. Понесли на кладбище мимо штаба гестапо. Каких нервов это им стоило! После освобождения города от фашистской оккупации реликвии снова доставили в синагогу...

Я беседовала со многими людьми, очевидцами, записывала их воспоминания. Одна женщина рассказала: «Я с девочками-кабардинками пошла за терном, и нас увидели мальчишки, наши соседи. С ними был один эсэсовец. Они чинили машину. Парни что-то сказали этому эсэсовцу. Мы увидели подводу и знакомого парня-кабардинца. Девочки ему сказали: «Али, быстро возьми ее на подводу, ее выдали». Он привез меня домой. Всю ночь мы ждали немцев... Вот-вот придут. Но в этот раз пронесло...». Горские евреи до войны работали в селах, знали прекрасно кабардинский язык. Во время оккупации горские евреи уезжали в кабардинские села. Рискую своей жизнью и жизнями близких, жители сел их прятали, кормили, спасали как могли. Мне рассказывали, как Бесерит Ашурова, шестнадцатилетняя замужняя беременная женщина вместе с семьей мужа, который был на фронте, жила в семье кабардинцев в селе Зарагиж. У тех было своих шестеро сыновей, из них двое были на фронте. Один из сыновей работал в полиции и предупредил еврейскую семью, что надо им уйти ночью, ибо их утром, как евреев, расстреляют. Его отец дал лошадь с повозкой и своего 15-летнего сына в проводники. Спасая еврейскую семью, они ставили под угрозу жизнь всей своей семьи. Из селения Исламей уходил на фронт Шалумов, оставляя жену и четырех сыновей. Он просил своих друзей-кабардинцев, если

не вернется живым с фронта, не оставлять его детей. Во время бомбежки жена Шалумова ослепла и вскоре умерла. Их детей забрали чужие люди. Полицай из их же села решил выдать детей фашистам. Аксакалы, то есть, совет старейшин, предупредили полицая, чтобы он этого не делал. Детей удалось спасти.

О том, что пережили евреи во время оккупации сохранились документы и воспоминания очевидцев. Передо мной архивный документ, который составлен сразу после изгнания немцев и румын. Документ подписан секретарем Обкома КПСС Кумеховым. Очевидцы рассказывали, *«...что, заняв Нальчик, с октября 1942 года начали искать «иудов-жидов». Был объявлен приказ, чтобы все евреи зарегистрировались в гестапо. Семья Шауловых, у которых было пятеро детей, прошла регистрацию. Их всех расстреляли. Мы собрали людей и поручили Ашурову Адинагу, Алхасову Х. и Шабаву Макару пойти в гестапо, чтобы от нашего имени доказать немцам, что мы кавказский народ. Показали наш быт, наши блюда, собрали золотые вещи. Немецкое командование обещало нам проверить нашу национальность, религию, обычаи. В связи с этой проверкой регистрация евреев временно была приостановлена. Мы делали все, чтобы затянуть регистрацию.»*

Фашисты грабили, забирали все и при этом говорили, что скоро всех евреев расстреляют. В Нальчике было гетто открытого типа. Выгоняли на работы, заставляя рыть траншеи и ямы, где и собирались всех евреев расстрелять. Списки были уже готовы. Расстреляли семью Ифраимовых, 13 человек. Расстреляли Давыдова. Шабав Гедей прятался в балкарском селе, но его выдали и убили, как еврея.

Комиссия занималась вымогательством, и люди откупались, как могли, но тем самым, они тянули время. Был приказ фон Клейста, что горские евреи — кавказское племя. На суде над военными преступниками в марте 1963 года некто Вольфганг Рейнхольдс свидетельствовал: *«...Я занимался, в основном, горскими евреями. На основе литературы я подготовил справку, где писал, что горские евреи — это таты. Они являются такой же народностью Кавказа, как и прочие горцы...»*

В Нальчик даже прибыл специалист по иранским языкам, который пришел к выводу, что таты — евреи. Вот тогда и стали спешно составлять списки всех горских евреев для полного уничтожения. Был

назначен день массового расстрела — 4 января 1943 года. Но произошло чудо — 4 января Красная армия освободила г. Нальчик.

В марте 1943 года арестовали Макара Шабаева, но вся община обратилась в органы: *«Мы ответственно заявляем, что если действия М. А. Шабаева являются преступными и должны караться законом, то мы все должны в равной мере отвечать за эти действия. Мы каждый день ждали расправы, но на наше счастье пришла Красная Армия, которая освободила нас от немецких оккупантов.»* Макара Шабаева освободили.

Время прошло, но память осталась. Память в сердцах. Свидетелей этой трагедии становится все меньше. Почему я так подробно об этом пишу? Потому что многие годы своей жизни я занималась этим периодом жизни моей общины. В моей дипломной работе была глава об этих событиях. Многие мои статьи и книги также посвящены этой теме.

Но вернусь к детским воспоминаниям. После эвакуации мама со своим отцом пошла на рынок, и вдруг дедушке стало плохо. Он сказал маме, что вот стоит женщина, которая привела фашистов к ним домой. Мама вызвала милицию, и женщину забрали. Когда мама работала медиком в тюрьме, к ней в кабинет привели эту предательницу, которой нужна была медицинская помощь. Но мама не оказала ей эту помощь, отказалась. Не могу судить маму. Сегодня мне кажется, что она была неправа. Но тогда у нее слишком кровоточило сердце. Муж ее, мой отец был на фронте. Два раза он был тяжело ранен. Один раз, я знаю, в боях за Одессу. Мама дважды переходила линию фронта, забирала раненого отца к себе в госпиталь, лечила его, а он опять уходил на фронт. Представьте себе, молодая красивая женщина ехала поездом, искала отца. Фамилия нашей семьи — Даниловы. Среди русских много было Даниловых. К ней выходили офицеры Даниловы, но не отец, а она искала своего мужа.

Мама получала паяк от американского еврейского комитета «ДЖОЙНТ». Однажды там был кусок парашютного шелка. Мама сшила мне платье, сфотографировала меня и отправила фотографию отцу на фронт. Он пронес это фото через все годы войны и вернулся с ним домой. Этот снимок, на котором мне 3 года, хранится у меня, как память об отце.

Вернулся отец с фронта в 1945 году. Я его не признала, сказала: «Нет, мой папа бьет немцев.» Конечно, я быстро привыкла к нему. Помню эпизод, когда мы с отцом стояли на улице, а мимо нас вели пленных немцев. Один из них попросил воды, а я ему сказала: «Иди у Гитлера проси». Мне было пять лет, и мне сегодня, спустя 70 лет, очень стыдно за эту жестокость. Как я могла так ответить. Не знаю...

Послевоенные годы были тяжелые. Отец не взял от государства квартиру, решил строить дом. Сказал, что многие не могут себе позволить строить. Участок земли был большим, делали сами саман. Отец вернулся с фронта больным, с открытым туберкулезом. Последние десять лет жизни он был прикован к постели. Мама ходила в военкомат и требовала для отца путевки в санаторий в Ялту. Отец не знал, что всего этого добивалась мама. Он считал, что о нем заботится государство. И отец ездил в санатории, привозил домой памятные снимки на которых был сфотографирован с разными женщинами. Я удивляюсь маме, которая не ревновала. Я думаю, что скорее всего она не показывала свои чувства. Она была очень терпеливым человеком. У отца был тяжелый характер, вспыльчивый, тем более он столько лет был прикован к постели. Нелегко было с ним. Но человеком он был интересным, много знал, много читал. Я, по его просьбе, ходила с авоськой в партийную библиотеку, брала для него книги. Помню, как он меня ругал, если я загибала страницы книг. Хорошо помню, как он часами слушал по радио классическую музыку, оперу, помню, что он очень любил и национальную музыку — зурну, магами. Хорошо запомнила, как пришел к отцу представитель из горкома партии и прочитал ему текст доклада Н. Хрущева о культе личности. Отец уже к этому времени многое переоценил. Огромное влияние на него оказал наш квартирант Михаил Ломовский. Это был очень интересный человек. Он был сослан в Нальчик, как троцкист. В свое время он работал в посольстве в Париже. Знал много языков. Сожалею, что я не воспользовалась такой возможностью, не учила языки. С отцом они спорили до хрипоты. М. Ломовский был уверен, что после смерти Сталина многое в стране должно измениться. Вскоре его вызвали в Москву. Как дальше сложилась его судьба мне неизвестно.

Я окончила школу, поступила в Кабардино-Балкарский Университет на историческое отделение. Пришла домой и сообщила, что прошла по конкурсу. Узнав об этом, отец сказал, что он теперь может

спокойно умереть. В ноябре 1957 года его не стало. Не стало в 47 лет. Мама делала все, чтобы продлить ему жизнь. Боролась за каждый день его жизни. У нас тогда не было дома телефона, и я ночью бежала за три квартала к телефонному автомату, чтобы вызвать машину скорой помощи. Ночью мама дежурила у постели отца, в 5 утра все кипятила, чтобы мы не заразились, готовила обед и бежала на работу. И так каждый день, много лет. Она осталась молодой вдовой. Смерть отца для меня была ударом. Удивительно, но я помню, как наша собака пешком с людьми прошла весь путь на кладбище, вернулась, зашла в комнату, где раньше лежал отец, села и не хотела выйти. Сидела и тихо скулила. Животные чувствуют горе. Мы часто с мамой ходили на кладбище.

После смерти отца маму сватали, но я расплакалась, и она всем отказывала. Наверное, не хотела, чтобы у меня был другой отец. Простить себе не могу. Какой же я была эгоисткой.

Отец оставил мне завещание — страничку, на которой говорилось, что я должна любить людей, Родину, чтобы я не оставляла маму. Я старалась быть верной этим заветам. Только вот родину я люблю, но уехала далеко. Учил любить людей... Меня научили сопереживать. Я была очень наивной. Помню один эпизод того времени. Однажды я встретила на почте совершенно незнакомого человека. Он очень нервничал, так как забыл дома паспорт. Дал жене телеграмму, чтобы ему срочно выслали документ. Ни одна гостиница его без паспорта не принимала. Я предложила ему пойти к нам домой. Мама, будучи в трауре, сказала, что она может ему дать раскладушку в саду, но утром он должен уйти. Я не могла понять, что есть условности. Желание делать доброе людям часто приводило меня к конфликту с условностями. Я не понимала эти условности, вернее понимала, но не принимала. На первом курсе почти вся моя группа уехала на стройку века, на БАМ. Я не могла поехать, не прошло и года, с тех пор, как папа умер, мама ходила в черном. Я не могла ее оставить одну. И с двумя студентами Хасаном и Халидом, а также преподавателем В. Горемыкиной я поехала в археологическую экспедицию. Хасан и Халид были старше меня на десять лет. Они пришли к маме и сказали, что я для них младшая сестра, они меня не обидят и в обиду не дадут. Так и было. После экспедиции меня направили на стройку. Фальшивую справку я не взяла, работала, а сил было очень мало, домой я приползала, а мама меня купала и ворчала.

Я много читала, Читала запоем. Помню, на меня сильное впечатление произвели мемуары Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». Помню, какой шквал ненависти обрушился на писателя от власти в лице Н. Хрущева. Писали в газеты слесари и доярки, что они возмущены мемуарами Эренбурга, хотя я была уверена, что они их и не читали. Я же, наивная душа, отправила в издательство «Советский писатель» восторженный отклик на книгу. И вдруг получаю надорванный конверт с письмом. Вот текст письма:

« Милая Светлана!

Издательство «Советский писатель» переслало мне Ваше письмо, и мне хочется поблагодарить Вас за доброе слово о моей книге.

От души желаю Вам всего доброго.

И. Эренбург. 1961. 24 окт. Москва

Можете представить себе мое состояние! Я будто летала от избытка чувств. В те годы на меня сильное впечатление произвели стихи Е. Евтушенко «Бабий Яр».

Я любила изучать архивные материалы. На первом курсе написала доклад о реабилитированном Бетале Калмыкове, первом секретаре обкома партии республики. Ведь я много слышала о нем от отца. Доклад оценили, и я, в составе студенческой группы, поехала в Одессу на научную студенческую конференцию. Так состоялось начало моей научной деятельности. Опыт пригодился. А еще это был мой первый выезд из дома. И именно в Одессу. Мой отец был ранен в Одессе во время войны, и для меня поездка имела особое значение. Одесса произвела огромное впечатление. Красивый город. Обратно мы ехали почти голодные, но веселые.

Ко мне домой часто приходили студенты. Мы готовились к сдаче экзаменов. У меня осталось очень теплое чувство о тех годах. Каждую осень я ездила на сельскохозяйственные работы, участвовала в художественной самодеятельности. Читала со сцены «Гренаду» Светлова. Меня даже студенты называли Гренадой. На факультете нас, евреек, было две. Одна европейская еврейка и я, горская. Она прекрасно играла на скрипке.

Подошло время написания дипломной работы. Нам дали темы, но в перечне не было той темы, которая меня волновала. Мне хотелось

написать о своей горско-еврейской общине. Это был 1960 год. Наш преподаватель Яков Исаакович Хейфиц меня долго отговаривал. Мы его очень уважали. Это был интеллигентный человек, прекрасный педагог. Помню его лекцию о том, как в начале 20 века турки убили тысячи армян. И вдруг в тишине в аудитории раздался голос одной студентки: «...так им и надо!». В аудитории воцарилась зловещая тишина. Все ждали, что скажет педагог. Я. И. Хейфиц побелел и тихо, но твердо произнес: «Покиньте аудиторию». Лекция продолжилась. Это был урок высокой нравственности, толерантности. Так вот, Я. И. Хейфиц не мог мне объяснить, почему мне нельзя брать еврейскую тему. Любую, но не эту. «Этнография горских евреев КБР» — так я озвучила тему диплома. Он боялся за меня, а я не могла понять, почему мне нельзя писать о своем народе. Я настояла на своем, начала собирать полевой материал, то есть беседовала с пожилыми людьми, записывала их ответы на вопросы. Понимала, что мне надо поехать в Дагестан, в Баку, чтобы собрать материал. Я отправилась в г. Махачкала к ученому-историку Михаилу Мататовичу Ихилу. Встреча была очень интересной. Это был высокоэрудированный человек. Он помог мне, подсказал в каком направлении я должна идти при написании работы. Он научил меня собирать полевой этнографический материал, что очень важно для науки.

Я тогда не знала, что этого ученого третируют наши же горские евреи, горе-политики, функционеры, которые представляли себя и наш народ, как татов. Требовалась гражданская смелость, чтобы в эпоху государственного антисемитизма сказать, что мы горские евреи, а не таты. Каюсь, что и я, для того чтобы получить возможность рассказывать на телевидении о достойных представителях моего народа, говорила о татах-иудеях.

Защита состоялась. На защиту пришли человек 50—60. Студенты, педагоги... Всех заинтересовала тема моей дипломной работы. Я была единственной еврейкой на защите, но меня это не смущало. Наверное, потому, что я была очень наивной. Помню, один педагог, вальяжно развалившись, спросил меня: «А что горские евреи переняли у кабардинцев и балкарцев?» В дипломной работе у меня все это было указано, но в данный момент я выдала: «Чуреки» (это кукурузные лепешки). В аудитории раздался смех, а я продолжила: «А вот мы привезли из Ближнего Востока зурну. Заслуженные артисты, му-

зыканы-зурнисты Танахо Ашуров и его сын П. Ашуров, известные в республике, доказательство моего ответа». Был еще вопрос: «У вас есть междоусобные браки. Какую разъяснительную работу вы ведете?» Я ответила, что если партийные органы не ведут эту работу, что я, студентка, могу сделать. В общем, защита состоялась, мне поставили четыре. Но самое интересное, что в последующие годы ко мне отправляли студентов за консультациями.

Учеба закончилась. Директор строительного училища, хорошо знавший моего отца, пообещал маме взять меня на работу, но ему позвонили из горкома партии, и он вынужден был принять на работу кабардинку. Опять моя национальность мне помешала. Мама, очень выдержанный человек, а тут пошла в горком партии и высказала работнику все, что думала по этому поводу. Они меня направили в школу пионервожатой. В этой школе учились почти все горско-еврейские дети, именно эту школу открыл мой дедушка К. И. Гилядов. Здесь училась моя мама. В этой школе до войны работал отец.

На пятом курсе я вышла замуж. Меня начали сватать очень рано, но я хотела учиться, отказывала всем. Моего мужа порекомендовал мой дядя Исая Гилядов, который заменил мне моего отца.

Вячеслав Ифраимов был в семье седьмой. Семья была большой и дружной. Его мама, Ахчагуз, была мудрой женщиной. Она была религиозной, строго придерживалась наших традиций. Первый ее муж погиб в Первой мировой войне. От первого мужа была девочка. Второй супруг, Маркел, погиб во Второй мировой войне. Ахчагуз вырастила и воспитала семерых детей, да еще и двух детей старшей дочери. Все очень дружные. Они чувствуют ответственность друг за друга. Все вынесли голод, холод, фашистскую оккупацию.

Вячеслав в детстве прекрасно рисовал. Узнав это, я решила отдать дочь в художественную школу. И все ее трое детей тоже хорошо рисуют, пишут маслом. У Вячеслава прекрасные математические способности. До призыва в армию он занимался спортом, был боксером. В армии продолжил заниматься спортом. А после службы в армии Вячеслав получил радиотехническое образование, работал инженером на заводе.

Позже я узнала, что у него в армии была девушка, но ему вся родня запретила жениться на ней, только потому что она была русской. Ужас! А я думаю, может быть, с ней у него была бы более счастливая жизнь. Я была неудобной спутницей в жизни, нетипичной. У меня

были свои представления, идеалы, стремления. Я хотела реализовать-ся, стать личностью. Я часто ездила в командировки по линии общества «Знание», на педагогические семинары. Я всю жизнь работала, причем работала, как одержимая. А он был горско-еврейский парень, которому не все было понятно в моем образе жизни. Мы живем уже вместе более пятидесяти лет. Это были не очень легкие годы, но, как мой дядя Исай Гилядов говорил, что в семье первые 70 лет совместной жизни трудные. Да, в семье важно терпение, уважение и стремление сохранить семью. Мужей, жен можно много найти. Это не проблема, но я считаю, что дети должны иметь рядом и отца, и мать. Могу сказать, что мой супруг — прекрасный отец, прекрасный дед. И дай ему Б-г здоровья на 120 лет жизни!

В 1963 году я попала на работу в профтехучилище. Это были очень интересные годы моей жизни. Учащиеся были трудные, но я находила с ними общий язык. Я уважала их, а они уважали меня. Преподавала я курс эстетического воспитания, обществоведение. Занималась журналистикой. Писала я об интересных людях, о судьбах учащихся и, конечно, о представителях моего народа. Писала сценарии телепередач, вела их. Одна из статей была посвящена директору училища Аскербии Маштаевичу Черкесову. Когда я к нему пришла на работу с направлением, он строго посмотрел на меня и сказал, что у нас трудно работать, мужчины не выдерживают, ты такая молодая и маленькая ростом... Его заставили меня принять. Прошло столько лет, я ему очень благодарна. Он был для меня наставником. И не только для меня, но и для всех учащихся. Он знал семейное положение каждого. Помогал всем. Как-то он попросил меня быть его доверенным лицом, он баллотировался в депутаты. Я ездила с ним на предприятия, на встречи с избирателями.

Помню урок 23 февраля 1969 год. Тема урока была «Депутаты горсовета». Я рассказывала ребятам на примере нашего директора, А. М. Черкесова о роли депутатов. Стук в дверь. Вышла, а мне мастер производственного обучения сказала, что скончался А. М. Черкесов. Я потеряла сознание. Все училище выехало в родное село его хоронить. Ему было всего 44 года. Сказалась высылка с семьей из родных мест, когда он был еще ребенком, сказалась трагедия балкарского народа, горе и лишения, которые выпали на его долю. Он прожил короткую, но яркую жизнь.

Я не сразу написала о нем статью. Прошло два года, он стал мне сниться по ночам. Ночью встала, включила свет и написала статью «Сердце на ладони». Да, его сердце было на ладони. Общение с ним сформировало мой характер, он многому меня научил. Помню, я написала доклад о проблемах учащихся ПТУ, и заместитель начальника, страшный антисемит, хотел меня обвинить в антисоветчине, а А. М. Черкесов меня защитил. Он ценил людей не по национальному признаку, а по заслугам. Пусть его душа будет спокойной там.

Помню одну свою поездку с учащимися. Меня наградили, назначили руководителем группы. Учеников было 16 человек. Мы должны были сесть на теплоход из Одессы и плыть по Дунаю. Со мной был еще работник КГБ. Интересно, что среди ребят были такие, которые до этого не были даже в Нальчике, а тут им предстояло посещение Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии.

На теплоходе было 200 учащихся профтехучилищ со всей страны. Это было время, когда пили с поводом и без повода. Я отказалась принимать участие в этих посиделках и проводила время на палубе с детьми. Они танцевали, отдыхали, а один юноша из Ленинграда подсел ко мне и с улыбкой спросил, почему я всегда с ребятами, наказана что ли? Я ответила, что мне нравится общение с молодежью. В Бухаресте ко мне подошел работник КГБ и сказал, что в гостинице есть один еврей, который уехал из СССР и хочет поговорить со мной. Я посмотрела на него и ответила, что для этой цели есть они, и что я его не знаю и знать не хочу. Чем я могла ему помочь? Потом работник спецслужбы признался, что они проверяли меня перед Югославией. Я пришла в ярость. Нагрубила. Ведь моя жизнь и мой род были на виду. Я нальчанка в пятом поколении. А вдруг я сбегу? Абсурд! Что я могла оставить маму, свою семью, а сама удрать?

В 1985 году началась перестройка. Я поверила, что пришло время демократии. У меня была статья, где я писала: «... демократия сама по себе не станет нормой нашей жизни. Демократизму, гласности надо всем учиться и учить. Учить вырабатывать в себе умение, силу противостоять неверному решению чиновника, выше тебя стоящего. Понимать, что у тебя будут неприятности, а значит, сохранять мужество. Уметь доказывать и поступать согласно своей совести. Нам предстоит перебороть в себе барское и рабское чувство и ощутить себя личностью.»

Еще одну очень важную для меня статью «Почему у меня болит душа?» (1985 год) опубликовали в Кабардино-Балкарской Правде. Она была опубликована благодаря работнику газеты Евгении Шутовне Белгороковой. Это она взяла мою статью и пошла в Обком КПСС к первому секретарю Б. М. Зумакулову, чтобы статью разрешили опубликовать. Е. Ш. Белгороковой я обязана формированием меня как журналиста. Она меня многому научила. Кабардинка, человек очень толерантный, порядочный. Мне везет в жизни на людей. И Слава Б-гу!

В статье «Почему у меня болит душа?» я подняла важные и болезненные проблемы: Почему дети моего народа не имеют права учить родной язык, петь на родном языке, почему нет у нас национально-го, культурного центра... Статью обсуждали в партийных органах и в 1988 году при Фонде культуры КБР открыли еврейский центр культуры. Мне сказали: «У Вас болит душа? Работайте!», но добавили: «За счет своего народа».

В это время я ближе познакомилась с таким же одержимым человеком Инессой Ташаевой. Она преподавала в музыкальной школе, и ее тоже волновали вопросы национальной музыкальной культуры. При школе в колонке она вела вокальную студию, где дети пели на родном языке. Я рассказала о том, что мне дают возможность открыть общественно-политический центр. Предложила работать вместе. Инесса Матвеевна посоветовала назвать наш центр «Товуши», что в переводе на русский означало «Свет». Да, мы две одержимые женщины очень хотели осветить жизнь нашей колонки, наших горских евреев. Хотели, чтобы в республике знали о нас больше, и не только. как о ремесленниках и спекулянтах (так называли тогда тех, кто пытался заниматься предпринимательством), а рассказать о наших представителях интеллигенции, о наших музыкантах. Мы хотели, чтобы наши дети пели и танцевали на концертах, на телевидении.

Я посоветовалась с молодыми предпринимателями, заручилась их поддержкой и с головой окунулась во все проблемы. Надо сказать спасибо председателю горисполкома Феликсу Хараеву. Он выделил пустое помещение бывшего детского садика. Здание было аварийным по документам. Что удивительно, в этом помещении когда-то были первые классы, где мой дед обучал детей, потом там был сельсовет, а главное здание располагалось в центре горско-еврейской колонки. Я ушла из министерства и работала первые три года без зарплаты.

Потом уже министр образования Х. Г. Тхагапсоев выделил мне четыре ставки при Доме детского национального творчества. Я получила звание «Заслуженного учителя республики». Поверьте, я еще не знала, что предстоит тяжелая работа. Но в жизни нет ничего случайного. Я часто задавала себе вопрос, почему я? Казалось, ну зачем мне, учителю, матери, этим заниматься? Да еще без средств, на одном энтузиазме.

И нашла в книге раввина А. Штейнзальца ответ: ***«В иудаизме выбор пути не прост и не однозначен. Каждый человек обладает душой, уникальность которой определяется не только наследственностью и воспитанием, но и божественным замыслом. Ибо каждому человеку определена в мире своя задача, которую не может выполнить никто другой, хотя рядом с ним могут находиться лучшие и более одаренные люди, которым эта задача, казалось бы, вполне по силам. И все же только сам он, человек, может решить эту задачу».***

Очень верно!

О том времени, когда меня выбрали депутатом Верховного Совета республики в самые тяжелые времена 90-х, о том как решали мы многие проблемы, как пришлось спасать и помогать беженцам, еврейской национальности из Грозного, как я помогала людям продать дома и уехать, спасаясь от криминала, о сборе материала о погибших в годы Великой Отечественной войны, о развитии национального искусства написано в моей книге «Сердца, дарящие тепло».

Есть, что вспомнить и есть, кого вспомнить. Думаю, что я не зря живу.

ВОСПОМИНАНИЯ

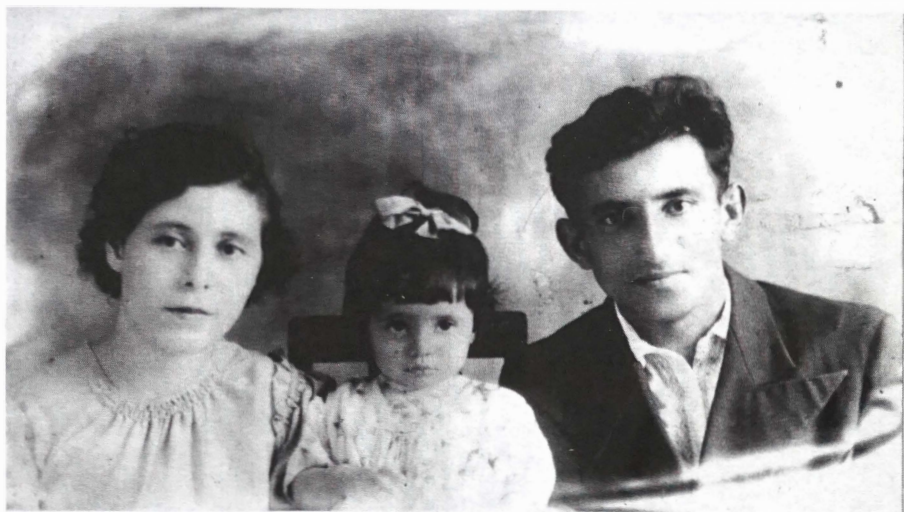
Камуил Исаакович Гилядов (1880–1967) —
дедушка С. Даниловой.
Портрет художника И. Давыдова.
Музей ИЗО, г. Нальчик

Арон Данилов (1909–1957) —
отец С. Даниловой

Роза Данилова (1916 - 2000) —
мама С. Даниловой

Семья Даниловых. 22 июня 1941 года —
первый день войны. Отец Арон ушел добровольцем на фронт

Эту фотографию отец пронес через всю войну.
Светлане здесь два года

1946 год. Радиокомитет. Выступает Арон Данилов. Офицер. После боевого ранения — журналист, г. Нальчик

ВОСПОМИНАНИЯ

Роза Данилова.

Заведующая медицинским офисом швейной фабрики

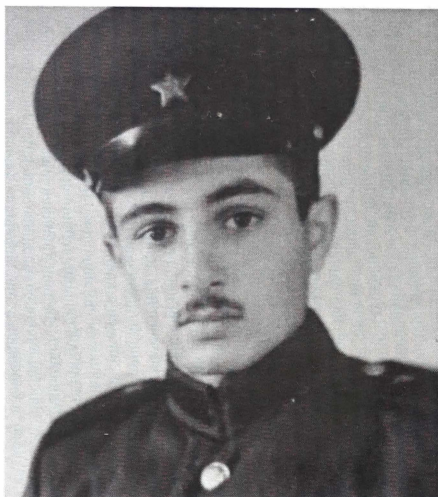

1928 год. Школа № 10. В центре — Камуил Гилядов, основатель школы № 10.

Во втором ряду крайний справа — Арон Данилов, отец Светланы, г. Нальчик

Светлане 16 лет, 1956

Вячеслав Ифраимов

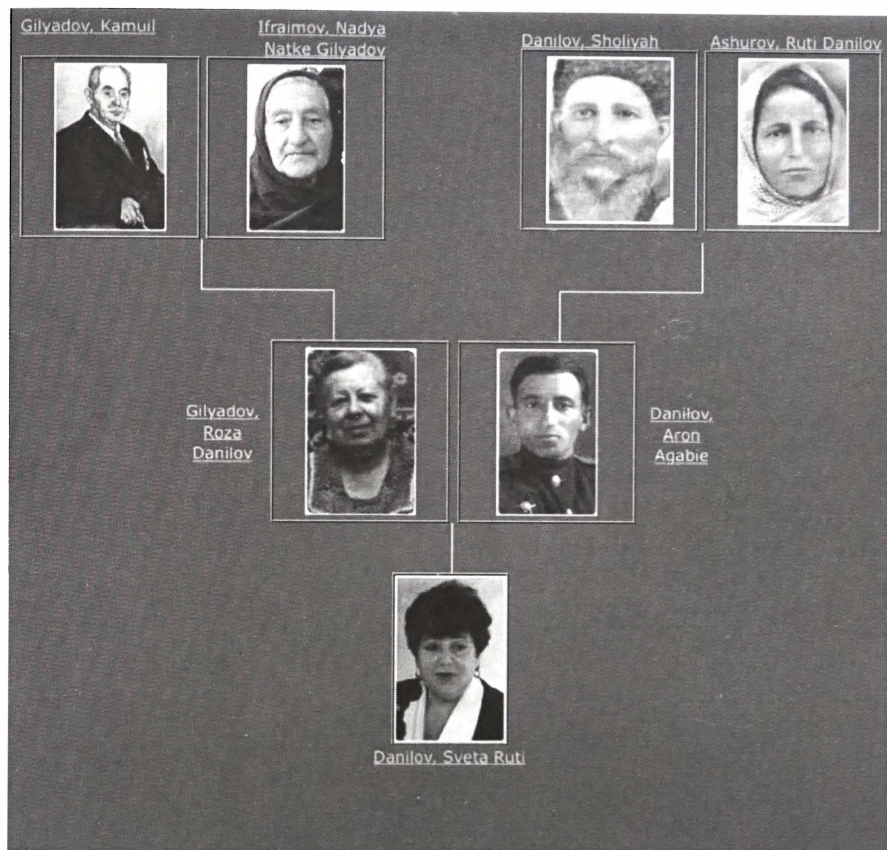
Светлане 20 лет.

Студентка Кабардино-Балкарского университета, 4й курс, 1961 год

Вячеслав Ифраимов.

Супруг Светланы. 1962 год

Родословное древо Светланы Даниловой
 (получено от ее двоюродного брата Леонида Гилядова и ее земляка Семена Ашурова,
 которые работают над составлением генеалогического древа. Сегодня в их базе данных
 уже более 12 тысяч жителей горско-еврейской общины г. Нальчика)

МОИ ДЕТИ И ВНУКИ

Я могу гордиться своими детьми и внуками. Старшая Таня, экономист, младшая Инна, врач-психиатр. Таня и ее дети прекрасно рисуют. У Тани очень надежный супруг, Нахим. Я считаю, что он не зять, а наш сын.

Мои внуки. Пусть Б-г не считает, как у нас в народе говорят, их у меня пять. Трое живут в Торонто (Канада), один в Майями и младший в Нью-Йорке. Все они самодостаточные.

Старший — Исай, строитель. Скромный, работоспособный, а главное, очень порядочный человек. В 2016 г. участвовал в поездке молодежи США и Канады по местам Холокоста в Европе. Девочка Эллина — юрист, уже сама мама, причем очень хорошая мама. Ее супруг Юваль Фиш, родной нам человек. Интересный собеседник, отличный муж и отец. На него можно положиться. Другая внучка, Рая, окончила институт, работает. Надеюсь, что скоро у нее сложится семья. Ее молодой человек хороший, талантливый и доброжелательный парень. Канадский еврей. Красивый и, мне кажется, приветливый и внимательный. В Майями Юрий, сын младшей дочери, Инны, добрый и заботливый юноша. Почти каждый день звонит, спрашивает, как мы. Очень хотелось бы дожить до их свадьбы.

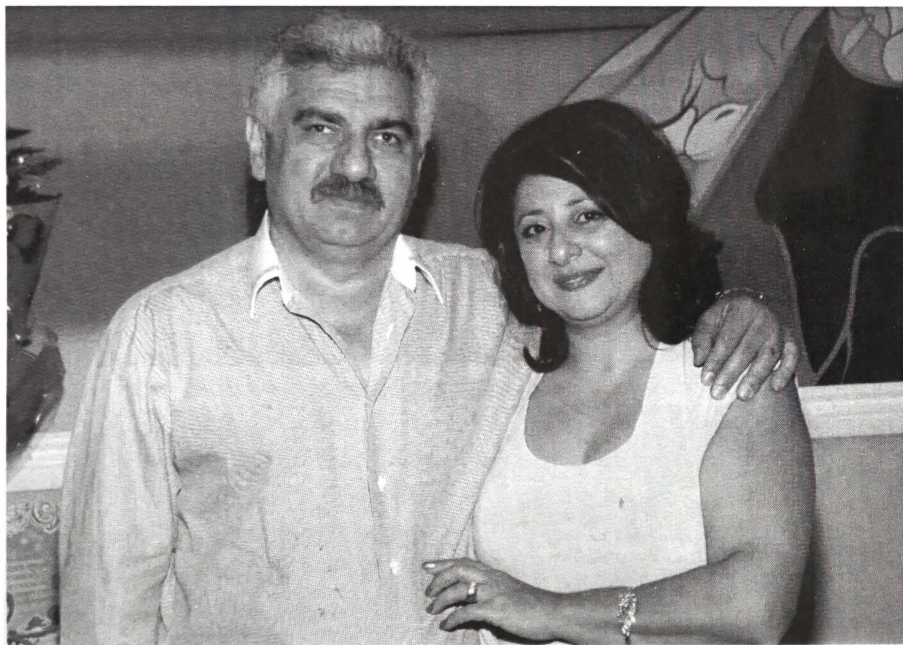
Младший мой внук Алберт-Аарон. В 2012 году я сказала, что счастлива, что приехала в США. В тот год Алберт поступил в известный всему миру Гарвардский университет. Упорный, целеустремленный юноша. Он участвовал во многих конкурсах. Так, например, он был победителем конкурса г. Нью-Йорка по теме «Холокост». Много читает. В журнал горско-еврейской общины «Товуши» писал статьи. По результатам тестов его приняли в пять ведущих вузов США. Он, конечно, выбрал Гарвард. В мае 2016 году Алберт получил диплом. Два года его избирали президентом студенческой газеты, где он публиковал свои статьи.

24 мая 2016 г. вся наша семья поехала в Бостон, чтобы поддержать и поздравить Алберта-Аарона. Приехали из Бруклина, Майями, из Торонто. Мы с внуком сфотографировались.

Я счастливая бабушка!

2016

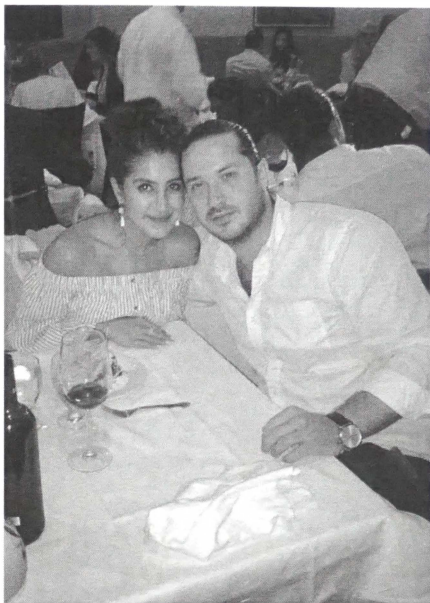

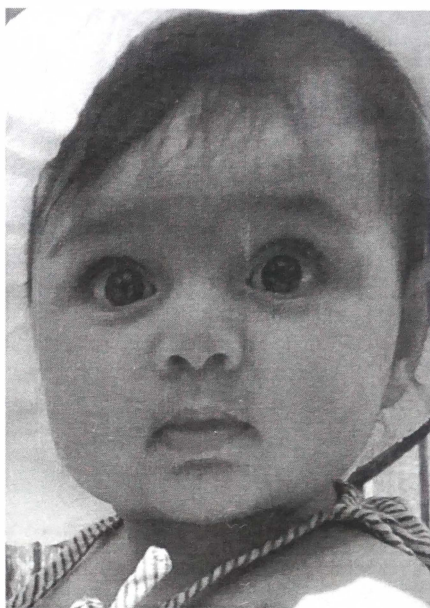
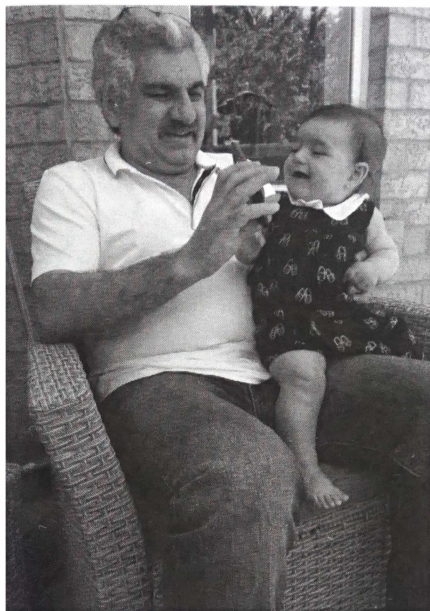

ВОСПОМИНАНИЯ

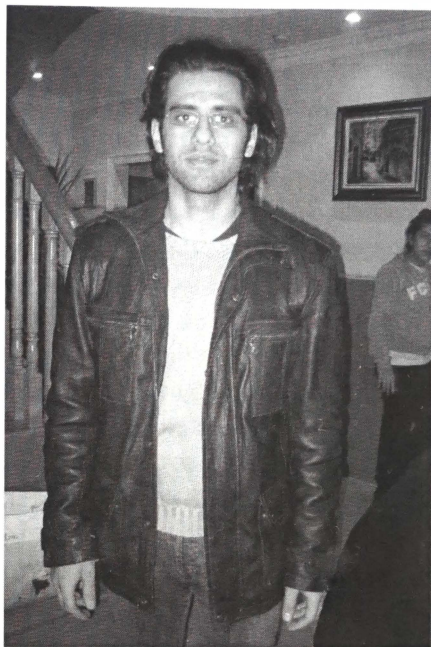

ВОСПОМИНАНИЯ

Исай Нахимов, внук Светланы.

Поездка молодежи США и Канады
по местам Холокоста в Европе. Польша. 2016 год

Алберт-Аарон Мурзаханов, внук Светланы.

Выпускник Гарварда. Бостон. 2016 год

На первый взгляд может показаться, что перед вами рассказы, эссе, повести, очерки и статьи, связанные между собой только именем автора. Но это не так. Главное это люди о которых мы будем говорить, при всем разнообразии судеб они похожи — гордые, непримиримые, любящие свою историю и свой народ. Знать их, говорить с ними большое счастье. Рассказывать о них — святая обязанность.

*Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену.*

*Борис Пастернак
Ночь*

2. ПОВЕСТИ

РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

Часть первая

Наамо проснулась рано, но, можно сказать, что она и не спала. Каждый день ее жизни проходил перед глазами. Как в замедленном кино. Ее сердце сжималось от боли, ей трудно было дышать, но отделаться от этих воспоминаний она не могла. Что это? Конец жизни? Может ей осталось прожить на этой грешной земле еще чуть-чуть, и ей дается возможность вспомнить свою жизнь, чтобы подвести черту? А зачем? Кому это надо? Наверное, прежде всего, ей самой...

Наамо, шатаясь, подошла к окну, открыла его, и горный свежий воздух ворвался в комнату. Она глотала этот воздух, смотрела с умилением на снежные величественные горы. Боже мой, какая красота! Как не хочется умирать, и кто придет с ней проститься? Почти вся община уехала за рубеж, кто куда. Да, какая ей разница кто придет на

ее похороны. Конечно, она хотела бы при жизни увидеть своего сына, который уехал жить с семьей в Германию. Ирония судьбы... Как она не хотела, чтобы он уезжал, да еще в Германию. Наамо жаждет увидеть сестру с мужем, которые живут на юге Израиля, в Сдероте, брата из Нью-Йорка. Вызвать их, что ли? Она чувствовала, что ей осталось очень мало жить... Ей так хотелось их всех увидеть.

Наамо вспомнила, как они бедно в детстве жили, но были такие дружные. Все в горско-еврейской колонке знали друг друга. Это был замкнутый круг. Казалось, что выбраться из него было просто невозможно. Все боялись, чтобы сын или дочь, не дай Б-г, не женились не на своих. И все переженились в общине. Иногда ездили в другие города Кавказа и привозили себе невест. Из Баку, Дербента, Махачкалы, из Грозного. Исключения все же были. Жизнь брала свое. Привозили из городов России, где учились или служили в армии. В основном это были европейские еврейки. Даже им было нелегко влиться в эту среду, а что говорить о русских, татарках, кабардинках, балкарках. Все они входили в этот замкнутый круг.

Наамо вспомнила родственника, который танцевал в ансамбле и влюбился в свою партнершу по танцам. Красивая девушка, кабардинка, она тоже полюбила его, но ни ее, ни его родственники не хотели этого брака. Почему? Причина была в разных религиях. Все следили за событиями, всех интересовало, а что же будет дальше, победит ли любовь? Победила, но не надолго. Наш джигит в Москве встретил девушку и остался там. Ушел из семьи, оставив молодую жену с ребенком. А она осталась в общине. Она знала язык его народа, обычаи, традиции. Она стала частью общины, и все ее признали, любили и уважали. Она была своей. Наамо не забыла, как хоронила вся община эту святую женщину. Все пришли проводить ее.

Воспоминания крутились в голове у Наамо: их маленький домик, глиняный пол, вместо кроватей деревянный настил, одеяло, сшитое мамой из разных кусочков ткани. Такое яркое было одеяло, словно мозаика. Во дворе была печь. Наамо часто вспоминала изумительный вкус и запах домашнего хлеба.

Мама Тино... Какой красивой и яркой женщиной она была! Она рассказывала дочерям, как ее отдали замуж в пятнадцать лет. Она не имела представления о женихе, но свадьба состоялась. Собрались гости, ели, пили, танцевали, но, в самый разгар свадьбы, во двор

ворвался на коне Урииль со своими друзьями, отец ее будущих детей, подхватил ее и помчался в лес, потом в какое-то село, где жил его друг Руслан.

Тино Урииля тоже не знала, как и своего жениха, от которого увез ее Урииль. Видела пару раз, но даже внимания на него не обратила. Тино кричала, сопротивлялась, но понимала, что обратного пути ей нет. Опозорил ее Урииль. Гости, сидевшие на свадьбе, были поражены. Еще бы, на глазах у всех гостей умыкнули невесту. У горских евреев не было принято воровать девушек, как это было принято у других народов на Кавказе. В редких случаях парни — горские евреи осмеливались идти на этот шаг, когда не удавалось убедить родителей невесты отдать ее за него, но Урииль даже не сватал Тино. Он был уверен, что за него не отдадут девушку. Он был из бедной семьи. Хотя семья Тино тоже была бедной, но Тино была очень красивой, и ее родители надеялись отдать дочь в более обеспеченную семью.

Разразился скандал. Отец мамы проклял и дочь свою, и Урииля. Наамо все думала, почему Урииль пошел на этот шаг? Кто знает? Любовь или какое-то другое чувство было у него? Да какая любовь? Мама не имела представления ни об этой любви, ни об этом парне. Стали жить, о чувствах и речи не было. Были только сплошные обязанности. Отец не имел права называть жену по имени. Только произносил звук У-У. Это звучало всякий раз, когда муж звал жену, как скотину. Особенно перед своими родителями. Впрочем, как и у всех в этой среде.

Родилось четверо детей, а тут проклятая война. Отца призвали на фронт сразу, в первый же день войны, потом призвали и брата. Сестра была медсестрой, она добровольцем ушла на фронт. Брат и сестра еще не имели семьи и, не успев пожить на этом свете, погибли на фронте. Их жизнь оборвалась очень рано.

Наамо было в это время всего шестнадцать лет. Ей говорили, что она была очень красивой. Миндалевидные черные глаза, ямочки на щеках, волосы ниже пояса, черные как смоль, тонкая талия и длинные ровные ноги. Красавица! Наамо вспомнила, как на нее смотрели молодые люди на улице и, особенно, пожилые женщины в бане. Да, да в бане. В домах не было душа, и все ходили в баню со своими тазами. Именно в бане бабушки высматривали молоденьких девушек для своих внуков. Если им девушка понравилась, то просили девушку потереть им спинку. Интересно, откажет она или подойдет? Услужливая

она или нет? Если бабуле нравилась девушка, то она говорила дома: «Посмотрите дочь такого-то». Шли сватать, иногда забыв предупредить сына. Чаще всего ставили его перед фактом.

Если бы не война, Наамо, наверное, отдали бы замуж, хотя ей было шестнадцать лет. Правда, ей никто не нравился, но это никого и не интересовало. Встретаться с юношами нельзя было. Она вспомнила трагический случай с ее подругой. У нее был очень жестокий отец. И, хотя его жена была казачкой, но она подчинялась мужу во всем. Она одевалась как горянка, ходила в длинном платье, в платке, выполняла все неписанные законы общины. Как-то раз их дочь пришла домой поздно вечером. Ее провожал молодой человек. Отец девушки увидел их, устроил страшную сцену, ударил дочь, обозвал ее шлюхой. Девушка забежала в чулан, облила себя керосином и сожглась. Спасти ее не удалось. Вся община гудела, но отцу в глаза ничего не сказали.

Наамо помогала маме по хозяйству. Мама научила ее готовить национальные блюда. Все любили чудо — пироги из пресного теста. Начинка была из зеленого лука или мяса, но из мяса делали редко, чаще из зеленого молодого лука и зелени. Наверное, эти блюда придумали от бедности. Лук рос в огороде. Наамо не очень любила готовить это блюдо, потому что мучительно было чистить лук, отделять белые головки, томить, резать мелко весь лук. С тестом она справлялась довольно быстро. Во дворе, в русской печи пекли пироги. Но, когда садилась семья за стол, все с удовольствием ели это блюдо. Много было блюд от бедности. Люди выкручивались, как могли. Все придерживались еврейских правил — не смешивали молочное с мясным, конечно, не ели свинину, и соседи-мусульмане спокойно ели в еврейском доме, покупали мясо, когда в синагоге резали корову или барашка.

На Песах, а называли этот праздник Нисану, в синагоге пекли мацу, и дети разных национальностей вместе с еврейскими детьми с большим удовольствием ее грызли. В еврейских семьях делали все, что положено по еврейской религии. Чистили золой посуду до праздника, правда, зажиточные люди имели специальную пасхальную посуду, предназначенную для этого случая. Не было семьи, которая бы не праздновала Нисану (Песах). Даже коммунисты, тайком, дома отмечали великий еврейский праздник. Перед Судным днем в синагогу шли люди с курами и петухами. Приносили их в жертву. Некоторые

вели своих детей в синагогу, и раввин крутил (дичь) птицу над головкой ребенка, читал молитву, просил Всевышнего дать ему здоровья.

Во время войны было всем очень тяжело. Многие думали, какбы уехать из города куда-нибудь, ведь в город вот-вот придут враги. В городе появились эвакуированные европейские евреи. Они рассказывали о том, что фашисты расстреливали евреев только за то, что они евреи. Пришло время уезжать из Нальчика. Но не у всех была возможность уехать. Люди рассуждали: «Что будет со всеми, то и с нами». Надеялись на чудо. На правительство надежды не было. Семьи членов правительства уезжали, увозя в машинах все вещи, даже фикусы. А о людях не думали, их бросили на произвол судьбы.

В 1942 году в город пришли немцы и румыны. Они не спрашивали разрешения у хозяев. Где им хотелось, там и поселялись, изгоняя хозяев. В общине стали говорить шепотом, что скоро их всех убьют, как евреев, потом пронесся слух, что расстрел отложили. Немцы стали выяснять, а евреи ли они. Язык другой, да и внешне отличаются. Люди собирали деньги, золото и передавали через кабардинцев полициям и немцам. Был среди них Мухамед, который хотел спасти местных евреев. Их отцы еще до войны дружили. Мухамед часто жил у них дома. Но как спасти? Он доказывал, что они не евреи, водил комиссию гестаповцев по домам. Тем сразу бросалось в глаза, что увиденный быт не был похож на привычный для евреев. Грудные младенцы лежали в каких-то люльках, на стенах висели медные тазы, в общем непонятно, кто они. А бедные люди откупались от немцев, как могли. В каждый дом заходили немцы, румыны, а с ними и местные, чтобы грабить. Отбирали все — деньги, одежду, белье, постели, кровати, даже детские вещи. Зачем им детские вещи? Забирали птицу со двора, все, что было, что попадалось им на глаза. Особенно отличались в мародерстве румыны.

Каждый день в общине рассказывали, что происходит в городе. Расстреляли еврейскую семью, всех одиннадцать человек. От старика Ровино до младенцев. К соседям Тино каждый день приходили солдаты и требовали ценности, которых у них не было. Спасла их русская соседка, которая сказала немцам, что в доме заразные больные.

— Тиф у них — кричала она

— Тиф...

Они так испугались, что больше не пришли.

Люди помнят, как спасал горских евреев дядя Коля. Он прекрасно владел немецким языком и убеждал фашистов, что эти люди — горский народ.

Наамо вспомнила, как ее двоюродная сестра Аснат прибежала к ним вечером с двухлетней своей девочкой. Она рассказывала и плакала, вся тряслась. Утром пришел к ним немец и требовал, чтобы она пошла на работу.

— Я не могу, у меня ребенок.

— Отдай соседям.

— Мы пошли к соседям. Он говорит моим соседям: «Возьмите ребенка, пока она будет на работе».

Но они не хотели брать еврейского ребенка. Боялись. Их тоже понять можно. Немец все же пристроил девочку, а меня заставил подметать казарму. Я мету, а он ходит за мной и щиплет меня то за грудь, то за задницу. А я ему: «Иди к черту, собака.» Проклинала его на нашем языке, хорошо, что он не понимал. Что мне делать? Прошу его, чтобы он отпустил меня в уборную, что во дворе. Он отпустил. Уже было темно. Я убежала. Забрала ребенка и бежать к вам.

Аснат оставила у нас девочку, а сама скиталась, пряталась, то на базаре, то у родственников в подвалах.

Немцы не могли понять, на каком языке говорят местные евреи. Это был не тот еврейский язык, идиш, который они слышали до этого. Они не знали, что горские евреи говорят на старинном персидском языке. Немцы не слышали молитв, которые произносили старики, а они были на древне-еврейском, как у всех евреев мира. Наамо вспомнила, как во время оккупации старики решили спрятать все священные книги, Тору, свитки и, как покойника, на носилках отнесли все на еврейское кладбище, спрятали в могилу, надеясь, что скоро придет победа, и они вернут все в синагогу. Они шли мимо здания гестапо, сердца у них от страха сжимались. Но они это сделали. В одном из подвалов старики молились и утром, и вечером, как будто этот подвал заменял им синагогу или собирались у раввина дома, чтобы молиться. Молились по каждому еврею, убитому на фронте или расстрелянному в республике, читали поминальную молитву.

Особенно обидно было, когда приходили соседи — не евреи, которые до войны ели хлеб да соль в их доме, а теперь грабили и при этом

цинично говорили: «Все равно скоро всех вас немцы расстреляют, зачем вам эти вещи, а нам они пригодятся».

В первый же месяц оккупации фашисты расстреляли почти всех европейских евреев. В городе их было немало. Это была интеллигенция: врачи, учителя, инженеры, которых до войны прислали в республику, чтобы развивать экономику и культуру. В институте было много преподавателей, ученых. Кто не успел уехать или надеялся на авось, всех расстреляли. Многие горожане помнили двух сестер-близняшек, они были врачами. Одна из них — врач-акушер. Она столько детей приняла, дав им жизнь. Другая — терапевт. Семьи у них не было. Говорят, перед смертью они обнялись и пели тихо какую-то еврейскую песню на идиш. А стрелял в них, по приказу немца, местный, детям которого врач помогла войти в этот свет. Впоследствии он спился, наверное, совесть замучила. Ведь бесследно ничего не проходит. За все в этой жизни надо платить.

В одном селе расстреляли 57 европейских евреев, среди них старики, женщины, дети. Они приехали в республику из Крыма. Бежали от фашистов, а фашисты их догнали здесь на Кавказе. Людей закрыли в сарае и расстреляли. Сельчане трое суток слышали крики людей, а потом сельчане их похоронили. Горские или европейские евреи — какая разница? Всех ждала одна участь. Смерть.

В доме Тино жил молодой немец Иоган. Он был ответственным за питание в немецкой армии. Удивительно, но он часто приносил им продукты. У него было незлое лицо и очень грустные голубые глаза. Наамо стала замечать на себе его долгий взгляд. Она чувствовала, что от этого взгляда ей становилось жарко. Как-то вечером он позвал ее в сад, потянул за руку, посадил на скамейку рядом. Иоган сказал, что он один сын у мамы, и что он так скучает о ней. Говорил он на ломанном русском и немецком. Странно, но она понимала его. Она хорошо училась в школе, и у нее по немецкому были отличные оценки, только она не думала, что ей придется слушать немецкую речь от немца, от врага. — Я знаю, что ты еврейка. Мне страшно за тебя. Ты такая красивая. В школе у меня была девушка Рут. Ее отец был адвокатом. Мама написала мне, что ее с семьей куда-то увезли. Я знаю, куда. Она не вернется живой. Будь проклята война. Я не хочу умирать. Я хочу любить, иметь детей. Ты такая красивая. Я так хочу тебя.

Иоган распустил ее тугую, черную, как смоль, косу. Волосы каскадом упали ей на плечи, спину. Он расстегнул кофточку. Наамо оцепенела, а он привлек ее к себе и поцеловал в губы. Это был первый в ее жизни поцелуй. Его руки ласкали ее маленькие груди, розовые сосочки. Он нагнулся и взял ее сосок в рот, затем второй..., потом с силой оторвался от нее и тихо, хрипло прошептал: «Нет, нет, я не должен. Уходи, беги от меня». Наамо встала и убежала.

Сколько лет с тех пор прошло, но она отчетливо помнит каждое мгновение. Помнит, что она легла спать, но уснуть не могла. Она чувствовала на себе его крепкие руки, его горячие губы. Он враг, но странно, ненависти к нему почему-то у нее не было. Она не думала, что это руки и губы врага. Для нее он был первым мужчиной, который зажег ее каким то странным огнем. На следующий день, вечером, он взглядом позвал ее опять в сад. Ей бы убежать, уйти из дому, сказать нет, но она безвольно шла за ним. Он только говорил: «Прости меня, прости», — а сам спешно расстегивал кофточку, обнажая ее груди, долго смотрел на нее, затем резко поднял юбку, стянул трусы и взял ее. Ей было очень больно, но она не сопротивлялась, она плакала, то ли от боли, то ли от страха. Каждую ночь они, украдкой, в его комнате страстно занимались любовью. Он был ласков с ней и повторял, что любит ее. Все повторял: «Пусть они будут прокляты».

— Кто? — спросила она.

Он ответил: «Гитлер и Сталин. Я не хочу убивать людей, я хочу быть с тобой, я хочу любить тебя».

Так продолжалось более двух месяцев, затем он спросил маму Тину: — Можете ли вы где-то спрятаться? Скоро всех вас расстреляют, рвы готовы и списки тоже. Уходите.

Они стали спешно собираться. Иоган нагнулся к Наамо и тихо ей прошептал, что если будет живым после войны, он ее найдет. Сунул ей маленький листок бумаги. Там были написаны его фамилия и город. Она не могла понять зачем ей это, но спрятала бумажку в лифчик.

Мать, брат и она ушли в село, где Урииль, их отец, до войны работал. Он прекрасно знал кабардинский язык, традиции, обычаи этого народа и имел много друзей среди них. Когда они ночью постучались в дверь к Саладину, он тотчас их впустил в дом. Хозяйка встала и покормила их. Они рассказали, что им грозит смерть. Без слов их отвели в чулан, спрятали. Каждый день им приносили еду.

Конечно, Саладин понимал, что если кто-то узнает, что он прячет еврейскую семью, их тоже расстреляют, но иначе поступить он не мог. Он был верен дружбе с их отцом. В январе 1949 года город освободили от врагов. Тино и ее детям кабардинцы дали подводу, продукты, и они вернулись домой. А в доме ничего не осталось, «добрые» соседи постарались оставить его пустым. Какие разные люди. Ограбили, но это не трагедия. Беда была впереди. Принесли письма-треугольники, которые открыть было страшно, а открыть надо было. В одном было написано, что отец пропал без вести. В другом, что брат Нисон погиб, в третьем — погибла сестра Рут. Как все это пережить? Мама Тино одела все черное, села на пол и заголосила. Стали приходить родственники, соседи. Они приносили с собой еду. Сидели с ней все семь дней на ковре. Все плакали, одна причитала. Она знала всех в общине, знала, у кого кто погиб и своими словами заставляла плакать всех. У всех были свои несчастья, но горе было общим. Община — это семья, где есть порядочные и непорядочные, добрые и жадные, здоровые и больные. Все радовались вместе и переживали тоже вместе. Плакальщиц всегда ценили в общине, это были уважаемые женщины.

Семь дней в доме стоял плач. А Наамо с каждым днем чувствовала себя все хуже. Она худела, под глазами были синяки, и мама Тино думала, что причина в том, что ее девочка страшно переживает семейное горе. Оно так и было. Но, кроме этого, Наамо поняла, что в ней растет ребенок. Ребенок врага — Иогана, немца... О, Боже!

...Но самое страшное, что для нее Иоган не был врагом. Что она скажет матери? Она решила сказать, что ребенок от русского парня, Андрея, который недавно погиб на фронте, а его родители уехали куда-то. Ему было всего восемнадцать лет. Мать узнав, заплакала:

— Что ты сделала? Какой позор!

Если бы она знала правду, подумала дочь.

— Мама, прости меня, прости.

— Нет, ты должна исчезнуть, уезжай к тете, в Хасавюрт, к моей сестре. Нет, нет. Что я говорю? Всем сразу будет известно. Что ты со мной и с собой натворила? Мало нам горя? Езжай к моей подруге в русское село, чтобы люди не обсуждали нас. Только этого нам не хватало. Какой позор! А ребенок, куда его деть? Ладно, рожай, там видно будет. Тино прижала к себе дочь, и они долго вместе плакали.

Наамо не уехала, она осталась дома. Прошло столько лет, а Наамо все помнила и сейчас вспоминала день за днем. Вспоминала, как было тяжело ее семье и ее соседям, всем. Сколько было трагедий, но была надежда, что завтра будет лучше. В марте отметили мусульманский праздник, резали баранов и приносили угощение своим соседям и знакомым немусульманам: русским и евреям, осетинам. В еврейских домах появилось мясо. В дом Тино, Саладин привез мешок муки и мясо. В апреле был праздник Нисану — еврейский праздник. Все отмечали. Катали тесто и пекли мацу в печи. Кто-то принес вино, и все вместе отметили праздник, правда не очень-то было весело. В каждой семье кто-то погиб, но традиции продолжали жить. Просили Всевышнего помочь. С ними рядом были кабардинцы, русские, осетины, грузины. Как они говорили, Бог один у всех. После Нисану была русская пасха. Бедно, но отмечали все вместе. А главное, все верили в победу, но когда она будет, эта победа?

Наконец, чудо свершилось. Объявили победу. Все обнимались и плакали. Все: мужчины, женщины, дети. Но жизнь легче не стала. После войны негде было работать, а жить надо было. Мама Наамо торговала синькой, спекулировала мелочевкой, и этого хватало, чтобы как-то прокормить брата и ее. Кто-то доложил властям, пришли милиционеры, стали искать, все перерыли, ничего не могли найти. А тут братик, ему было шесть лет, закричал: — А я знаю, что вы ищете, знаю, что вы синьку ищете. Я знаю, куда синьку мама спрятала — она в печке».

Они забрали и маму, и синьку. Ее посадили в тюрьму. Дали год тюрьмы.

Трудно было выжить, но выжили. Наамо родила мальчика. Назвала его еврейским именем Борух, по-русски Борисом. Раввин сделал ему обрезание. Все как положено. Вскоре, после амнистии вернулась мама из тюрьмы. Когда Тино зашла в дом, посмотрела на ребенка, потом на Наамо, вся стала белой и тихо спросила: «Это его ребенок»?

Она сразу все поняла. В ее глазах был страх. Больше она не сказала ни слова. На следующий день Тино пошла работать в столовую, а Наамо работала уборщицей в школе и училась в педагогическом техникуме на воспитательницу. Вечерами училась. Наамо сразу как-то стала взрослой. Она так любила своего мальчика, беленького, с голубыми глазами и черными длинными ресницами. Помнила его отца,

хотя не знала о нем ничего. Сколько лет прошло, но она ничего не забыла. Она помнила, как ее сын спрашивал, где его отец, какой он. Рос он здоровеньким и очень аккуратным. У него вещи всегда были сложены, как в магазине. Был сдержанным. Наамо в душе думала, что гены говорят сами за себя. К ней подходили мужчины, делали ей предложение, но она и слушать не хотела. Больше в ее жизни мужчин не было.

..Воспоминания, день за днем, год за годом, роем крутились у нее в голове. Наамо отошла от окна, легла, закрыла глаза, но воспоминания опять переполняли ее. Было, что вспомнить...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Война закончилась

Мужчины стали возвращаться домой. Казалось, пришло время радоваться, но в общине было очень много трагедий. Соседка, молодая женщина Кархане, дождалась с фронта мужа и была очень счастлива. Но, у ее мужа психика, вероятно, была нарушена войной. Он не верил, что жена ему не изменяла, пока он был на фронте. Бил ее, кричал на всю улицу. Она старалась ему во всем угодить и днем, и ночью, на кухне и в постели. У них было двое маленьких детей, родившихся до войны. И вдруг, она поняла, что ждет ребенка. Это было вскоре после его возвращения домой, их послевоенный ребенок. Но, услышав новость, он стал пытаться ее, от кого у нее ребенок. Взбеленился, схватил нож и в присутствии детей убил жену. Его посадили в тюрьму. А детей забрали дедушка Евдо и бабушка Беневше. Так дети уже после войны оказались без родителей. Для всех это был шок.

Спустя два года после войны отец Наамо Урииль вернулся домой. Два года он ничего не давал о себе знать. Все его считали погибшим. А он живой! Радости не было предела, но Урииль ходил почему-то мрачный. Его ничего не радовало. Он рассказывал маме, что попал в окружение раненым. Немцы всех пленных раздели догола и обрезанных отвели в сторону, расстреляли, как евреев. Его же спас чеченец.

Он сказал немцам, что Урииль чеченец, чеченцам тоже делали обрезание. Позже они с чеченцем бежали из плена. Он попал в госпиталь. А чеченца, его друга Аслана, отправили в Среднюю Азию, как «сына предателя народа». А ведь он воевал, защищал родину. У него были награды. Понять все это было как-то трудно.

Тино думала, что ее муж мрачный, потому что он столько пережил и не может прийти в себя. Его даже не волновало, что Борух, сын дочери не от еврея, и что он растет без отца. Он даже не спросил, от кого она родила мальчика, хотя Наамо была уверена, что до войны он бы ее выгнал из дома. Причину такого поведения они видели в том, что война изменила его представления о жизни. Однажды, рано утром, Наамо увидела мать во дворе. Она сидела на ступеньках и сильно плакала, била себя по ногам, причитая, выражала свое горе.

— Мама, что случилось? Мама, мамочка, что с тобой? Папе плохо? Я пойду к нему.

— Нет, не ходи. Он мне все рассказал, как он попал в госпиталь, что его жизнь висела на волоске, и его спасла русская медсестра Наташа. К ней он и поехал после войны, у них растет дочь. Девочке уже год. За что меня так наказывает Б-г? Что я сделала не так? Что я скажу людям?

— Мама, это не главное, что люди скажут. Главное, что ты решила?

— Что я решила? А кто меня спрашивает? Меня не спрашивали, когда отдавали замуж, не спрашивал твой отец, который выкрал меня с моей же свадьбы, моего согласия не спросил, а хочу ли я с ним жить? И что мне теперь делать? У меня на руках твой брат и ты с ребенком. Куда я пойду? И куда он пойдет с ней и ребенком?

— Пусть едет к ней.

Тино замолчала, затем тихо сказала:

— Нет, дочка, это дом его родителей, а значит и его. Я думаю, пусть она приезжает с ребенком. Пусть живет с нами. Пусть живет с отцом.

— Как? А ты?

— Я буду жить во временке. И что будет, то и будет. Пойду, скажу ему, пусть вызывает ее. Я мешать им не буду.

Через неделю отец пошел на вокзал встречать Наташу и ребенка. Отца узнать было нельзя. Он помолодел, глаза его светились. Наташа зашла во двор, подошла к маме, поцеловала ее и тихо сказала:

— Простите меня. У меня кроме вас никого в этом свете нет. Все погибли. Я и моя девочка — все, что у меня есть.

Наташа, такая юная и очень красивая, смотрела на всех с испугом. У нее были светлые волнистые волосы, синие глаза. Худенькая, стройная. Она была, как солнышко. И она не могла понять, кто есть кто. Наташа крепко держала ручку своей маленькой девочки. Тино повела их в спальню. Затем позвала кушать. Все сели за стол, поели молча.

Наамо часто думала, а смогла бы она так жертвенно поступить, как ее мама? Нет, нет, еще раз нет. Отцу некуда было идти, да и им тоже. Так все и жили вместе. Тино переселилась из спальни во времянку. Не было ссор, не было скандалов. В общине посудачили и привыкли. Наташа, русская женщина, учила горско-еврейский язык, обычаи. Она училась готовить национальные блюда. Всегда с почтением относилась ко всем, особенно к Тино. Самое нелепое в этой истории было то, что Наташа считала, что едет к сестре Урииля. Так он ей объяснил. А когда узнала правду, пришла в ужас. И что ей теперь делать? Любила она Урииля? Она не знала. Скорее всего нет. Он силой взял ее. А ей нужна была опора. Когда она узнала, в какую историю она попала, хотела уехать. Но куда? Урииль запретил ей даже думать об этом. Пригрозил, что не даст ей ребенка. Как все объяснить Тино? Конечно, Тино не было приятно слышать за стеной, когда она иногда вечерами бывала в доме, любовный экстаз бывшего мужа и шепот Наташи:

— Тихо, не шуми, нас услышат. Стыдно.

— Да пусть слышат. Меня это возбуждает. Кричи, стони, чтобы все слышали.

И он делал ей больно, ему хотелось, чтобы Тино слышала, как они любят друг друга. Почему? Он не знал. Злым и эгоистичным был он всегда, а война еще больше обострила его низменные качества. Ему хотелось, чтобы рядом на кровати лежали обе его женщины, и он имел бы их. Это был бред больного человека, пережившего войну, не раз видевшего смерть. Но Наташа не издавала звуков, терпела боль и унижение.

— Нельзя так. Что я сделала? Ты мне говорил, что твоя жена до войны умерла, а дети живут с сестрой. Я поэтому и приехала. Это все не по-человечески. Я уеду.

— Нет, ты не уедешь. Если уедешь, я заберу ребенка, и ты девочку не увидишь.

Она знала, что он выполнит свое обещание, и терпела.

Шло время, жизнь продолжалась. Наташа работала в больнице. Работала много, брала ночные дежурства. Ей не хотелось идти домой. За доченьку Верочку она была спокойна. Ее любили и за ней смотрели. Как-то Урииль пришел с гулянки пьяным. Последнее время он стал часто пить. Был очень злым. Придрался к Наташе:

— Иди в комнату, я сейчас приду.

— Не хочу.

— Что? Кто тебя спрашивает?

— Еще рано, я не хочу спать, я хочу побыть с ребенком, — шепотом ответила она.

— А кто тебя спрашивает, дрянь, — он грязно выругался.

Наташа не отвечала, только смотрела на него своими голубыми глазами, не понимая, что с ним. Это еще больше злило и заводило его. Он нашел предлог и поднял на нее руку, хотел ударить. Но тут Тино подбежала и схватила его руку.

— Не смей...

— А тебе что? Адвокат нашелся.

Наташа ушла в комнату. Там, в темноте, она горько плакала. Разбита ее жизнь, разбита и жизнь другой женщины. Бог ее наказывает. Каждую ночь она ждала мужа с ужасом. Она не хотела его. Он был грубым, жестоким. Добьется своего и заснет, а Наташа долго не могла уснуть. Вся ее плоть с протестом кричала...

Позже, Тино узнала причину поведения Урииля. На улице к нему подошел знакомый мужчина и сказал:

— Тебе мало одной жены? Отпусти Тино. Я ее люблю. Ты знаешь, что у меня умерла жена, Прошел год, и я хочу жениться на Тино. Лучшей жены мне не надо, а моим детям именно такая мать нужна. Я заберу и ваших детей, я заменю им отца.

Это был тот самый, у кого Урииль на свадьбе украл его невесту

— Тино.

— Я ее и сейчас люблю, а ты ей испортил жизнь.

— Ты жил с ней, пока я был на фронте? — угрюмо спросил Урииль.

— Ты что, совсем дурак? Я тоже был на фронте, был ранен и вернулся к жене и детям. Ты знаешь, что моя жена бедная при родах умерла? Мои дети растут без матери. Лучше бы ты сдох на войне или

остался бы в России с новой женой. Отпусти Тино, она не рабыня. А я не могу без нее жить. Я ее люблю. Всю жизнь ее люблю.

— Только скажи ей слово. Убью. Они обе мои. Мои!

— Нет, она не живет с тобой.

— Она не будет твоей, я ее не отпущу. Я их обеих хочу видеть рядом.

— Ты, что, спятил? Ты больной человек.

Урииль ушел домой, нахамил всем и, когда пьяный угар прошел, ему стало мутно. Он понимал, что Наташа не любит его. А Тино, которую он выкрал со свадьбы? Он думал, что Тино мужчина не нужен, ей и так достаточно, что он рядом. После этого разговора Урииль стал хищно смотреть на Тино, и Наташа это тоже заметила. Он пытался тихо подойти к Тино, стал приставать, но Тино его оттолкнула.

— Что тебе надо?

— А ты не знаешь, не чувствуешь? Ты мне нужна, я хочу тебя.

— Да ты с ума спятил. Ты забыл, что у тебя есть другая жена и ребенок?

— Разве у нас в общине не было семей, где в доме были две жены? Ты помнишь моего дядю с двумя женами в одном доме. И жили они мирно. Почему мы не можем?

— Но это было, когда у первой жены не было детей. Да о чем мы говорим, ты мне не нужен. Я тебя ненавижу. Ты загубил мне жизнь. Я не буду проклинать тебя только потому, что ты отец моих детей.

— Мы еще посмотрим. Ты все равно снова будешь моей.

— Я уже была твоей. И что из этого вышло?

Он схватил ее за руки, стал лихорадочно рвать на ней платье, тискать ей груди, задира́ть юбку и шептать:

— Я хочу тебя. Давай вспомним, как у нас было. Я так хочу тебя. Ты моя, и я тебя не отдам.

— Ты просто подлец.

Тино резко вырвалась и убежала, а в окно смотрела на них Наташа. Ей совсем не было больно, она не испытывала ревности. Просто ей не хватало смелости покончить со всем этим бредом. Взять ребенка и уйти, но куда? Город чужих людей. Она понимала, что она — слабый человек.

В доме обстановка стала напряженной. Но Всевышний решил все по-своему. Однажды, Урииль встал рано утром, присел на скамейку,

закурил и внезапно упал. Его хватил удар. Тино оказалась во дворе, она подбежала к нему, а он успел только прошептать:

— Прости меня, если сможешь. Я испортил тебе жизнь и жизнь этой девочке. Я все понимаю. Помоги Наташе и нашей дочери, прошу тебя. Ты сильная. Ты все выдержишь.

Он умер. После похорон и семи дней Наташа стала собирать вещи. Тино увидела и остановила ее.

— Ты куда, Наташа?

— Не знаю.

— Сядь. Давай поговорим. Я тебя не звала в этот дом, верно? Я ждала со своими детьми мужа с фронта. Так? Но я тебя приняла, так? Мои дети тебя приняли. Твоя девочка растет с моими. Ни ты не виновата, ни я. Это война проклятая и наши судьбы. Оставайся. Если встретишь кого, тогда и уйдешь. Замуж выйдешь, а девочку можешь оставить с нами. Не бойся, вырастим, и приданое сделаем, и замуж отдадим. Как решишь, так и будет.

Они обнялись, обливаясь слезами. Каждая думала о своем счастье, о своей судьбе. Так и жили вместе. Растили детей. Одна постарше, другая совсем молодая еще. Одна смуглая, другая светленькая. Обе интересные, но обделенные женским счастьем.

А годы мчались... Вера, дочь Наташи, росла очень красивой, к тому же она была умной девочкой. Училась на первом курсе в университете, и на нее многие парни обращали внимание. Многие посылали сватов, но она не хотела без любви выходить замуж. Ждала принца, но где были эти принцы?

Как-то, приехал в отпуск их сосед Вадим. Он был военный. Ему очень шла военная форма. Просто загляденье. Красавец! Когда он шел по улице, то девушки ему смотрели вслед. А он не обращал внимания. Вадиму нравилась дочь полковника той части, где он служил, он встречался с ней. Вадим хотел поговорить об этом с родителями и, вернувшись в часть, сделать ей предложение. Он был твердо уверен, что отказа от девушки и от ее родителей он не получит. Родители Вадима без большой радости восприняли новость. Они не знали девушку, не видели ее и вообще, им хотелось свою, своей веры, которая бы знала их обычаи, но возражать ему не стали. Боялись потерять сына. Сказали: «Думай и решай сам. Другие времена на пороге».

Вадим гулял по родному городу, по парку, вспоминал детство. Однажды, выйдя из дому, Вадим встретил Веру, не понял, кто она, но в сердце у него что-то екнуло. Даже не понял, почему? Вернувшись домой вечером, он спросил у брата, кто такая эта девушка. Тот рассмехался:

— И ты попался в ее сети? Наши парни сохнут по ней.

— Да нет, просто интересно. Она отличается от наших девушек. Светленькая, красивая девушка, но я ее не помню. Чья она?

— Это Вера, наша соседка. Она была девчушкой, когда ты уехал в училище, поэтому ты ее не помнишь. Ее мама Наташа, русская, дяди Урилия жена. Но тебе же нравится другая, в чем же дело?

— Да, ты прав. Просто, эта девушка очень красивая, такая яркая.

Мысли о ней его не покидали, хотя, он упорно гнал их от себя. Мало ли красивых девушек на свете. До отъезда Вадим случайно встретил Веру. Они остановились, поговорили, и на этом все. Все — да не все. И правда, что браки заключаются на небесах. Вадим уехал, но забыть Веру не мог. Ее черные глаза, светлые волосы, ее тоненькая фигурка и маленькие груди стояли перед его глазами. Он гнал от себя грешные мысли, а они, наглые, опять проникали в его голову. Он представлял себе их вместе, представлял их свадьбу, довольные лица родных, а главное, думал, что ему очень запала в душу эта девушка. Нет, нет, сказал он себе. Она не знает, что такое быть женой военного. Нет, она ему не нужна.

Вере он тоже понравился, и кто бы не пришел ее сватать, она всем отказывала. Как-то, мама посадила ее рядом, обняла и спросила:

— Тебе никто не по душе?

— Нет, мама. Они все хорошие, но я их не люблю.

Она помолчала, затем посмотрела на маму и тихо сказала:

— Один только запал в душу, но он мне не сделал предложение, он не обратил на меня внимания.

— Я знаю его?

— Да, это наш сосед Вадим.

И девушка заплакала, прижавшись к матери.

— Не бойся, насильно я не выдам тебя. Тебе всего 17 лет. Встретишь свою половинку, не волнуйся.

— Но здесь девушки так рано выходят замуж.

— Их выдают родители, а я не выдам тебя без твоего согласия.

— Знаешь, мама, в моем классе училась Жанна. Ты помнишь ее? Она часто бывала у нас в доме. У нее такой красивый голос, она так красиво пела, но родители не разрешали ей петь. Быстро решили отдать замуж. Нашли за кого. Он был на десять лет старше ее. Она ему говорила, что она его не любит, а он только посмеялся над ней. На свадьбе, когда ее завели в комнату, ну ты знаешь, гости не уходят, ждут, когда вынесут этот злополучный платок, как доказательство, что она девушка. Как это ужасно, противно. Так вот, Жанна сбежала в окно. Он зашел в комнату, такой уверенный в себе, а вышел и мне говорит, что ее там нет. Я ее подругой на свадьбе была.

— И что дальше с ней было? — смеясь, спросила Наташа.

— Скандал. Она уехала вскоре в Москву учиться. Учительница пения ей помогла. Дала ей деньги на дорогу, письма к своим знакомым.

— У тебя не будет так, моя красавица. Я даю тебе слово.

— Мамочка, спасибо тебе за то, что ты меня понимаешь. Как я тебя люблю!

Вадим приехал в часть, и ему друзья сказали, что его девушка, пока его не было, встречалась с другим. А ведь они были близки, жили, и Вадим считал, что она любит его. Но он почему-то облегченно вздохнул и вскоре написал Вере письмо. Просил подождать, не выходить замуж. Они стали переписываться. Письма его были интересными. Вера ждала их с нетерпением. Считала дни. Прошел год, он приехал домой, а его родители уже все знали и были очень рады. Вера им тоже нравилась. Они все купили, чтобы идти сватать Веру. Купили часы, кольцо, много вещей. В общем, все, что положено в общине. Даже, если у кого и не было средств, люди занимали деньги, и все делали, как положено. Смешно, но престиж не позволял быть хуже других. Так и соревновались друг с другом.

Вадим приехал на неделю, встретился с Верой и спросил ее, не пугает ли ее будущее жены военного.

— Нет, для меня главное, чтобы ты меня любил.

— Я очень тебя люблю, и об этом я тебе писал, но ты не ответила, есть ли ко мне у тебя чувства? Вера я хочу, чтобы ты вышла за меня, любя меня. Прошли времена, когда женились на той, которую выбирали родители. Не подумай, что мне неважно мнение моих родителей, но я хочу любить. И еще, Верочка, одной моей любовью для счастья мало, думаю, недостаточно. Я хочу, чтобы и ты испытывала ко мне такие же

чувства. Ответь мне, не молчи. Не надо стесняться, решается наше будущее.

Она стояла перед ним вся пунцовая. Как ей сказать ему, что она с первого взгляда влюбилась в него. Ей было стыдно признаться.

Она подняла на него глаза, и он прочел в них ее ответ. Она слегка кивнула головой и снова опустила свои длинные ресницы. Вера была чистой, как родниковая капля. Вадим понимал, что она еще наивный ребенок, что в ней еще надо разбудить женщину, но не сразу, у них впереди вся жизнь. Он нежно обнял ее, хотя ему хотелось крепко прижать ее к себе и целовать, целовать. Он хотел бы сделать ее сейчас своей, до свадьбы. У них, конечно, не будет платков чести, но он понимал, что это не тот привычный случай. Все девушки, с которыми он был, стоило ему намекнуть, они были в полном его распоряжении. Они любили его и были счастливы. Они торопились в первую же ночь отдаться ему. Ему тоже казалось, что он любил их всех. Он был страстным, понимал толк в сексе, был благодарен девушкам, что они ему дарили себя, но только сейчас он понял, что это все не то. Ему так хотелось защитить Веру даже от себя и от нее самой. Ему хотелось быть ей опорой во всем. Защитить от всего мира.

Оказывается, это далеко не просто. Нужны были рамки, чтобы не вспугнуть, не оскорбить ее девичьи чувства. Вера воспитывалась в общине, и она впитала все, что ей внушали с детства. Что надо выходить замуж девственницей. Вадим всегда считал, что все это давно ушло в прошлое, что это дикость. Но вдруг, сейчас, он подумал, как здорово, что у Веры до него никого не было, что он ее единственный мужчина, и что от него будет зависеть их счастье. А вдруг он не сможет оправдать ее надежды? Странно, откуда у него появилась неуверенность? Нет, нет, все будет у них хорошо. Помолвка и свадьба прошли быстро, на выполнение всех традиций не было времени. Они должны были вернуться в часть. В брачную ночь он увез ее в другой город, в гостиницу, и там они любили друг друга. Конечно, она была девушкой, и ему было приятно чувствовать себя ее единственным мужчиной. Ну, а если бы она не была девушкой, что тогда? Отказался бы от нее? Он не думал об этом. Хотя вспомнил, что такие случаи были в общине. Все поступали по-разному. Кто выгонял девушку из дома в разгар свадьбы, или на следующий день вызывали ее родителей и отправляли ее с ними, на все четыре стороны. Были юноши, которые хотели спасти честь своей

девушки, и они резали себе слегка ногу и выставляли платок чести любопытным родственникам.

Жили Вадим с Верой дружно. У них родились двое детей, мальчик и девочка, один за другим, такие же красивые, как они сами. В части к Вере все относились с уважением. Она красивая и скромная. К ней не могли подойти и предложить ей переспать, что бывало нередко в части. Здесь было это нормой. Для некоторых не было понятия — друг, понятия чести, возраста. Казалось, что все с ума сошли или считали, что завтра не наступит. Полковник части не считался с возрастом жены другого офицера, хотя был намного старше ее, или жена офицера почти открыто жила с солдатиком. А тот отказать ей не смел, боялся ее супруга. Она могла нагло оклеветать его. Содом какой-то. Все это было от неустроенности. Жизнь в обществе отражалась и на армии. Если раньше служить в армии было почетно, то теперь откупались от армии как могли. Откупались те, кто мог себе это позволить. Шло явное разложение в армии.

Вера была из другого мира. А потом, все знали, что Вадим кавказский мужчина. Он просто убьет за честь своей жены. Оставалось одно — завидовать. И Вадиму завидовали. Женщины в части, по отношению к Вере, были спокойны за своих мужей и ей во всем помогали. К тому же Вера все умела: готовить, печь, солить. Но она очень скучала по маме, брату и сестре. Это было единственным, что ее беспокоило. Хотя брат и сестра были ей родными только по отцу, но она их очень любила. Как они там?

Наамо, ее сын Борис, брат Исай и Наташа жили все вместе. Наамо и Наташа работали, ходили вдвоем и на похороны, и на свадьбы.

О, эти экзотические свадьбы! Весь район гудел. Такое было зрелище красивое. Это надо было видеть. Жених в окружении друзей и музыкантов важно шел к дому невесты. Маленькие дети несли горящие свечи. Женщины не шли, а танцевали, на головах у них были подносы с яствами. Перед женихом и невестой плясали и пели. Бросали рис как символ благополучия. Восхищались свадебным ритуалом не только горские евреи. Все соседи выходили на улицу и с улыбкой смотрели на это уникальное зрелище. У них свадьбы отмечались иначе, но в каждой свадьбе была своя изюминка.

Конец двадцатого века, но до сих пор у многих народов жених и невеста не сидят вместе, мужчины и женщины находятся в разных

комнатах. У местных евреев тоже так было, но со временем невесту стали наряжать в современное красивое свадебное платье. Молодежь сидела вместе, девушки с юношами. Гуляли до утра: русские, осетины, кабардинцы, балкарцы, мусульмане, христиане были приглашены на свадьбы, да какая разница! Все люди. А жизнь такая короткая!

Наташе очень нравились эти свадьбы. Она научилась красиво танцевать лезгинку. А еще ей нравилось, когда невесту заводили в дом жениха. В дверях невесте мазали пальчики медом, а свекровь их облизывала. Потом невеста мазала косяки дверей, как залог счастливой жизни. Наташе было смешно. Она знала, что свекровь после свадьбы будет мотать душу снохе, но это после свадьбы, а пока она должна облизать каждый пальчик невесте. Что делать, таковы неписанные законы общины.

Все было в этой жизни. И радости и горести. Вскоре Тино умерла. Тихо и спокойно. Попрощаться с ней пришел ее несостоявшийся жених. Шепотом сказал у гроба: «Я так тебя любил. Всю жизнь. Ты святая». Просила прощения и Наташа у гроба. Эта женщина спасла ее в самый тяжелый период жизни.

Вся семья тяжело переживала эту смерть, но жизнь продолжалась. Наташа работала в больнице. Ее любили больные. И как было ее не любить, она умела сострадать, была очень внимательна ко всем пациентам. Только не все коллеги ее понимали. Часто ее спрашивали: «Ты русская женщина, зачем тебе жить в еврейской среде? Ты красивая, молодая женщина, вдова, найдешь себе мужа, уходи от них».

— Девочки, вы не понимаете, они мне родные люди, роднее быть не может. А потом, я уже немолодая, вряд ли я встречу человека, за которого выйду замуж.

— Глупая, ты еще очень хорошенькая.

Как в воду смотрели ее друзья. Однажды утром, Наташа вошла в палату и увидела на койке мужчину, очень красивого. Седой, у него были красивые черные глаза и четкие черты лица. По его щекам капали слезы. Чувствовалось, что он переживает какую-то душевную травму.

— Анатолий Наумович, Вам плохо, вызвать врача?

— Нет, нет, не надо.

— Чем Вам помочь?

— Это не в Ваших силах, я благодарю Вас.

Наташа вышла, но что-то ее мучило. Она расспросила о нем. Зачем — она сама не понимала. Запал он ей в душу. Как-то сразу. И это в ее возрасте. Ей сказали, что он в их городе в командировке. Сам из Москвы. Здесь у него случился инфаркт. Жену он не разрешил вызывать и даже сообщить ей о том, что он в больнице. Почему, никто не знает. Наташа интуитивно поняла, что он нуждается в помощи, как когда-то она сама нуждалась в ней. Она стала приносить ему домашнюю еду, соки, фрукты. Наташа понимала, что ему надо выговориться. И такой день настал. Он рассказал, что его жена, с которой он прожил не один год, в принципе, хорошо, заявила, что ей надоело жить с жидом, и она уходит к любовнику. Общих детей у них не было. Они воспитывали ее сына, которого он очень любил. Кстати, сын ее носил его фамилию. Все это было для Анатолия Наумовича, как гром среди ясного неба. На следующий день он уехал в командировку в этот маленький город в горах и оказался в больнице.

Наташе вдруг захотелось поделиться с ним своей судьбой. Почему? Она сама не понимала. Она, со слезами на глазах, рассказала ему свою историю. Она никогда не давала воли своим чувствам. Не могла делиться. А тут ее как прорвало, голос прерывался, она глотала слезы. Наташа хотела помочь этому почти незнакомому мужчине, к которому ее тянуло. Ей хотелось ему помочь, а помогала себе самой. Это была ее исповедь. Долгие годы она не осознавала всего того, что она сделала. Зачем она приехала в этот чужой мир, невольно разрушив чужую семью? Но она так благодарна Всевышнему, что попала к таким добрым людям. Они стали ей родными. Без них она не мыслила себе свою жизнь.

Анатолий Наумович слушал ее с таким удивлением, что забыл все, что с ним случилось. Позже, он, оставшись один, вдруг подумал, а что если жизнь ему дает шанс спасения. Для его жизни и души. Может, стоит еще побороться за жизнь? Утром он с нетерпением ожидал, когда Наташа зайдет в палату, но ее все не было. Пришла другая медсестра. Он не решился спросить, а где же Наташа. На следующий день опять ее не было, она боялась с ним встретиться и взяла маленькую передышку. Она боялась снова увидеть его, боялась посмотреть ему в глаза, боялась сама себя. И так вся неделя прошла. Ему сказали, что она взяла несколько дней без содержания, но он сердцем чувствовал, что-то не так. Узнал ее домашний телефон и позвонил. Наташу позвали к телефону, и она услышала его голос.

— Наташа, пожалуйста, приходите, я хочу Вас видеть. Вы мне очень нужны. Мне так надо с Вами поговорить. Это вопрос жизни и смерти.

Было уже поздно, но раздумий не было. Она быстро переоделась и выбежала из дому. На улице поймала такси, вбежала в больницу, прямо к нему в палату. Они вышли в коридор.

— Что случилось?

— Успокойся, пожалуйста. Я страшно волновался за тебя. Ты мне нужна, ты мне Богом дана. Я уеду домой, улажу все вопросы, оформлю развод и вернусь за тобой. Поверь мне, я буду преданным мужем и отцом. Есть только один вопрос, Наташа, дорогой ты мне человек, я хочу уехать в Израиль. Раньше я об этом не думал, не обращал внимания на проявления антисемитизма на работе, но после того, как меня оскорбила бывшая моя жена, я не хочу жить здесь. Подумай! В Москве у меня есть квартира, все уладим и уедем.

— Я должна подумать. Может, еще с женой у Вас все получится.

— Нет!

— Хорошо, я подумаю. Я буду ждать Вас.

— Не Вас, а тебя. Господи, пусть нам поможет Всевышний. Я всегда тянулся к еврейским традициям, но был оторван от них. А теперь, русская женщина, будет мне помогать вернуться к своим корням. Удивительно!

Время шло, оно просто летело. Наташа ждала каждый вечер звонок от него. И он звонил. И вдруг перестал звонить. Прошла неделя, другая, месяц, другой... Наташа была в растерянности. Семья знала все, и все переживали за нее. Наташа не выходила из больницы. Все дни и ночи она работала. Это ее спасало. Ей совсем не хотелось жить. Почему судьба с ней так жестока? Мужчина, который ей понравился, появился и исчез.

Прошло три месяца, и Анатолий Наумович приехал. Узнал, что она на работе, медленно пошел в больницу. Наташа молча смотрела на него, а в голове было столько вопросов. Почему не звонил? Забыл, или не хотел ее видеть, а может, раздумал? Он, как будто прочитал все вопросы в ее глазах и сказал:

— Прости. Я все думал, а вдруг я сломаю тебе жизнь, или ты ошиблась. А может быть, меня снова предаст женщина, которую я почти не знаю? Я этого снова не выдержу.

— Нет. Как ты можешь так даже думать? Я ждала тебя.

— Прости, — он обнял ее нежно и стал целовать ее светлые локоны, ее голубые глаза, провел пальцем по чувственным губам. Ее губы раскрылись. Ей хотелось целовать его, а ведь она никогда не целовала мужа. Сейчас все было иначе. Он увел ее из больницы. Говорил и говорил, она не слышала, о чем он говорил. Он рассказывал, что успел развестись, уволиться с работы. Они должны оформить выездные документы и уехать. Но он добавил, что квартиру он оставил бывшей жене, которая вдруг раздумала уходить к любовнику, просила не бросать ее, что она не думала, что говорит. Но он простить ее не смог и не хотел. И вот он здесь, стоит перед Наташей.

— Ты согласна быть со мной?

— Да, да.

Он предложил пойти с ним в гостиницу. И они пошли. В гостиницу — так в гостиницу, хотя ей было неудобно зайти в это здание, ее все знали в этом маленьком городе. Но ей так хотелось быть с ним... Все остальное уже не имело смысла. Что это с ней?

Им дали номер, куда они поднялись. Мысли крутились в ее голове: «А вдруг он сравнит ее с той женщиной и поймет, что она ему не подходит. Может это и лучше, что они сейчас будут вместе. Все решится сразу.» Ей почему-то не было стыдно. Она хотела его, его и только его. Она решила пойти в душ, а он сказал, что закажет ужин. Он с дороги, а она с работы. Оба уставшие, голодные, но взволнованные. Она прошла в ванну, медленно разделась. Долго критически смотрела на себя. Зеркало говорило ей, что она еще неплохо выглядит. Ее груди были твердые, соски торчали, ожидая, что их будет ласкать мужчина. Ее мужчина... Живот был плоский, ее взгляд спустился ниже. Ей стало жарко, стало не по себе. Ее тело жаждало мужской ласки. Она приняла душ и, накинув свою кофту на голое тело, вышла из душа. Боже! Что будет, то будет. Чего она боится? Она же не девочка. Но она чувствовала, что эта первая счастливая в ее жизни ночь с мужчиной, которого она так хотела.

На столе горели свечи, стояли две красные розы, шампанское и черный шоколад. Когда он все успел?

Он подошел к ней, медленно снял с нее кофту и ахнул:

— Боже, как ты прекрасна! Я даже не представлял, что настолько, ведь под белым халатом не видно этой красоты.

«Почему она так смущена, ведь она была замужем» —, думал он. «Этот румянец, эти надувшиеся соски, смущение и в то же время нетерпение.»

— Боже, ты так прекрасна. Я так хочу тебя.

Он повел ее к кровати, поднес ей шампанское, затем лег рядом, и они провели сказочную ночь. Он целовал ее всю, до пальчиков на ногах. Он был страстен, но в то же время нежен, чувствовал ее и давал ей возможность чувствовать и отвечать. Она никогда не знала, что в постели двое равны, что один дополняет другого. Она вспомнила, как ее муж-эгоист в постели, как и в жизни чувствовал себя хозяином, повелителем, он, да и она даже не представляли, что может быть все иначе. Оказывается, может. Этот мужчина разбудил в ней женщину, разбудил ее чувства. Она вся горела и не хотела, чтобы эта дивная ночь закончилась. Даже если у них не будет будущего, она была ему благодарна за все, что она этой ночью пережила. Ночь была самой прекрасной в ее жизни. А он смотрел на нее с удивлением и только благодарил.

— Я забыл, что такое возможно, спасибо тебе.

Они не могли оторваться друг от друга. А утром они вернулись домой, и Наташа объявила всем, что она уезжает в Израиль с Анатолием Наумовичем. Все ахнули. Пожелали счастья.

Наташе надо было поехать в село, где она родилась, чтобы взять свидетельство о рождении. Она его потеряла. Село было заброшено где-то в глубинке страны. Они вдвоем поехали. Зашли в ЗАГС, там подняли записи и выписали ей документ. Взглянув, Наташа оцепенела. Оказалось, что ее мама была еврейкой. Боже, что это значит? Что она совсем неслучайно попала в еврейскую среду. На все воля Б-га.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Наташа сообщила Вере, что она выходит замуж, что она очень любит своего мужа и уедет с ним на край света. Но это не край света. Они уезжают в Израиль. Это сообщение убило Вадима. Он понимал, что его военной карьере пришел конец. Каждый день он ждал, что его вызовут. А Вера обрадовалась за мать. Слава Б-гу, ей улыбнулась жизнь. Она всем сердцем желала ей счастья. У них росли свои дети, и Вера уже понимала что-то в этой жизни.

Вскоре Вадим пришел домой темнее тучи. Он избегал разговора с женой, переживая то, что предложил ему его генерал. Генерал посоветовал развестись с женой и жениться на его дочери, которая успела уйти от мужа. Речь шла о той, на которой он когда-то хотел жениться. Генерал хотел убить двух зайцев — сохранить хорошего офицера и устроить жизнь дочери.

Вадим не ответил, хотя у него сомнений не было. Он любил свою Веру, любил своих сыновей и не мыслил без них свою жизнь. А тут произошло событие, которое ускорило его решение уйти из армии. В части царил дедовщина. Многие офицеры боролись с ней, но не могли ничего с этим злом поделать. Последний случай просто потряс Вадима. Одного солдата с Северного Кавказа, забили так, что он стал калеккой на всю жизнь. Ему нельзя было жениться, иметь детей. Это было страшно, и Вадим чувствовал и себя виноватым в судьбе парня. Нет, Вадим не хотел больше служить. Он понимал, что ему предстоит начать жизнь с белого листа. Но выбор был сделан. Они уехали домой в родной город. Вера заочно училась на факультете иностранных языков, а Вадим все думал, чем ему заняться. Жить-то надо. Организовал с Русланом, другом — кабардинцем, цех по выпуску спортивных костюмов. Жизнь продолжалась.

«Перестройка» в конце XX века обещала дать свободу. Но свобода — это не бардак, где законы не действуют. Появились группировки, которые боролись между собой за место под солнцем, все они были едины в одном: надо забрать все у тех, кто может работать, кто может организовать малый бизнес. И, в первую очередь, они грабили евреев. К ним приходили и открыто говорили, сколько они должны им платить. Вадим не мог понять, что им от них надо. Кровь в нем кипела, но его друг Руслан сказал:

— Успокойся. Надо думать, что делать. Это страшные люди. Они ни перед чем не остановятся. У нас жены, дети. Милиция с ними заодно. Конечно, не все.

— Да, ты прав. Вчера, к моим родственникам приехали бандиты. Они спросили сына, который что-то им «должен», и, узнав, что сын уехал из города, схватили больного отца и увезли в неизвестном направлении. Просто ужас. Властям не до нас.

— Знаешь, Руслан, я думаю, что они начнут войну в Чечне.

— Почему?

— Ингушетия отделилась от Чечни. У них умный лидер. Он чувствует приближение войны и спасает свой народ. Как военный, я чувствую, что пахнет войной, я чувствую это. Ты понимаешь меня? Они что, не понимают, что чеченцы так просто не сдадутся? Им мало, что чеченцев, карачаевцев, балкарцев в 1944 году выслали из родных мест?

— Да, мы знаем по рассказам родных, как за ночь собрали всех и старых и малых, с сумками, собранными наспех вещами, посадили в товарные составы и увезли. Потом, когда их вернули, они рассказали об ужасах, которые пришлось пережить. В пути многие дети и старики не выдерживали условий и от голода, холода и болезней умирали. Похоронить их не было возможности. Трупы и старых, и малых выбрасывали на остановках. За что? Так решил Сталин и его окружение. Даже если несколько человек были во время войны изменниками, кто дал право издеваться над целыми народами. Разве среди других народов не было предателей? Их мужчины на фронте защищали Родину, а их жен, детей, родителей зверски доставили на Восток, в Среднюю Азию. Это не люди, это фашисты, советские фашисты. В 1957 году их стали возвращать домой, а дома были заняты. Горские евреи их встречали с хлебом и солью, с музыкой. Ни один их дом не был занят евреями. Они знали, что такое Холокост и сочувствовали другим людям. Да и с нашими балкарцами поступили так же. Жестоко, и нет этому оправданий. Звери! Да что звери, они хуже.

В конце двадцатого века в Чечне началась война. Война внутри страны. Маразм. 25 декабря 1994 года стали бомбить город Грозный. Люди бежали, кто куда. В дом Наамо приехала семья. Мать еврейка, а ее супруг чеченец, их дочь замужем за чеченцем. Как она могла не принять их? Она вспомнила, как их прятали в селе кабардинцы, а теперь ей надо помочь чеченской семье. Это жизнь, и мир очень тесен. Война в Чечне принесла много горя всем, не только чеченцам. Смерть стучалась в каждый дом всей страны.

Первыми из Чечни еще до войны стали бежать евреи. Это понятно. Ведь там, где поселяется агрессия, евреи чувствуют кожей, что надо бежать, забрав детей и документы. Даже в Торе написано, что евреи, живя в диаспоре, не должны строить огромные дома. Они не дома, но будет ли у них когда-либо свой дом. Уже есть и государство, да жить не дают и там. Беженцы еврейской национальности из Чечни уехали

в Израиль. Многие бежали из других городов Северного Кавказа, бежали из родных мест, кто куда. В Москву, в США, Австрию, Австралию, в Китай и даже в Германию.

Сын Наамо, Борис с семьей, решил уехать в Германию. Всю ночь Наамо проревела. Почему в Германию? Он не знал, кто его отец, не знал, что мама родила его от немца. И жив ли этот отец? Если жив, есть ли у него семья, дети? Помнит ли он ее? Все во мраке. Наамо поклялась никогда не говорить сыну правду. А права ли она? Всевышний ее рассудит. И вот, начало новой страницы жизни положено. Ее сын решил уехать в Германию. Он усиленно учил немецкий язык. Жена работала медсестрой, а сам Борис был строителем. Они звали Наамо с собой, но она наотрез отказалась. Ее место здесь, в общине, в этом городе, с этими горами.

— Мама, но ты одна будешь. Наташа уехала, Вадим с Верой тоже хотят уехать в Израиль. Мой дядя Исай уехал в США. Я не могу оставить тебя одну, а жить здесь стало невозможно. Ведь я думаю о твоих внуках, — говорил Борис, — у них нет будущего.

— С Богом, уезжайте. Лишь бы вам было хорошо.

А ночами Наамо плакала, вся подушка была мокрой от слез. За что ей такое испытание, такая судьба? Сын писал, что им в Германии хорошо. Они работают, дети учатся. Живут они во Франкфурте, общаются с русскоязычными немцами, с евреями, которые приехали из разных городов России, Кавказа. Они ходят в синагогу.

Наамо чувствовала, что ей осталось жить не так много, что надо вызвать сына. Она созрела, чтобы сказать ему всю правду. Наамо подошла к телефону и позвонила.

— Мама, что случилось? Как ты?

— Приезжай сынок я хочу тебя видеть. Срочно.

— Мама не пугай меня.

— Приезжай, родной, только один.

Борис в тот же день взял билет. В самолете он все думал, что же случилось, мама зря не будет отвлекать его. Вероятно, что-то произошло. Вечером он был уже дома. Зашел домой, обнял мать. Она усадила его за стол.

— Покушай, а потом мы поговорим. Хорошо?

Они сели на диван. Наамо молчала, не могла найти в себе сил начать разговор.

— Я всегда говорила, что у тебя русский отец, но это неправда. Твой отец — немец.

— Что ты сказала?

Она разжала ладонь и показала пожелтевший кусочек бумаги, где на немецком языке была фамилия, имя, адрес его отца.

— Боже, что ты говоришь, мама. Как это? Адрес — тот же город, где мы живем...

Она все ему рассказала. Рассказала, что любила его, что не хотела выходить замуж за другого, что никто, кроме его бабушки, Тино, не знал тайну, а она ее унесла в могилу.

— Раз ты из всех стран и городов выбрал именно этот город, я решила, что так желает Всевышний, судьба, и я не имею права скрывать от тебя правду. Мои дни сочтены, молчи, ничего не говори, я чувствую это. Вот почему я тебя позвала. Я не знаю, жив ли он? Есть ли у него семья? Вот тебе его адрес, а ты поступай, как хочешь. Только об одном прошу тебя, не суди меня. Прости.

Он обнял ее, и они долго сидели молча. Затем, пошли спать, хотя каждый из них от волнения не мог заснуть. Утром он встал, принял душ, а мама все не выходила из комнаты. Борис зашел в комнату... На-амо была уже холодной. Борис так кричал, что его слышали соседи. Он ругал себя, что оставил ее ночью и ушел спать. Он был в отчаянии. Позвали раввина, позвонили во все города, где жили родные. Кто смог, все приехали. Первой прилетела Наташа с мужем из Израиля. Горю ее не было предела. Прилетел Исай из Нью-Йорка. На похоронах было много людей разных национальностей. Раввин прочитал молитву. Все сделали как надо. Люди разошлись, а родные еще долго сидели и вспоминали, каждый думал о своей жизни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Борис улетел в Германию, все думая о том, что сказала ему мама. И что же ему делать с этим секретом? Ответа он не знал. Прошел год. Борис, наконец-то, решился и пошел по адресу. А вдруг его отец жив? А вдруг, если он жив, подумает, что он ищет не его, а помощь от него. Ему ничего от него не надо. Посмотреть на него, вот что он хотел. А вот и дом, указанный в адресе. Что делать? Позвонить в дверь или повернуться и уйти? Забыть все, что мама рассказала ему перед

смертью. Нет, он глубоко вздохнул и позвонил в дверь. Сердце у него замерло. Дверь открылась не сразу, на пороге появился пожилой седой мужчина, с одной рукой.

— Вам кто нужен?

— Вы.

Борис не сомневался, что этот мужчина — его отец. Уж больно они были друг на друга похожи.

— Проходите.

Борис не знал с чего начать разговор.

— Простите меня. Я хотел бы спросить, Вы в годы войны воевали на Кавказе?

— Да. И что? — резко спросил он. Чувствовалось, что он не любил вспоминать те годы.

— Вы помните девушку, еврейку Наамо?

Он опустил на стул и жестом показал ему где сесть. Долго молчал, как будто онемел.

— Все помню, никогда не забывал. Помню ее черные глаза, тугую длинную косу, такую тоненькую, красивую фигурку.

— Она моя мама... Я ваш сын...

В комнате стояла страшная тишина. Затем Иоган произнес глухим, хриплым голосом.

— Наамо жива?

— Уже нет. Год назад умерла. Она вызвала меня из Германии и рассказала мне все о Вас. До этого я ничего не знал. У нее в ее жизни не было другого мужчины. Она любила Вас, а я думал, что мой отец русский. Она держала это все в секрете и только за ночь до смерти рассказала мне и дала Вашу записку.

— Маин Гад! Да, это я писал. Я обещал ее найти, если жив буду, но холодная война... Меня бы не пустили в вашу страну. Я тоже ее любил. У меня была после войны жена, но Наамо я не забывал. Каждую ночь она стояла перед моими глазами. Я знал многих женщин, но такой у меня не было. Я не знал, что у меня сын.

И он горько заплакал. Немцы сдержанный народ, но Иоган плакал как ребенок.

— Сколько лет, как Вы здесь?

— Десять лет.

— Десять лет Вы здесь, а я не знал.

— Я тоже не знал.

— У Вас есть семья?

— Да, у меня двое детей. Мальчик и девочка. Мы хорошо устроились. Поверьте, нам ничего не надо от Вас. Всю свою жизнь я завидовал тем, у кого был отец. Я рос без отца. Почему я уехал в Германию — я не знаю. Все так странно.

Они попрощались. Борис дал свой телефон и ушел. Шел он быстро, по щекам его текли слезы. Он даже не стыдился их. Еще одна страница в его жизни перевернута. Кому предъявить счет? Маме? Жизни? Стране? Через два месяца ему позвонили, просили прийти к отцу. Борис пошел. Иоган умирал. Ему было плохо, но он попросил Бориса сесть ближе к нему и сказал, что он счастлив, что дожил, узнал о своей мечте, о своей Наамо и о том, что у него есть такой красивый сын от нее. Попросил привести внуков.

Борис на следующий день пришел всей семьей к отцу. Ему пришлось все рассказать жене и детям. Вскоре пришли сыновья Иогана. Они сказали, что уже знают о нем и рады иметь брата. Этот день был днем покаяния. И он совпал с еврейским Йом Кипуром. День покаяния. Это случайность? Но Борис был уверен, что случайностей не бывает.

Сказать, что он стал близок к новым своим сводным братьям, он не мог. Близость они понимали по другому. Борису показалось, что они и между собой не были близки. Другой образ жизни. А они с женой делали все, чтобы их дети были близки и между собой, и со своими родственниками, где бы они не жили. Расстояния не имели значения. Они часто звонили в Россию, в США, Израиль, чтобы знать, как родные. Это было не праздное любопытство, это было жизненной потребностью.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Наташа постоянно звонила из Сдерота. Тревожно было в этом маленьком городе Израиля, каждый день летят ракеты со стороны Газы. И почему люди не могут спокойно жить, созидать, а не разрушать, не убивать. В Газе тоже не легко жить людям, но лидеры палестинцев не хотят мира, не хотят нормальной жизни. Не хотят Израиля.

Вадим с Верой тоже уехали в Израиль и поселились в Сдероте. Как военный, Вадим не мог понять, почему правительство не воюет,

а играет в войну. Хотя, вполне понятно, не хотят убивать мирных людей. Где, какая страна заранее предупреждает людей враждебной стороны, что будут бомбить и просят покинуть город?

Но даже в этой беспокойной обстановке люди в Израиле живут, рожают детей, справляют свадьбы. Вадим пошел в ополченцы. Среди них было много русскоязычных евреев. Все хотели мира, но есть хорошая поговорка — хочешь мира, готовься к войне. Терроризм — новая форма войны, войны XXI века. Война обезумевших людей, которые прикрываются религией и не думают о своем народе. Для них люди — средства для достижения своих целей. Тот же фашизм, только с другой обложкой.

Страшно за детей. Уехать из опасного региона из-за обстановки и попасть сюда, где рвутся снаряды над головами детей. Вадим очень боялся за детей, даже подумывал о том, чтобы уехать, но сами дети не хотят уезжать из Израиля. Что будет завтра — никто не знал.

Исай с семьей уехал в Нью-Йорк, а через несколько дней террористы взорвали в Манхеттене два высотных здания, погибло много людей. Они были разного цвета кожи, разного вероисповедания, в основном, молодые, умные, деловые люди. Для всех это был шок. Что же творится в мире?

Исай тосковал о своем родном городе, о друзьях, хотя понимал, что для его детей в этой стране открыты все дороги. Но так хотелось собраться всем вместе, как это было раньше. Он делал все, чтобы его дети не забыли русский язык, не забыли свои горско-еврейские традиции, что тоже было нелегко. Новая среда постепенно поглощала детей. Девочки пошли учиться в колледжи: Лия — в медицинский, а Аня захотела стать дизайнером. Мира, жена Исаея, пошла работать. Она ухаживала за пожилой американкой. Это давало заработок и возможность быстрее выучить английский язык. Удивительно, как складывается: только недавно у нее была домработница, которая приходила раз в неделю помочь, а теперь, в иммиграции, она сама была в этой роли.

Мира сняла с себя бриллиантовые серьги, подарок мужа, спрятала их. Здесь на работу никто не носил дорогие украшения в повседневной жизни. Когда шли на свадьбу, она доставала их. Кстати, уже и свадьбы были другие. Красивые, в прекрасных залах звучала молитва раввина. После венчания начинались кавказские танцы. Чеченская лезгинка

сменялась другими танцами, и обязательно звучала песня «Нальчик — город мой родной». Народный композитор Хацерун Алхасов написал слова и музыку этой песни, будучи в оккупации. В ней все — любовь к родному городу, тоска... И вдруг эта песня здесь в иммиграции, зазвучала так, что все переворачивалось в душе.

Исай и Мира почувствовали, что у старшей дочери Лии не все ладно. Она стала поздно приходить домой. Мира спросила младшую Аню:

— Аня, ты не знаешь, что с Лией происходит?

— Знаю, она влюбилась. Встречается с парнем. Он араб, его семья из Египта.

— Что? — мать медленно села на стул.

— Да, мама, она взрослая, и это ее проблемы, это ее личная жизнь.

— Что ты говоришь?

— Да, да, мама. Мы живем в Америке, здесь другие взгляды на жизнь. Забудьте то, что было там, на Кавказе.

Всю ночь Мира проплакала и рассказала Исаю о том, что произошло. Он сначала оцепенел, затем озверел.

— Я ее убью.

— Ты что, с ума сошел?

— Мы приехали сюда ради них, а они? Что же они с собой и с нами делают? Что мы скажем родственникам?

— Ну, чего мы добьемся криком и запретами?

В доме покой исчез. В итоге Лия ушла из дома. Они с другом сняли квартиру и стали жить вместе — без свадьбы, без согласия родителей. Исай понимал, что это цена иммиграции. За все надо платить. А тут еще и младшая стала встречаться с парнем. Его родители приехали из Сирии. К счастью, он оказался евреем. Пришли его родители, и они договорились о сроке свадьбы. Решили справить свадьбу в Израиле.

Израиль... Страна далекая и близкая. О ней мечтали в те далекие годы, когда еще не было еврейского государства. Мечтали, когда уже появилось еврейское государство. Говорить о нем вслух было нельзя. Слова — евреи, Израиль, там в России воспринимались как что-то нецензурное. Но все всегда мечтали, что придет время, и все окажутся в Иерусалиме. Время пришло, а судьба разбросала их всех по всему свету. Значит, не пришло еще время собраться всем вместе на своей исторической родине.

Не будет ли поздно? Эта мысль не давала Исаю покоя. Он пришел с работы, после ужина усадил жену на диван и сказал:

— Ты знаешь, я долго думал и хочу тебе предложить уехать жить в Израиль.

— Опять переезд? Я не выдержу.

— Мы любим друг друга, и мы вместе все трудности преодолеем.

— А как же наши дети?

— Они уже взрослые, живут своей жизнью. И у нас своя жизнь. Будем приезжать, и они будут приезжать, а может и они захотят переехать.

— Хорошо.

Они уехали в Израиль. Это их выбор, и на все воля Всевышнего.

2012

Дорогие мои читатели! Не сомневаюсь, что у вас сложилось свое личное впечатление о такой дорогой для меня повести. Но я позволю себе познакомить вас с мнением о «Разорванном круге» Галины Агароновой, доктора философии, действительного члена Израильской Независимой Академии Развития Наук.

Галина Агаронова — член Союза писателей Израиля, автор нескольких книг: поэзии и прозы. Произведения Галины печатались в газетах: «Литературная газета», «Новости недели», «Вести», «Наша страна», «Кавказская газета», в альманахе «Наша страна» (Кавказский альманах), в журналах: «Юность», «Роза ветров», «Хронометр», «Начало», «Русское эхо». Ее произведения публиковались в Германии, Дании, Америке, России, на Кавказе. Живет в городе Ашдод.

Помимо стихов и прозы Галина Агаронова занимается переводами с родного языка. Написала ряд интересных публицистических статей. Ее стихи положены на музыку Иосифом Мирензоном (Сборник: «Тебе я звезды подарю». 2000 г.) и исполняются на творческих вечерах. На ее слова сочинили музыку Ирина Прудникова и Бени Моших.

ИСПЫТАНИЕ ДУХОМ

Передо мной книга Светланы Даниловой «Разорванный круг» (New-York. 2012. Повесть, Статьи и Очерки). С. Данилова — главный редактор нью-йоркского журнала «TOVUSHI».

Читая ее, я обретаю то приятное отдохновение, каковое приносит достоверные познания из еще не столь старой истории. Мы еще не все знаем о том, что произошло с горскими евреями, которые, оставаясь в пределах Нальчика во время развязанной гитлеровцами Второй мировой войны, чудом выжили. У автора собственное мнение относительно того, что произошло с евреями в эту ужасную пору в пределах Кабардино-Балкарии. Истина навечно вкладывает в предметы определенную ценность, которая не может меняться под влиянием случая и людских мнений. Тот сам себя опорочит, кто станет судить о вещах не по тому, чем они являются на самом деле, а по тому, чем они кажутся.

То, что мы вычитали у Светланы Даниловой, сокрушает человеческий ум. Это было время, когда горе и трагедия бродили по дорогам Нальчика. Мужчины ушли на фронт, а женщины и старики остались ждать родных с войны и старались выжить в эти трудные для всех времена.

Лукреций говорил, что только в беде человек проявляет свою подлинную сущность.

Роль, выпавшая на долю Наамо, не из легких. Город Нальчик охвачен брожением — на дорогах немецкие захватчики и румынские мародеры. Любовь еврейской девушки к немецкому солдату до последних дней остается ее сокровенной тайной. Только перед смертью Наамо рассказывает Борису об отце Иоганне, который волей случая оказался в том же городе, куда впоследствии эмигрировал сын с семьей.

Именно Иоганн помог не умереть с голоду, так как был ответственным за питание в немецкой армии и сообщил о готовящейся операции по уничтожению евреев. «Можете ли вы где-то спрятаться? Скоро всех вас расстреляют, рвы готовы и списки тоже. Уходите». И они ушли под покровом ночи. Тино и двух ее детей спасла кабардинская семья, спрятав в подвале своего дома.

Бесчеловечные еврейские погромы являлись показателем страшной слабости перед лицом нравственности и морального величия души

еврейской. Непримируемую борьбу против евреев вела посредственность со всем, что ее превосходило. В еврейских руках всегда сверкал неугасимый факел страстного протеста против подлости и низости, против грубости и насилия над личностью. Еврейские семьи были спаяны сильными чувствами, ее члены оказывали друг другу всяческое уважение; почтение к старшим — в общине царил нерушимый закон предков. Тяжело было еврейским женщинам стеречь семейный очаг, сохранять дух, бережно нести сквозь ручьи крови гнет насилия и священный огонь сопротивления, стараясь не потушить его.

Читаю и чувствую: пережившая ужасы войны, красавица Тино хранит верность мужу, и она вопреки всему прощает его предательство по отношению к ней, живя в одном доме вместе с молоденькой Наташей и ее маленькой дочерью, которую Урииль привез с собой. На тонком эмоциональном уровне Тино чувствует, что муж, которого она ждала, бросил ее. Их отношения распадаются как осколки. Она блокируется потребностью быть правой, держаться за свое мнение, а не сдаться на милость любви. Ведь это означает потерпеть поражение и позор. Глотая собственную боль, Тино приходит к мудрому решению, понимая, что только время всегда деятельно: оно или дает тебе новое, или отнимает данное. Происходит чудо, божественная тайна... Две женщины одного мужа и их дети живут одной семьей. Что значит человек... в сравнении с этой живой загадкой, может быть, самой необъяснимой и самой великой в истории горского народа?

Жалкие в своей личной драматической жизни горянки (горские еврейки) становятся вдохновенными борцами, одухотворенными и сильными. У них лишь один смысл жизни: мир должен стать воплощением духа, окрылявшего поколение многострадальных жителей Нальчика. Любой триумф несправедливости бессилён перед вечностью духа, вспыхнувшего в те времена.

Накал страстей на Кавказе был велик. Пытаясь разгадать язык, на котором говорили горские евреи, узнать секреты и прочесть мысли, немецкие захватчики тенденциозно выспрашивали о них. Но местное население, чтобы спасти евреев утверждало, **что это горский народ**. Немецкие захватчики вместе с румынами разоряли дома, занимались мародерством, убивали евреев. *«Им бросалось в глаза, что быт не был похож на привычный для евреев. Грудные младенцы лежали в каких-то люльках, на стенах висели медные тазы, в общем,*

непонятно, кто они... каждый день приходили солдаты и требовали ценности, которых у них не было... люди помнят, как спасал горских евреев дядя Коля. Он владел немецким языком и убеждал фашистов, что это горский народ». Чувствовалась, что нарождается тирания... гораздо более страшная, чем маленький еврейский народ, подкупающий своей стойкостью в борьбе за жизнь, своей неугасимой верой в торжество правды, верой, без которой нет человека, ибо древний еврейский народ, переживший ад Холокоста, не становясь адвокатом зла, жертвует жизнями близких людей ради мира.

Герои повести Светланы Даниловой «Разорванный круг», понимают и осознают, что на **наш народ** возложено нести достоинство человека. Всю свою жизнь **он** жертвует всем во имя мира. Истории жизни Наамо, Наташи, Тино, Иоганна, Урилия, вкрапленные в повествование, производят потрясающее впечатление.

Определяя сущность трагического, Аристотель выдвигал учение о катарсисе, являющемся попыткой объяснения сущности сопереживания, которое испытывает зритель от трагедии, возбуждающей в нем чувство страха и сострадания.

Автор, несомненно, проявил большую зоркость, показав, что в одном городе могут жить люди с разными привычками и вкусами, идеалами и интересами, обычаями и традициями. Невыносимы условия нечеловеческого существования евреев при гитлеровском режиме. Их трагическая участь — лейтмотив произведения. Медленная смерть, бесконечная несправедливость — таковы условия существования горских евреев в тоталитарном режиме. Идеиная позиция находит полное соответствие в ярком своеобразии ее творческой манеры. Автор присутствует на каждой странице в качестве «участника» разворачивающихся событий. Голос ее громок, интонации удивительно многообразны. У нее открылось второе зрение, позволяющее в любых положениях угадывать истину; или вернее, какая-то сила, переносимая ее туда, где она должна или хочет быть.

Лица читателей изменяются по мере того как они, попадая в водоворот событий, ощущают безысходность положения еврейского народа. «Разорванный круг» — это словосочетание волнует душу, обращенную к читателю-собеседнику. Автор как бы риторически вопрошает: «Неужели нам мало гитлеризма и сталинизма?»

В произведении правильно соблюдаются время, место, условия, нравы и страсти; всякий персонаж действует согласно своему характеру. Талантливо владеющая пером, Светлана Данилова приходится по вкусу читателю. Она дарит нам повесть, в которой ощутимы постижения характеров, глубокое проникновение в природу страстей, умение, распорядиться этническими особенностями языка персонажей.

Простые сюжеты никогда не терпят неудачу в руках автора, искусно владеющего слогом. С. Данилова не теряет из виду ни одного персонажа. Изображения любого события предопределяют развязку, объединяют все остальные события, как центр объединяет радиусы. События у писательницы подготовлены с изобретательностью и представляют собой следствия обстоятельств, возникающих в ходе развития сюжета. Она старательно документирует свое повествование. Верность тщательно выписанных деталей отнюдь не заменяет глубины историзма, связанной со скрупулезным выбором узловых, поворотных конфликтов. Здесь сказалось мастерство писательского монтажа. Благодаря умелой комбинаторике все части произведения внутренне обусловлены, уместны, целостны, взаимосвязаны, необходимы; они создают широкую панораму страданий и сопротивления горско-еврейского народа. Использование газетно-журнальных жанров, особенно документальных, усиливает публицистический накал повествования.

Зоркий ум способен уловить нить, связующую то, что мы называем недостатками, с тем, что мы называем красотой. Они часто бывают естественным, необходимым, неизбежным условием достоинств. Бывает ли медаль, у которой нет обратной стороны? Иной недостаток является, быть может, лишь неотъемлемым следствием той или иной красоты. Какой-нибудь резкий мазок, неприятный на близком расстоянии, дополняет впечатление и придает живость целому. Уничтожив одно, вы уничтожаете и другое. Между тем, то и другое вместе составляют **самобытность**. Писательница должна быть неровной. Нет высоких гор без глубоких пропастей. Засыпьте долину горой — и вы получите лишь степь, пустошь, равнину вместо Эльбруса; жаворонков, но не орлов. Такие недостатки укореняются только в добротных произведениях — это беспощадная правда жизни.

Жизнь — только цепь испытаний, не важно, какого рода будут эти испытания, лишь бы достигнуть того результата, к которому они направлены, и что следовательно, чем эти испытания больше, силь-

ней, многообразней, тем выгодней проявить в них стойкость. Самые жестокие горести теряют силу для всякого, кто видит перед собой великую и верную награду; уверенность в ней была главным плодом, который я извлекла из предшествующих размышлений.

Повесть «Разорванный круг» обращена к людям и должна быть непременно услышана.

Старая пословица говорит, что книги, как и люди, имеют свои судьбы. Повесть Светланы Даниловой, выразившая веру в духовные ценности своего народа, яркое тому подтверждение. Она, несомненно, станет близкой и дорогой нашему читателю.

2012

ПЕРЕЧЕРКНИ ПРОШЛОЕ И ИДИ

ГЛАВА 1

В комнату вбежала Соня, встала перед матерью и спросила: «Мама, как я выгляжу?»

— А куда ты собралась, на ночь глядя? - Мама, ты забыла. Я же тебе говорила. У нас в школе вечер, и я буду петь. Представляешь, со сцены. Я так волнуюсь.

— Соня, у тебя такая короткая юбка. Если отец увидит тебя в таком виде, он убьет и тебя, и меня. Ты же знаешь его характер. Начнет кричать, что я плохо тебя воспитываю. Я тебе разрешаю, но боюсь, что он сегодня приедет с работы и будет проблема.

— Хватит, мама. Мне непонятно такое отношение к жизни. Если тебе такая жизнь нравится, можешь терпеть. Ты окончила музыкальную школу, училась в музыкальном училище. Ну, и какая у тебя жизнь?

— Как ты разговариваешь с матерью? Но было уже поздно. Соня выпорхнула из комнаты. Аснат задумалась о своей жизни, о своей нелегкой жизни. У нее была доченька Соня, а муж Адриль очень хотел

сына, грозился уйти, бросить ее, если она родит девочку. Но Аснат прекрасно понимала, что причина немилости была не в этом. Это был только повод. Адриль работал в русской станице, у него был цех по производству спортивной одежды. Это был малый бизнес. Обеспечивал он семью хорошо. В те годы ранней перестройки 90-х годов многие мужчины горско-еврейской общины уезжали из города в другие регионы страны. Там легче было открыть свое дело. Но приходилось оставлять свои семьи, жен они с собой не брали. Ясно, что мужчина долго без женщины оставаться не может. Охотниц было много, особенно, если он хорошо зарабатывал. «Стойкие» мужчины начинали жить на два дома. У многих было по две семьи, и они разрывались между долгом перед семьей и любовницей, с которой, как стало тогда модно говорить, жили гражданским браком. По этой причине в те годы многие семьи распадались... Аснат не могла понять, что значит «гражданский брак». Последнее время она все чаще стала слышать: «Он живет гражданским браком, гражданский брак...» Раньше говорили, у такого-то есть любовница, а сейчас это называется «гражданский брак». Кто-то скрывал этот факт, а кто-то и не думал скрывать. Аснат чувствовала, что там у мужа была другая женщина, чувствовала она это кожей, а поехать и проверить в голову не приходило. К тому же его родители не пустили бы ее. Да и как, и на кого дочь можно было оставить хотя бы на день? Свекровь не согласится посмотреть за ребенком. Долгими бессонными ночами она думала, а надо ли ехать к нему? Что произойдет, если она и узнает правду? Что это изменит? Уйти? Сразу возникал вопрос: «А что люди скажут?» К тому же она была зависима от мужа. Уйдет, и что дальше? Специальности нет. Хотя она имела музыкальное образование, но, как считалось в общине, оно было приложением к приданому. Считали, что главное — отдать дочь замуж. Аснат хорошо окончила среднюю школу. И, хотя ее семья жила бедно, она училась в музыкальной школе, мечтала поступить в институт культуры, но... не тут-то было. Ей нельзя было встречаться с молодым человеком из общины. Сразу бы начали судачить. А если юноша был другой национальности, это считалось трагедией. Родители Аснат узнали, что ей нравится кабардинский юноша. И ему она нравилась. Аслан был красивый и добрый. Они учились вместе в музыкальном училище. Аслан и Аснат не могли и не хотели понимать, почему им нельзя быть вместе. Он был кабардинец, мусульманин,

а она еврейка. Ну и что? Родители Аснат не могли допустить их брака. Да и его родители были того же мнения. Уже конец 20 века, а сколько в жизни еще было условностей. Люди сами создают эти условности и ломают судьбы себе и другим. Родители Аснат, как только узнали об этом юноше, тут же отдали дочь замуж за первого, кто пришел ее сватать. Молодые и не знали друг друга. Юноше его родители сказали: «Мы идем сватать для тебя хорошую девочку». Она «домашняя», как говорили в общине, «духтерхуне». Он сопротивлялся, как мог, но все бесполезно. Ему и в голову не могла прийти мысль, что можно слушаться родителей, что можно уйти из дому, начать самостоятельную жизнь. Сын должен, обязан слушаться родителей. Так было положено в общине. Всегда! Таковы были традиции, хорошие или плохие, но не подлежащие обсуждению. Вот так и поженились. Любви не было, а кто тогда знал, что такое любовь. В редких случаях в общине создавались семьи по любви. Детей у них долго не было. Прошло несколько лет, и Аснат родила красивую девочку. Ее называли Сонечкой. Мужа она видела редко. Ее свекровь Назбеке ей не раз говорила: «Ну что ты нервничаешь? Подумаешь, мужчина гуляет. Мой всегда гулял, но семья есть семья. Мы не дадим ему бросить тебя и дочь». Это не было утешением. Ей хотелось любви, внимания. Она много читала и мечтала. А ее муж Адриль приедет, переспит, даст денег, кстати не ей, а своей матери, и опять уезжал на работу. Считалось, что он обеспечивает семью. Правда, он дарил жене кольца с бриллиантами и требовал, чтобы она их надевала, когда они шли к кому-нибудь на свадьбу. Но это ее не радовало. Она прекрасно понимала, что все это «показуха». Еще муж иногда давал ей возможность побывать с дочкой в Москве и Питере (Санкт-Петербурге). Эти поездки были отдушиной, это были счастливые дни. Они ходили в театры, в музеи. Ее доченька росла умной, развитой. Любила музыку, любила петь. Ее звонкий голос звучал дома и на вечерах в школе. Девушка росла красивой и яркой, хорошо училась. У нее был по-настоящему прекрасный голос. Сонечка участвовала в городских конкурсах, пела на нескольких языках: русском, французском и на родном горско-еврейском. Ее школьная учительница, которая преподавала пение и французский язык, не раз говорила, что она способная, что ей надо продолжать образование, учиться в музыкальном училище, но девочка прекрасно понимала, что отец будет против, а мама не имеет в семье права голоса. Соня боялась

даже заикнуться дома об учебе на вокальном отделении в музыкальном училище. Стать учительницей музыки, медицинской сестрой или воспитательницей в детском садике — пожалуйста, но не «певичкой». Так и жили. Аснат была красивой женщиной. Она видела, как на нее смотрят мужчины на улице, но что ей от этого. Аснат хотелось любви, хотелось испытать глубокие чувства, о которых она читала в книгах. Подруги у нее были, но она не находила с ними общего языка. Они собирались дома у кого-либо из них и крутили фильмы. Это было их единственным развлечением. Аснат не любила смотреть эти фильмы и, тем более, обсуждать их содержание, а ее молодые приятельницы увлеченно смотрели и развлекались. Обычно Аснат, посидев немного, придумывала какую-то причину и быстро уходила. Изменять мужу она не могла и не желала. А потом, что люди скажут? В принципе, кому какое дело? Это ее жизнь, но она считала, что если вышла замуж, то должна быть верной женой. Иногда ей не хотелось жить, ее не радовало солнце, красивая природа, но она понимала, что у нее растет дочь. Для нее она должна была жить. Как-то она шла по улице, думая о своей грустной жизни. Настроение у нее было ужасное. Вдруг она почувствовала на себе мужской взгляд. На улице она часто ловила взгляды мужчин. Так было и на этот раз. Они шли навстречу друг другу. Что-то заставило их посмотреть друг на друга. Аснат прошла мимо и потом резко обернулась назад. Она увидела, что незнакомец тоже остановился и смотрит ей вслед. Когда увидел, что она повернулась к нему лицом, он подошел к ней, и они познакомились. Аснат, к своему удивлению, даже сказала ему, где живет, улицу. Вскоре он нашел ее, но смущенная женщина объяснила, что она замужем и встречаться они не будут, хотя он ей и понравился. Нельзя! Время шло. Одиночество душило ее. А тут оказалось, что она опять в положении, спустя столько лет. А вдруг опять будет девочка. Ужас. Что делать? Аборт? Она больше не хотела и не могла пойти на это. Ведь это такой грех. Совершить убийство. Нет, только не это! Адриль приехал домой. Первый вопрос был, где дочь. В этот вечер дочь Соня вернулась домой поздно. У нее было прекрасное настроение. Пела на вечере она хорошо. Ей много хлопали. Это был успех. Однозначно! Подходя к дому, она услышала крик отца: «Почему Сони нет дома. Уже поздно, а ее до сих пор нет. Как ты воспитываешь дочь? Ты что не понимаешь, что она позорит нас? Что о нас скажут в общине? Тебе на все наплевать!»

— каждое слово сопровождалось матом. Он замахнулся на жену, ударил, хотя знал, что она беременна. Аснат упала, сжалась в комочек, шептала: «Не надо, не надо». Но лицо мужа от ярости перекосилось. Соня забежала в дом и крикнула: «Не смей бить маму, иначе я вызову соседей».

— Что? — возмутился отец. Он замахнулся и на дочь. Аснат встала с пола и собой заслонила перепуганную девочку. Разъяренный отец ушел в спальню. А утром сообщил, что отдает Соню замуж.

— За кого? — спросила Аснат. Ответа не последовало. У Адриля был друг. Они вместе работали и уже давно договорись породниться. Сын друга должен был вернуться из армии. На днях он приехал домой. Молодые пару раз встретились, но общего языка не нашли. Но, все равно, помолвка состоялась, их согласия никто спрашивал, не сочли нужным. Отцы уже обо всем договорились. Соня горько проплакала всю ночь. Быстро назначили дату свадьбы. В день свадьбы во дворе невесты расставили столы, уже кипели котлы, музыканты настраивали инструменты. Печально звучала зурна, как будто она чувствовала настроение невесты... На стенку повесили ковер, а на ковер красивую шестиконечную звезду. Женщины во дворе чистили кур, которых зарезали в синагоге. Это был ад, кур было много, штук пятьдесят. Опускать их в кипяток было нельзя. Запрещала религия. Куры бы стали не кошерными, а обычными. Их нельзя было бы подать к столу. Вот и чистили их, тщательно и медленно выдергивая перья. Другие женщины готовили угощения для свадебного пира. Уже и гости стали собираться. Жених со свитой должен был вот-вот прийти. Но вдруг обнаружили, что невесты нет дома. Подружки не могли сказать ничего путного. Невеста сбежала. Накануне Соня рассказала своей учительнице пения, что ее отдают замуж, что конец ее мечтам, и та решила девочке помочь. Она купила ей билет на поезд в Москву, и отправила беглянку к своей сестре, которая преподавала в музыкальном училище. Соня незаметно от всех воспользовалась свадебной суетой и упорхнула. Скандал был жуткий. В общине, в каждом доме и на улице, три дня только об этом говорили. Отец жестоко избил жену и уехал. Вскоре подошел срок родов у Аснат. Она попала в больницу, родила мертвую девочку. Она знала, что муж будет разгневан за все: за то, что она не смогла родить, за то, что дочь уехала в Москву. За то, за это... Как будто она в чем-то виновата. Девять месяцев ожидания — и вот результат.

А виной всему ее «прекрасная» семейная жизнь. Аснат стала умолять врача отдать ей мальчика, которого бросила мать. Молодая женщина лежала в той же палате, что и Аснат. Мама нежеланного малыша была юной русской девушкой. Она родила ребенка от местного парня, но тот оказался женатым. Обещал девушке «золотые горы», а узнав о ее беременности, сбежал. Врач, зная о положении Аснат в семье, согласилась ей помочь, оформила документы, якобы у нее родился мальчик. Вот этого малыша, плод любви, и взяла себе Аснат. Смущало только то, что мальчик был светленький. Из родильного дома она вернулась домой. Ее свекровь и свекор посмотрели на мальчика, но ничего не сказали. У Аснат была русская прабабушка. Она была светлой, и они решили, что мальчик похож на нее. А потом, в общине любили светлых детей. Мальчику в соответствии с еврейскими обычаями сделали обрезание, назвали Русланом.

ГЛАВА 2

Шло время. Больше всего Аснат волновалась за Соню, но в глубине души была рада, что девочка уехала в Москву. Мечтала, что у дочери, жизнь сложится по-другому, не так как у нее. Возможно дочь встретит в Москве свою судьбу и будет счастлива. Она все время молила Б-га за свою старшенькую. Тайком от мужа посылала ей деньги. Адриль не мог простить дочери предательство. Соня не приезжала домой, не говорила с отцом по телефону. Как-то ночью дома раздался телефонный звонок. Аснат вскочила, подбежала к телефону и услышала страшные слова: «Вашего мужа убили!» Правду говорят, плохие вести приходят быстро. Она онемела, не могла произнести ни слова. Но надо было взять себя в руки. Разбудила свекра, заикаясь, сказала ему о трагедии. Тут же родственники собрались и выехали в станицу. Привезли два гроба

— Адриля и его любовницы Ольги. У Оли не было родных. Она выросла в детском доме, училась в швейном профтехучилище. После училища работала швеей в цеху у Адриля. У нее был сын Игорь. Биологического отца мальчик никогда не видел. Адриль заменил ему отца, даже успел его усыновить и дать свою фамилию. С мальчиком у него сложились у него хорошие отношения. На момент смерти отчима и матери Игорю было 16 лет. У них была и общая дочка Аня. В ту

страшную ночь, когда пришли бандиты, дети были в саду. К счастью, детей изверги не заметили. Дом подожгли. Дети видели это яркое пламя, но они как будто оцепенели. Приехала милиция, пожарные. Игорь сказал телефон бабушки и дедушки. В общине у всех был шок. Хоронили Адриля и Олю всей общиной. Шли пешком, гробы несли на руках, шли мимо здания, где располагалась власть, как бы спрашивая, что делать? В каждом доме говорили об этой трагедии. Почему убили? Кто? За что? Конечно, люди понимали, что их хотели ограбить. Но зачем убивать? Проклятые 90-е годы. Это было началом беспредела и безнаказанности в стране. Страшно было жить, даже выходить на улицу. Вся «нечисть» всплыла на поверхность. Законы бездействовали. Действовали законы дикарей. Об этих годах, о человеческих трагедиях еще будут написаны книги и созданы фильмы. Что чувствовала Аснат? Облегчение, что вся ее кошмарная семейная жизнь закончилась? Нет... Была растерянность. Как сложится теперь ее жизнь. Ночами она не могла уснуть, но твердо решила оставить детей мужа у себя. Где двое, там еще двое будут. Всевышний поможет! Она понимала, что теперь надо будет жить по-другому, надо начинать все сначала. Да, она до этой трагедии не работала. Понимала, что надо устраиваться на работу. Еще сама молодая, ей было всего тридцать четыре года, но семейная жизнь, смерть мужа сделала ее зрелой и сильной. Всем было жаль молодую женщину и ее детей. Община — большая семья, где все друг другу помогали. Помогали, но и следили за каждым шагом. Жили, особенно женщины, как под микроскопом. Так Аснат и жила под общественным микроскопом. Растила детей, но на личной жизни был поставлен крест. Прошли дни траура. Она занялась поиском работы. Аснат приняли секретарем в профессиональное училище. В свое время директор училища был другом мужа. Они вместе часто ходили к девочкам, в рестораны, играли в карты. Он и принял ее на работу.

ГЛАВА 3

У мужа Аснат был младший брат Илюша. Он работал в сибирском городке. Его давно не было дома. Приезжал на похороны брата, но быстро уехал. Прошел год со дня смерти Адриля. Родители вызвали Илюшу домой. Обеспокоенный телефонным разговором, Илюша выехал домой. Через несколько дней родители усадили Илюшу за стол

и объяснили, почему они так срочно вызвали его домой. Он обязан жениться на снохе Аснат. Брат погиб, но дети должны оставаться дома, в их семье. Илюша от такого неожиданного предложения растерялся, не мог сказать ни одного слова. Молча встал и вышел из комнаты. Всю ночь не спал, все думал, как ему поступить. Он понимал, что таковы обычаи. Аснат была лет на пять старше его, но это не главное. Это его не волновало. Главным были дети. Он понимал свою ответственность за детей брата. Всю ночь Илюша не спал, а утром сказал родителям о своем согласии. Теперь надо было поговорить с Аснат. Кто будет с ней говорить? Мать, конечно, она старшая в семье. У них состоялась жесткая беседа. Аснат кричала, что это прошлый век. Нет, нет и нет. Аснат хорошо понимала, что она должна думать о детях, но такого варианта она даже не предполагала. В комнату вошел Илья. Они остались одни в комнате. Илья сел за стол, взял руку Аснат в свою, крепкую и сильную руку. Мягко сказал ей: «Аснат, сядь. Давай подумаем, как нам быть». И добавил: «Я понимаю, что это абсурд, но что нам делать? Мы разве можем что-то изменить? Ты меня не бойся. Я тебя не обижу, даю слово. Я знаю, как относился к тебе мой брат. Я не буду для тебя таким мужем. Я буду заботиться о тебе и о детях».

— Ты хоть понимаешь, что говоришь? Ты молодой, зачем тебе это все? Ты встретишь свою половинку и будешь счастлив. А может у тебя есть девушка? Не ломай себе жизнь. А о детях ты и так сможешь позаботиться.

— Но ты же знаешь наши законы?

Она кивнула головой. Законы она знала, но своего согласия не дала. На следующей неделе собрались родственники, и родители всем объявили о своем решении, затем пригласили Аснат. Она зашла в комнату, вся напряженная, бледная. Ей объявили о вердикте. Наступила пауза. Она твердым голосом сказала, что не желает выходить замуж за Илюшу.

— Тогда уходи к своим родителям, а детей оставь нам.

— Да, я уйду, но детей не брошу. Я не отдам их.

— Это дети нашего сына, ты это понимаешь?

— Да, понимаю, но детей я не оставляю. Аснат с двумя детьми собрала вещи и ушла. Ушла с маленьким сыночком и девочкой покойного мужа к своим родителям. Игорь решил остаться с дедушкой и бабушкой. Родители Аснат жили бедно, но дружно. Они были

ремесленниками, выделывали шкуры. Это был адский труд. В доме жили еще и бабушка с дедушкой. Четыре поколения. В пятницу вечером все собирались большой семьей, чтобы встретить шаббат. Дети любили слушать субботние истории, беседовать с родными, особенно с бабушкой и дедушкой. Бабушку они называли «келе-дедей», что означает «большая мама». А дед воевал на фронте. Он рассказывал, что когда немцы взяли его в плен, от расстрела его спас кабардинец. Он, смельчак, сказал немцам, что дед кавказский человек, а на Кавказе всем делают обрезание. Так дедушка и выжил. А бабулю Назбеке спасла от фашистов кабардинская семья. Назбеке была очень красивой. Она вспоминала, как вышла на улицу, а мимо нее на лошади проезжал немец. Он схватил девушку за косу и срезал ее. Хотел ее посадить на лошадь. Она вырвалась и убежала. А вечером Назбеке отправили в село к давним друзьям, в кабардинскую семью. Знали, что ее там не выдадут немцам. Ночью Назбеке прятали в доме, а днем на сеновале. Замирая от волнения, с открытым ртом слушали ребята их воспоминания. Часто приходил в гости Игорь, чтобы проведать сестру и брата. В одну из суббот, когда бабушка Назбеке в шаббат зажгла свечи и прочитала молитву, дети стали просить ее рассказать о тех страшных месяцах войны, когда немцы были в городе.

— Бабуля, ну расскажи, пожалуйста. Нам же интересно. Об этом в учебниках нет. Я спросил учителя в школе, но он не знает, — сказал Игорь.

— Да зачем вам это? Идите лучше на улицу, погуляйте, — ответила Назбеке.

— Нет, погулять мы успеем, расскажи.

— Ну ладно, садитесь. Слушайте. Мы знали, что немцы приближались к нашему городу Нальчику. Мы стали рыть окопы, накрывали их досками, а сверху засыпали землей. Ночью у нас всегда прохладно. Дети заболели. Немцы, как только вошли в город, расклеили объявления, требовали, чтобы евреи собрались в одном месте, и гнали нас на работу. Аснат, кто там?

— Это наша соседка Ахчагуз.

— Заходи, садись, Ахчагуз, — пригласила бабушка. — Я тут детям рассказываю, что мы пережили за те два с половиной месяца оккупации. Да, есть что вспомнить. Иногда ночью проснусь и вспоминаю день за днем. Страшно, каждый день был подарком от

Всевышнего. Как мы выжили, просто загадка. Я помню, как зашли в дом двое немцев. Одного звали Ганс, а другого Милле. Один мне говорит: «Мы достали свинину, дай нам кастрюлю, чтобы сварить мясо». А я говорю: «Не дам. Мы же свинину не едим». А мне свекровь говорит на нашем, на горско-еврейском: «Отдай, потом мы эту кастрюлю выбросим». Я дала им, а про себя подумала: «Хоть бы вы подавились этой свининой». Но были и среди них порядочные люди, хотя таковых было очень мало. У нас на квартире жил немец. Он говорил на ломаном русском. Мы понимали его: «Вы — юде». Но нас он не выдал. К нему заходили приятели-немцы, они говорили: «Вы хорошие люди. Вот Гитлер и Сталин пусть передерутся. Зачем они нас мучают». А тот, что жил в нашем доме проговорил с болью: «С 18 лет я воюю. Устал». Но таких были единицы. Остальные были не люди, а звери. И те, кто им помогал из «наших», тоже звери, — сказала Назбеке.

— Меня родители отправили в село. Спасибо, кабардинцам, они прятали, но были и те, кто выдавал. Все было. Все пережили, и голод, и страх. В конце декабря 1942 года списки евреев на расстрел были готовы. И рвы были готовы, где нас должны были расстрелять. Чудо произошло, дети. Советская Армия вошла в город. Только благодаря этому, мы остались живы. Слава Б-гу! В семье отмечали все еврейские праздники. Игорь часто приходил к ним, и все рассказы старших впитывал, как губка. Он хорошо пел, у него были настоящие музыкальные способности, как и у Сони. На семейном совете решили парня отправить в Астрахань, чтобы он мог учиться в музыкальном училище. Прошло полгода. Игорь стал звонить домой, просил забрать его из училища. Его дедушка по отцу спешно выехал, поговорил с Игорем по душам. Оказалось, что одна из преподавательниц стала придирается к нему, будучи уверенной в том, что он еврей, да еще с Кавказа. Фамилия еврейская

— Игорь Изгияев. Дедушка спросил Игоря: «А почему ты не сказал, что ты русский?»

— А зачем? Почему я должен оправдываться? Ведь папа меня усыновил, а он был еврей. Не хочу. Если у меня есть талант, так пусть оценивают не по национальной принадлежности, а по способностям. Не хочу я здесь оставаться. Поехали домой.

— Не пожалеешь?

— Нет, — твердо ответил Игорь. В это время было объявлено, что израильская организация Сохнут организует поездки подростков на учебу в Израиль. Проводили конкурс, брали самых умных. Попал в список и Игорь, ведь по паспорту он был евреем. Ирония судьбы. Когда он дома сказал, что его приняли, что он прошел конкурс и поедет в Израиль, все были в шоке. Ему сказали, что у него будут в этой стране проблемы. В свидетельстве о рождении у него было записано, что мама русская. Да и обрезания у него не было. Игорь улыбнулся и сказал, что его это не волнует.

— Я хочу сделать обрезание. И сделал. Правда, в больнице. Дома отметили это событие. Позвали раввина. Он прочитал молитву, благословил Игоря. Прошло три недели, и семья стала готовить его к выезду в Израиль. Все члены семьи очень волновались за парня. В те годы представление об Израиле было совсем смутным. И чем больше Игорю говорили: «Подумай», тем тверже он отвечал: «Я еду». И уехал.

ГЛАВА 3

А в это время Соня в Москве училась в музыкальном училище, жила в общежитии и подрабатывала в детском садике. Как-то ее однокурсник познакомил Соню с молодым человеком. Аркадий Гуревич — молодой ученый, европейский еврей, был удивлен, встретившись с Соней. О существовании горских евреев он и представления не имел. Никогда о них не слышал. Соня была очень красивой и талантливой девушкой и, к тому же, скромной. Ее однокурсники говорили Аркадию, что если он хочет просто развлечься, чтобы не время тратил зря. Соня ни с кем не встречалась, но была общительной и веселой. Аркадий сказал дома, что хотел бы познакомить родителей с девушкой. У него были самые серьезные намерения, и что он хотел бы сделать ей предложение.

— Пригласи ее к нам домой, — сказала мама.

— Хорошо, — ответил Аркадий, — мы придем после концерта в училище. Мать Аркадия все приготовила к встрече, накрыла стол, и они с отцом стали ждать сына с загадочной девушкой. Но Соня отказалась идти к нему домой.

— Почему? — удивился молодой человек.

— Аркадий, мне неудобно. Ну как это я приду к тебе домой? На каких правах, в качестве кого? У нас так не принято. Не обижайся, но я не могу пойти к вам домой. Может это глупо, несовременно, но я не готова. Аркадий не спорил. Он извинился перед родителями и попросил их прийти на очередной концерт в училище, чтобы увидеть Соню. Маму с папой это заинтриговало. Обычно Аркадий приводил своих девушек домой, и они спокойно оставались на ночь. Родители на это никак не реагировали. Единственное, чего им очень хотелось, чтобы их единственный сын женился на еврейке. Они даже посылали записки с этим пожеланием в Израиль, чтобы их положили в Стену Плача в Иерусалиме. Аркадий был молодым перспективным ученым, очень красивым и талантливым. Как хочется, чтобы он был счастлив и в личной жизни. Родителей можно, конечно, понять. Настал знаменательный день. После концерта Аркадий подвел Соню к своим родителям, познакомил их. Девушка стеснялась, и это очень понравилось родителям Аркадия. Они пригласили Соню домой. Но, видя смущение девушки, решили, что лучше пойти в ресторан и спокойно пообщаться.

— Спасибо, — Соня приняла приглашение. Все отправились в ресторан поужинать. Родители попросили девушку рассказать о себе, о своей семье. Она рассказала, но очень скупно.

— Соня, а как тебя, кавказскую девушку, родители отпустили в Москву?

— Я убежала. Меня хотели отдать замуж, а я убежала. Домой я поехала только на похороны отца.

— А что случилось с отцом? Соня помолчала и тихо ответила: «Его убили». Реакция у родителей, да и у самого Аркадия была странной. Они не могли произнести ни слова. Как будто это было из другой жизни. Им трудно было понять. О том, что происходило в 90-е годы на Северном Кавказе не писали на первых страницах московских газет, да и в новостях только изредка проскальзывали какие-то слухи. А там в то время не было и дня, чтобы не стреляли, не убивали. Ужас охватывал жителей этого, совсем недавно прекрасного и благодатного края России. Северный Кавказ. Кто хотя бы раз побывал на курортах этого региона, на всю жизнь запомнил удивительнейший уголок планеты Земля. Снежные вершины Великого Кавказского горного массива, водопады, озера, альпийские луга. Сюда приезжали этнографы, путешественники, туристы и альпинисты, здоровые люди и очень больные,

которые поправляли свое здоровье на курортах, пользовавшихся всемирной известностью, благодаря лечебным грязям и целебным кавказским минеральным водам. Больно и обидно. Невыносимо было видеть плакаты «Долой кавказцев» в Москве и других городах. Дожили до абсурда. Молодые женщины из городов Кавказа в Москве стали блондинками. На вопрос, почему они так резко поменяли свой цвет волос, они говорили, что в Москве так спокойнее жить. Соня сказала Аркадию, что если у него действительно серьезные намерения, ему придется с родителями поехать к ее родным, познакомиться с ними. Удивительно, но Аркадий, привыкший к свободным отношениям с девушками, понимал, что с Соней все должно быть по-другому. Он не мог даже поцеловать свою избранницу, хотя ему очень хотелось. Аркадий прекрасно понимал, что если он не хочет ее потерять, то должен быть сдержанным. Надо ехать на Северный Кавказ, причем не одному, а со своими родителями. Честно сказать, они боялись ехать, но все-таки поехали. Дома собрались все родственники. Родители юноши сделали предложение семье, просили дать согласие на брак Аркадия и Сони. В общине всегда говорили: «Отдай дочь за европейского еврея, но не жени». Почему? Да потому, что девушки, европейские еврейки, чувствовали себя равными с мужем. Они требовали уважительного отношения к себе. А на Кавказе в семье были другие традиции. Отношение к женщине было совсем другим. Вероятно, сказывалось то, что горские евреи веками жили среди мусульман. В семье был патриархат, царил культ мужчины. Женщина должна была беспрекословно выполнять все капризы мужа, и не только мужа, но и его родителей, и всех родственников. Например, если муж придет ночью с друзьями, жена должна была быстро встать, накрыть на стол и уйти в свою комнату. Сидеть с ними она не имела права. Ну, какая европейская еврейка согласится с таким образом жизни. Смешно. Ладно, если это раз, два, а постоянно... Аркадий и его родители всей родне понравились. Назначена была дата свадьбы. Свадьбу провели скромную, Скажем, скромную по меркам обычаев кавказских людей. Здесь даже самые бедные родители брали деньги в долг, но делали пышную свадьбу. Традиции... Родители Аркадия были просто ошарашены. Господи, как здесь открыто, не боясь, венчали в синагоге молодых. В то время в Москве даже побаивались открыто говорить о своем еврействе. Свадьба прошла очень спокойно и радостно. Молодые и родители Аркадия вернулись

в Москву. Они были очень довольны снохой. Соня была уважительной, ласковой и приветливой. Помогала свекрови во всех домашних делах, училась и еще подрабатывала. Их все удивляло в Соне. Когда кто-то заходил в квартиру, Соня вскакивала. Они вначале не могли понять, зачем она это делает. Но Соня объяснила, что она встает в знак уважения к гостям. Боже, какое счастье, что их сыну так повезло. Вскоре молодые объявили, что уезжают в Израиль. Это уже никого не удивило. Игорь, брат Сони, уже был там. В эти годы начался массовый выезд евреев из страны. Почему? Сколько раз возникал этот вопрос. Родители Аркадия коренные москвичи. Аркадий был востребован. Что же их толкало на иммиграцию? Да то же, что и всех. Желание быть свободными, говорить не шепотом на кухне, а открыто. Никто уже не верил, что настанет время свободы и демократии, о котором все раньше мечтали. Произвол и криминальная обстановка выталкивали прежде всего евреев, но и не только их. В армии царил беспредел. Родители боялись отправлять своих мальчиков на армейскую службу. Богатые откупались. Еврейские ребята были в армии изгоями. В армии горские евреи объединялись с кавказскими и дрались, защищая свою честь. Родители не знали, вернутся ли их дети живыми домой. А тут еще война в Чечне. Две войны. В 1994 и 1996 годах. Эти войны стали трагедией для всей страны. Была и другая причина массового выезда. Хотелось жить в своей стране. Все в той или иной мере сталкивались с антисемитизмом. У Сони был знакомый. В паспорте он был записан не тат (горский еврей), а татарин. Решили, что тат сокращенная запись. После окончания института его приняли в органы ФСБ. Прошло два года, но когда знакомый Сони женился, у него состоялся разговор с начальником отдела: «Как дела, как работа? Вы хороший сотрудник, мы дорожим Вами».

— Спасибо, — взволнованно ответил молодой офицер. — Знаете, меня можно поздравить. Я недавно женился.

— А кто по национальности ваша жена?

— Еврейка.

— Еврейка? Почему Вы с нами не посоветовались? Лицо офицера стало багровым. Вскоре после этого разговора его уволили из органов. Молодой человек понял, что он чужой в этой стране. Они с женой уехали в США. Соня с мужем и его родителями совершила алию в Израиль. Соня и Аркадий поселились в Иерусалиме. Выучили

иврит. Аркадия приняли на работу в Иерусалимский Университет, а Соня устроилась в музыкальную школу. К ним стал приезжать на выходные Игорь. Мальчик уже окончил школу, освоился и не хотел возвращаться в Россию. Принял израильское гражданство и пошел в армию. Его, крепкого и спортивного парня, определили в танковую часть. Здорово, это же элитные части. Игорь был очень доволен.

— Игорь, ты не боишься? Ведь постоянно идет война, — спросил Аркадий.

— Нет, я не боюсь. Эта страна стала мне родной. Я готов ко всему. В отличие от него, Аркадий, честно говоря, морально пока не был готов идти в армию. Но в Израиле военнообязанными являются практически все жители призывного возраста, за небольшим исключением. Все значит все — и юноши, и девушки служили в армии. Соня была беременна, поэтому не подлежала призыву. А Аркадия послали служить на Голанские высоты. Каждый выходной он приезжал домой. Соня ждала рождения ребенка. Врачи сказали, что у них будет сын. Жили Соня с Аркадием очень дружно. Они любили друг друга. Соня вспоминала грубое отношение отца к матери, и ей было больно, так больно и обидно за маму. Мама еще молодая, красивая, а что она видела в этой жизни? Да, ничего хорошего.

ГЛАВА 4

Аснат работала, но личной жизни у нее так и не было. Летели день за днем. Она понимала, что жизнь проходит мимо. Но, главное, у нее есть дети. Руслан и Анечка росли добрыми и здоровыми. Она их очень любила. С родителями покойного мужа она была в хороших отношениях. Они уже знали, как Русик попал к ним в семью. Но это их не волновало, ведь мальчик с первых часов жизни стал им родным. Каждый выходной Аснат с детьми ходила к ним в гости. Илья, брат ее мужа, женился. Он привез девушку из города, где работал. Девушка, с которой он жил в Башкирии, была русской. Родители Ильи долго не давали своего согласия на этот брак. А девушка до встречи с Ильей и представления не имела, кто такие евреи. Она поехала домой, поделилась с бабушкой.

— Бабуля, мой молодой человек говорит, что он еврей, кавказский еврей. Кто они? Его родители косо на меня смотрят только потому, что я русская.

— Светланочка, сядь. Я хочу тебе кое-что сказать. Все это глупо. Какая разница, кто ты по национальности. Ведь он тебя любит? Верно? А теперь знай, что я приехала в Башкирию во время войны и вышла замуж за твоего дедушку. Моя девичья фамилия Гинзбург, я еврейка.

— Бабуля, а почему ты не рассказывала об этом?

— Как тебе сказать? Родители дедушки ненавидели евреев, хотя никогда их в глаза не видели.

— Почему?

— Они говорили, что евреи убили Христа. — Но Христос и все пророки были евреями. А распяли Христа римляне.

— Да разве это им объяснишь? Антисемитизм есть даже у тех, кто никогда не видел евреев в глаза. Светлана вернулась к Илье, привезла копию свидетельства о рождении бабушки и рассказала о разговоре с ней. — Ура! Значит, по еврейской вере, ты еврейка. У нас национальность определяется по материнской линии. Мне-то, Светочка, все это безразлично, но мои родители с условностями. Родители дали согласие на их брак. Вскоре Илюша и Света поженились. У них родился мальчик. Ему дали имя дяди. В семье долго обсуждали, назвать ребенка Адрилем или нет? Говорят, если судьба человека трагически оборвалась, то имя его давать нельзя. Но хотелось, чтобы было продолжение рода. Записали Андреем, а второе имя было Адриль. Так принято было. У евреев всегда давали два имени. Аснат работала в училище, ей нравилась ее работа. Она всегда приходила туда с хорошим настроением. Все проблемы, все, что было на душе, она оставляла дома. Сотрудники к ней хорошо относились. Доброжелательная и разумная, от нее шло душевное тепло. Аснат была красивой женщиной. Яркая, привлекательная. У нее были выразительные черные глаза и светлая кожа. Она замечала наглые взгляды директора. Аснат казалось, что он мысленно ее раздевает. Ей это не нравилось. Она боялась его. В один из дней директор долго не уходил с работы, хотя рабочий день закончился. Все уже ушли, но она не имела права уйти без его разрешения. Директор вызвал ее в кабинет. Она вошла, он встал, подошел к ней и тихо сказал:

— Аснат, все. Я не могу больше молчать. Я знал твоего мужа. Его уже нет, что делать, такова жизнь. Ты мне очень нравишься. Я хочу тебя, очень хочу. Я же знаю, что у тебя нет мужчины. Я буду тебе хорошим другом, хорошим любовником. Не бойся, у меня есть квартира. Нас не увидят. Поехали. Я тебе обещаю, что буду о тебе заботиться. Я добьюсь для тебя квартиры. Я же знаю, что ты живешь с детьми и с родителями. И физически я тебе обещаю много радости. Соглашайся. Его руки тянулись к ней. Одна рука гладила лицо, а другой стал щупать грудь, сжал ее. Аснат отошла назад. Директор не отпускал ее. Его движения стали все наглее. Дернул кофту, разорвав пуговицы, обнажил грудь. Она сопротивлялась, но он был сильным. Он схватил сосок губами, а другой рукой поднял ей юбку. Она, что было сил, оттолкнула его и тихо, но твердо ответила: «Нет».

— Жаль. Ты не поняла меня. Если я чего хочу, я добиваюсь своего. Я твой директор, и ты от меня зависишь. Ты меня понимаешь? Его взгляд изменился, что-то хищное появилось в его глазах.

— Подумай. Я даю тебе время подумать. Не хочу силу применять, я хочу взаимного чувства. Ты же не девочка. Ты женщина. Аснат выбежала из кабинета. Она и раньше чувствовала его взгляды, но не думала, что дойдет до такого. Почему он так с ней вел себя? Потому что у нее нет мужа? Нет защиты? Почему мужчины считают одиноких женщин доступными. Такое предложение ей уже делали, и не раз. Она отшучивалась. А что делать с директором? Он не шутил. Ей и раньше рассказывали, что директор не паинька. Он изнасиловал ученицу в своем же кабинете. Напугал ее, сказав, что она не получит диплом, если будет сопротивляться. Заставил ее раздеться, цинично наблюдая, как девочка, раздеваясь, вся трясется и сделал с ней все, что ему хотелось. Все прошло для него безнаказанно. Девочки жили в общности. Многие были из неблагополучных семей. У большинства не было отцов, а если и были, то безответные алкоголики. Жаловаться было некому. Как только у директора появлялось скотское желание, он вызывал девочку с уроков. Это могло быть и на первом уроке, и на последнем, и после уроков. Учителя догадывались, но молчали. Девочка тоже молчала, а вскоре она ему надоела. На смену ей появилась другая. Директор приходил на уроки физкультуры и оценивающим взглядом рассматривал девочек. Затем вызывал жертву к себе в кабинет и делал с ней все, что хотелось его животной натуре. Аснат расска-

зывали о директоре и предупреждали, чтобы она была осторожной. Да, Аснат очень хотелось близости с мужчиной, но не просто секса. Она не хотела быть чьей-то любовницей. Она хотела встретить любимого мужчину, чтобы он был ей защитой, опорой, другом. Она поняла, что должна уйти с работы. Ушла, а что дальше делать, не знала. Решение пришло само собой. Войдя в дом покойного мужа одна, без детей, она с порога объявила, что решила с детьми уехать в Израиль. Там, в Израиле, живет ее дочь Соня с мужем, там уже отслужил армию Игорь.

— Ты хоть понимаешь, что делаешь? Ну как ты будешь с двумя детьми? О чем ты думаешь? Кто тебя там ждет?

— Ничего, я не пропаду. Б-г поможет. Только мне надо Аню удочерить. Я все оформлю и уеду. А потом и мои родители приедут.

— Оставь девочку нам, она же тебе не родная.

— Нет. Я же ее воспитываю, я люблю ее. Не меньше Сонечки.

— Ну, как знаешь. Аснат подала заявление об уходе из училища и пошла на курсы парикмахеров. Закончила курсы, специализируясь на мужских прическах, оформила все документы и получила разрешение на репатриацию в Израиль. Осталось только уложить вещи и собраться в дорогу. Багажа почти не было. Несколько сумок и все. Через пару дней можно уезжать. Неожиданно вечером ей позвонил Аслан, тот самый кабардинец, с которым ее разлучили родители, когда они вместе учились в музыкальном училище и очень друг другу нравились. Он просил о срочной встрече.

— Что случилось, Аслан?

— При встрече я все скажу. Они встретились. Аслан повел ее в парк и усадил на скамейку, на ту же самую, где они не раз сидели в те далекие годы. Аслан говорил, что и сейчас ее любит, и что зря они не уехали из города вместе. Все эти годы он следил за ее жизнью издалека, но когда услышал, что она собирается уехать в Израиль, решил позвонить и встретиться.

— Какие мы были глупые. Как мы могли позволить так глупо распорядиться нашей жизнью? — тихо сказал Аслан.

— Нас бы не поняли. И что мы, два студента, могли сделать.

— Глупости. Я долго не мог забыть тебя, забыть свое первое увлечение. Я только недавно женился. У меня ребенок. Аснат, моя девочка родилась с врожденным пороком сердца. Ей необходима операция. Я знаю, что в Израиле прекрасная медицина и принес тебе историю

болезни. Помоги нам. У тебя там дочь, пошли ей медицинское заключение.

— Конечно, Аслан. Я сама на днях уезжаю. Как приеду, я все узнаю и тебе сообщу.

— Вот мой телефон. А тебе желаю там обрести счастье. Я буду рад за тебя. Ты очень хорошая. Да, кстати, директора училища, в котором ты работала, парализовало. Ты об этом слышала? Аснат помолчала и сказала: «Нет, я не слышала. Я не рада этому, но за все в этой жизни надо платить. Нет, нет, поверь, я не рада. Мне жаль его, жаль его жену и детей, но он это заслужил».

— Счастливой дороги тебе.

— Спасибо, не знаю, как я там справлюсь. С детьми, без помощи... Но ничего, Б-г поможет.

ГЛАВА 5

Настал день отъезда. Простившись с родными, Аснат автобусом добралась с детьми до Новороссийска. В порту их и таких же, как они, «искателей счастья» ждал теплоход. Это был бывший военный корабль, который предоставили шведскому пастору, чтобы он совместно с другими волонтерами смог организовать акцию «Операция Жаботинского». Они, христиане, помогали евреям уехать на историческую родину. Евреи плыли на этом теплоходе в Хайфу, израильский портовый город, абсолютно без оплаты и могли взять груз, гораздо больше, чем разрешалось брать на самолет. Волонтеры говорили, что эта помощь угодное Б-гу дело. 90-е годы. Шла война в Грозном, многие бежали и от войны, и от беспредела. А власти было не до этих людей. Страшно вспомнить, что было в те годы. К соседям в пять утра в дом ворвались в масках, забрали мужчин, ограбили и увезли в неизвестном направлении. Дома продать было почти невозможно. Приходили и говорили: «Вот вам деньги, уезжайте». И люди уезжали, уезжали со слезами на глазах. А те, кто вселялся в еврейские дома, говорили, что по ночам они слышали стоны и не могли спать. И правда, старики говорили, что с евреями уходил берекет, то есть благословение. Аснат и детей встретили в Хайфе Соня и Аркадий. К этому времени Соня родила. Назвали малыша Ариэлем, что в переводе на русский означает Лев. Соня просила маму поехать в Иерусалим, но она отказалась. Аснат

решила уехать в Сдерот. Город Сдерот, маленький городок на юге Израиля. Там живет много людей из ее общины. Все друг друга знают. Люди приезжают в этот городок из разных мест. В одном городе оказались представители из разных городов мира. Как объединить всех в одну общину? Как сделать так, чтобы не было делений на кубинских, дербентских, бакинских, нальчикских, марокканских, йеменских, иранских, ашкеназских евреев? Что делать, если люди не хотят, чтобы их поглотили, перемололи в одном котле, не хотят потерять свою идентичность? А может и лучше, чтобы они растворились до конца? Надо что-то делать. А надо ли? Жизнь со временем свяжет молодых и пожилых, состоятельных и бедных, религиозных и не религиозных, в один клубок. Так всегда было у евреев. Была ответственность каждого за всех. Всегда помогали религия, история, образ жизни. Надо сохранить общинные связи, сохранить все лучшее, избавляясь от того, что мешает в настоящее время. Нужен титанический труд и общие усилия, направленные на объединение. Для этого нужны лидеры. Аснат со временем обратила внимание, что менялись традиции, менялся взгляд на семью, на жизнь. Многие девушки получали профессию, работали и чувствовали себя уверенными в себе. Это были уже другие девушки. Их насильно уже не отдашь замуж. Они слушали родителей, а поступали по-своему, делали ошибки, но это были их ошибки, их выбор. Жизнь шла своим чередом. Аснат понимала, что нелегко, но была надежда, надежда на лучшую жизнь. Надежда умирает последней. Она приступила к учебе на курсах иврита и нашла работу в парикмахерской. Но спокойной жизни не было. В городе рвались ракеты со стороны Газы. Что палестинцам надо? Чем евреи мешают арабам? Почему бы им не жить в мире? Аснат ночами думала об этом, но так ничего и не придумала. В парикмахерской тоже обсуждались эти вопросы, но ответа не было ни у кого. Все понимали, что простым людям нужен мир, а войны хотят лидеры. Было непонятно, как мать может послать своего ребенка взрывать, убивая и себя, и других. А именно это и делали палестинские женщины. Это ужасно и непонятно. Бурную беседу в парикмахерской прервал крепкий мужчина, который решительно подошел прямо к Аснат.

— Вы свободны? — спросил он ее.

— Да. Садитесь, пожалуйста, в кресло.

— Вы откуда приехали в Израиль? — поинтересовался этот человек, внимательно посмотрев на Аснат.

— С Северного Кавказа. Я горская еврейка.

— А Вы не похожи. Вы светлая. Он был доволен ее работой и дал ей хорошие чаевые. Мужчина вышел, а у Аснат что-то екнуло в душе. Она никогда не испытывала таких чувств ни к одному мужчине. А ведь она о нем ничего не знала. Не знала, как его зовут, женат ли он. «Все, — сказала себе Аснат. — Надо о нем забыть». Но пришла ночь, и она опять стала думать о нем. Господи, да что это за наваждение. Ей так хотелось мужской ласки... Она представила, как он ее целует, ласкает. В голову лезли непристойные сцены. Нет, нет, что с ней? Может быть, ей надо обратиться к психиатру? У нее дети, ей о них надо думать. Все, тема закрыта. Но не тут-то было. Днем нормально, а как только ложилась спать, опять эти сцены. Не могла долго уснуть. «А может и в моей жизни после тьмы наступит свет? Только не падать духом». Конечно, в ее короткой жизни пришлось пережить много горечи, трудностей. Годы летят. «Надо молиться», — подумала Аснат. И она молилась. Она не будет жаловаться, ни людям, ни Всевышнему. Надо молиться. Она отправилась в поисках лучшей жизни в Израиль, но и здесь остро чувствовала одиночество, то самое, от которого бежала. Аснат часто думала по ночам, что же она упустила в своей жизни. Любовь. В ее жизни не было любви, была одна суета, но была и надежда. Она молилась. Каждую пятницу, в шаббат, она зажигала свечи и просила Всевышнего дать ей силы, просила за своих детей. Аснат выключила телевизор, легла и уснула. Утром жизнь продолжилась. Но какая жизнь? Жизнь или смерть? В шесть часов утра раздалась сирена. Палестинцы из Газы посылали ракеты. Аснат схватила детей и побежала в бомбоубежище. В доме была пристроена комната, которая использовалась именно в этом качестве. Все мысли о личной жизни мигом улетучились. Надо выжить, надо спасти детей. Она уехала от беспредела, а попала в другую, не менее суровую обстановку.

Руслан, как и большинство детей Сдерота, стал жертвой психологической травмы, причиненной ракетными обстрелами. Мальчик был в постоянном напряжении, появились и другие медицинские проблемы. Его нужно было срочно отвести к врачу, чтобы посоветоваться, как себя с ним вести. Аснат записалась на прием, и они с Русланом

пошли в медицинский офис. Когда она вошла в кабинет к врачу, то просто застыла. Врач, Михаил Самуилович, был тот самый ее клиент. Он тоже ее узнал. Встал, предложил им сесть. Внимательно выслушал.

— Да, надо помочь ребенку. Приводите его на беседы.

Она стала каждый день приводить ребенка к доктору. Обычно это был конец его смены, и доктор мог говорить с Аснат спокойно и долго. Ей хотелось с ним говорить, и она рассказала все о своей жизни. Михаил внимательно ее слушал. В его глазах было понимание и сочувствие, но молодой женщине этого было мало. Ей хотелось любви. Она совсем забыла, как замечательно спать в объятиях любимого мужчины. Забыла? Нет, она и не знала этого. Каждой клеточкой своего тела она тянулась к Михаилу. Эти ощущения были ей незнакомы. Аснат понимала, что необходимо взять себя в руки. Нужно сосредоточиться на детях. Но справиться с собой было нелегко. Прошло время. Михаил рассказал ей, что был женат, что у него растет сын, что жена и сын остались в России, а он решил приехать в Израиль один.

— Почему? - тихо спросила Аснат, — Вы ее разлюбили?

— Сказать честно?

— Да, конечно.

— У меня депрессия...

— Знаете, я ничего не поняла. Что это? Болезнь какая-то? И ее лечить нельзя?

— Глупенькая, как ты далека от всего. Б-г мой! С какой планеты ты появилась на нашей земле? Ты не смотришь телевидение? Сейчас только про это и говорят.

— Редко смотрю, мне некогда. Работа, дети...

Она пришла домой и долго думала о разговоре с доктором. Ничего не поняла, а спросить было не у кого, да и не хотелось. Никто бы ее не понял. Здесь тоже любили сплетни. Судьбы никого не интересовали, а вот посплетничать — только дай возможность. Повезти ребенка в ближайшее время к врачу не удалось, потому что из Иерусалима позвонила Соня и попросила ее приехать.

— Что случилось?

— Все нормально, не волнуйся. Я пригласила в Израиль мою школьную учительницу. Помнишь, она мне помогла уехать в Москву. Я купила ей туристическую путевку. Хочу показать ей нашу страну, повезти ее повсюду и, конечно, по христианским местам. Учительница

Мария Ивановна приехала в Израиль. На встречу с ней собрались ее бывшие ученики со всей страны. Это был вечер воспоминаний. Так было здорово. Затем Мария Ивановна поехала знакомиться с Израилем по путевке, которую ей купили ее бывшие ученики. Святые места в ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Их было много. Три основные монотеистические религии — иудаизм, христианство, ислам все здесь, в этой маленькой стране. Своими истоками они неразрывно связаны с Израилем. Для многих сотен миллионов верующих евреев, христиан и мусульман во всем мире эта страна считается Святой Землей. На территории Израиля сосредоточено больше сооружений, вещественных памятников и отдельных местностей, которые рассматриваются приверженцами этих религий в качестве святых мест, чем в какой-либо другой стране. Святость Земли Израиля для христианства неоспорима, ведь здесь прошла земная жизнь Иисуса, здесь совершались все его деяния. Соответственно новозаветному рассказу об основных вехах земного пути Иисуса расположены и важнейшие христианские святые места в Эрец-Исраэль. Здесь церковь Рождества в Бет-Лехеме (Вифлееме), воздвигнутая на предполагаемом месте рождения Иисуса, и церковь Гроба господня в Иерусалиме на Голгофе, той горе, на вершине которой, согласно христианским Евангелиям, Иисус был распят.

Но это была еврейская земля, не раз политая кровью. Читаем Тору. Там записано, что евреи будут рассеяны по свету, будут ненавидимы, преследуемы, изгоняемы из страны в страну. «...И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли до края земли... Но и между этими народами не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей. И Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаивание очей и изнывание души...». «...Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей... И будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов, к которым отведет тебя Господь» (Вт.28:64—66 и ст. 37). А пока земля израильская, некогда плодородная, станет пустынею. «А вас рассею между народами... и будет земля ваша пуста, а города разрушены. Тогда удовлетворит себя земля за субботы свои, за все дни запустения своего; когда вы будете в земле врагов ваших» (Лев.26:33,34). (3) Они перенесут все трудности и переживут своих гонителей. «...долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы... После этого обратятся сыны Израилевы» (Ос.3:4,5) И со-

беру вас из всех стран и приведу вас в землю вашу» (Иез.36:22—24) Я спасу тебя из далекой страны, и племя твое из земли пленения их, и возвратится Иаков» (Иер.30:7—10). Путешествуя по Израилю понимаешь, что пророчества о будущем евреев исполнились только в двадцатом веке. Мария Ивановна посетила эту удивительную страну и каждый раз благодарила судьбу, своих еврейских учеников за то, что она получила возможность посетить все эти святые места. Ее поража-ло все. Удивительно, как сумели эти люди сделать из пустыни и болот райский сад. Она увидела всю страну, маленькую, но такую прекрас-ную. Мария Ивановна полюбила Израиль всей душой и уехала домой, переполненная впечатлениями. Вскоре, по просьбе матери, Соня с мужем пригласили Аслана с больным ребенком. Помогли ему по-казать девочку лучшим врачам. Малышку положили на обследование и лечение. Аслана поразила детская клиника, которая была похожа на игровую площадку. Дети в клинике не испытывали страха перед врачами и медсестрами. Среди медицинского персонала было много русскоговорящих. Они приехали из разных городов бывшего СССР, адаптировались, работали. Еще поразило Аслана то, что в клинике лечились палестинские дети. Вчера привезли в больницу трехлетнюю девочку из Сирии. Там идет гражданская война. Девочку-арабку ра-нили. Ее спасли в израильской больнице, с ней были родители. Дочке Аслана сделали операцию на сердце. Ребенок пошел на поправку. Да, дети это единственное, что объединяет людей, и не имеет значения какой ты веры, цвета кожи, национальности. Надо же, Аслан понял это только в Израиле. «Как много мы потеряли», — думал Аслан. «Мы все многого лишились из-за того, что евреи уехали из нашей страны». Аслан обращался за помощью к черкесам и в Германии, и в Турции, а вот евреи сразу откликнулись на его просьбу и помогли по-настоящему. Правда, лечение стоило очень дорого. Но им помогли родственники. Аслан позвонил Аснат, что операция прошла успешно, и скоро они уедут домой. Аснат приехала их проводить.

— Аснат, ты нам так помогла, спасибо тебе. Приезжай, мы тебя примем, как дорогого человека.

— С Б-гом. Может и приеду. Ведь там могилы, родственники и друзья. Я очень тоскую по родным местам, по горам, воздуху, парку. Аснат переночевала у дочери. Они долго говорили, как две подруги. Она решила поговорить с дочерью о Михаиле.

— Сонечка, я хочу тебя кое о чем спросить. Только не смейся надо мной и не осуждай. Я познакомилась с очень хорошим человеком, но он болен.

— Чем болен, мама? Может ему приехать в Иерусалим на консультацию?

— Он сказал, что у него депрессия... Что это такое? Это болезнь? Соня обняла маму и мягко сказала: «Да. Ты права. Я тоже считаю, что это болезнь. Может быть, он тебе сам объяснит, что это за болезнь, но я думаю, что он тебе не нужен». Аснат вернулась с детьми домой, и жизнь ее опять была наполнена суетой. Работа, дом. Летели дни, только пройдет среда, и недели нет. Так и жизнь. Она летит. Однажды вечером Михаил позвонил и попросил ее прийти к нему домой. Она, конечно, пошла. Оказалось, что во время обстрела города ракета попала в его дом, и он был ранен в ногу. Пока ходить он самостоятельно не мог, и попросил ее о помощи.

— Я, Аснат, тебе заплачу, мне очень нужна твоя помощь. Надо убрать, постирать... Я стал калекой. Не знаю надолго ли это.

— Конечно, я помогу. Прошло время. Они много говорили на разные темы. О его болезни Аснат не заикалась. Если захочет, сам расскажет. Постепенно они стали привыкать друг к другу.

— Помнишь, я тебе говорил, что у меня депрессия. А может ее и нет. Только я последнее время не могу жить с женщиной, но об этом никто не знает. Естественно, я это не афиширую. Аснат, мы же друзья, я прошу не говорить об этом никому. Прошу тебя. Я ушел с головой в работу, но я так одиноко себя чувствую. Наконец-то Аснат поняла, чем Михаил болен. Все это не по-человечески. Видно и вправду скоро конец света. Почему нельзя преодолеть себя? Она не могла понять. Но помочь ему она обязана. По-человечески обязана, к тому же, он продолжал ей нравиться как мужчина. Аснат стала приходить к нему в свое свободное время. Брала детей с собой. Он просил приводить их почаще. Дети стали привыкать к нему. Михаил очень любил детей, тосковал по своему сыну. Но сын был далеко, в Москве. Жена его вышла замуж. У нее была своя жизнь. Сын тоже был уже взрослый, окончил медицинский институт и работал в больнице. Иногда он звонил отцу. Аснат, конечно, денег за помощь у Михаила не брала. И что-то надо делать со своими чувствами. Ей он нравился. Ее страхи, тревоги и гордость воздвигли стену между ней и этим привлекательным

мужчиной. Как-то ему надо было помочь выкупаться в ванне. Зайти в нее, он зашел, а выйти уже не смог. Позвал Аснат, позвал тихо, но она услышала, прибежала. Он стоял перед ней и был прекрасен своей мужской красотой. Ей удалось собрать всю свою волю в кулак, чтобы не показать, что она чувствует. Они оба покраснели, смутились, но Аснат взяла себя в руки, помогла Михаилу дойти до кровати. Уложила и все приговаривала:

— Не волнуйтесь, все будет хорошо.

— Нам пора перейти на ты. Мне очень плохо, я не хочу жить. Там в моем столе бумага, заверенная нотариусом. Если я умру, я разрешаю использовать мои органы.

— Перестань, Михаил. Не говори так, мне больно слушать. Я твой друг, я тебе помогу. Я ведь не прошу у тебя ничего, только борись и все будет хорошо. Я тебя люблю. Я никого так в этой жизни не любила. Со мной это в первый раз. Мне все дорого в тебе. Я люблю слушать тебя, смотреть на тебя, дотрагиваться до тебя. Я знаю, что сейчас тебе очень больно, что ты сходишь с ума от депрессии. Тебе кажется, что нет конца безысходности. Жизнь любого человека полна проблем, и каждый думает, что его проблемы не преодолимы. Не иди за бедой. Наши мудрецы говорили: «Кто следует за бедой, за тем следует беда». Все будет хорошо. Поверь мне. Сегодня пятница, я все приготовила. Мы зажжем свечи и попросим Всевышнего помочь нам все беды преодолеть. Не отчаивайся. Все будет хорошо. Она и не заметила, как перешла на с Михаилом на ты.

— Б-г мой! За что Всевышний послал мне тебя? Ты святая женщина!

— Нет, я не святая. Я просто человек, женщина, которая, несмотря на свои годы, пережила очень многое. У меня тоже есть тайна. Я поделюсь с тобой. Мои дети не биологические. Одного я взяла в роддоме, а девочка — дочь моего мужа от другой женщины, с которой он жил, когда считался моим мужем. Их зверски убили, а дети чудом остались живы. Сколько слез пролила я ночами. Миша, я их очень люблю. Это мои дети. А в личной жизни я все жду чуда. Я хочу красивой любви. Хочу встретить верного, надежного друга. И я верю, что мой день придет.

— Дай Б-г! Ты заслуживаешь счастья. Аснат шла домой и думала, почему ей так не везет с мужчинами. Ответа на этот вопрос у нее не было. Почему ей рвут душу? Как справиться ей с этим?

ГЛАВА 6

Прошло время. Аснат понимала, что с Анечкой у нее в Израиле будут сложности. Мама у нее по документам русская. К тому же девочка подрастала и явно не была похожа на еврейку, хотя отец ее был евреем. Белокурая, с голубыми глазами, очень красивая девочка. Аснат не хотела, чтобы у нее появились проблемы. Она не могла понять, почему в такой прекрасной стране, как Израиль, религия накладывает большие ограничения, но, с другой стороны, она четко сознавала, что для большинства евреев религия — это образ жизни. Аснат подумала, что она должна уехать из маленького городка. Ей хотелось вырваться из этого уже второго в ее жизни замкнутого круга, хотя прекрасно понимала, что от себя не уедешь. К тому же, ей больно было видеть Михаила. Она понимала, что с ним у нее нет будущего, а годы уходят, нет, не уходят, а улетают. Аснат решила уехать в Канаду. Опять переезд, как это тяжело все начинать с чистого листа. Перед отъездом она пришла к Михаилу попрощаться. Ей трудно было подобрать слова. Как сказать ему, что она полюбила его всей душой. Да и он смотрел на нее не так как обычно.

— А может быть, ты не поедешь? Мне будет плохо без тебя. «Так обними, прижми к себе», - думала женщина. Но... Аснат сначала решила поехать домой на Кавказ, чтобы провести родных, друзей, пойти на кладбище. Приехав в родной город, она сразу же взяла детей и повела их на кладбище. Заросшее травой, оно производило жуткое впечатление. Немного легче стало, когда зажгли свечи на могиле ее мужа и его гражданской жены. Аснат помолилась, пожелала, чтобы их души были спокойны за детей. Анечка стояла, смотрела на их фотографии и плакала. Она была очень похожа на свою маму. Вечером Аня села рядом с Аснат и сказала: «Мама Аснат, я хочу с тобой поговорить. Только ты не обижайся на меня. Я не хочу ехать с тобой в Канаду. Я останусь с бабушкой и дедушкой, с дядей. Ну а если здесь мне будет плохо, я поеду в Израиль. Ведь там мои братья Игорь и Руслан, моя сестра Соня. Меня тянет больше в Израиль, но пока я хочу побыть здесь. Ты только не обижайся, я тебя люблю». - Анечка, родная моя девочка. Поступай, как считаешь нужным, но знай, всегда ты можешь вернуться ко мне. Мое сердце открыто для тебя.

- Мама, скажи честно, почему ты решила выехать из Израиля?
- Честно? Скажу. Я боюсь за Руслана. Его скоро должны призвать в армию, а я не хочу рисковать.
- Но Игорь же отслужил, да еще и остался в армии.
- Аня, у каждого своя судьба, но я очень боюсь. В Израиле всегда будет напряженная обстановка. Страна в окружении врагов. Там не будет мира. Аснат уехала с Русланом, а Аня осталась у дяди.

ГЛАВА 7

Аснат уехала в Торонто. Сняла квартиру, устроилась на какую-то работу, Руслана определила в школу. Она знала, чтобы получить право на проживание в этой стране, нужно было заключить с кем-то фиктивный брак. Надо найти канадца и заплатить ему. Но кому? Стала искать подходящую кандидатуру. Ее познакомили с мужчиной. Фарид был вдовцом, его жена умерла от рака. Остался сын. Он не хотел снова жениться. Аснат не знала, что ей делать. Кроме всех имевшихся сложностей было еще одно «но» — Фарид не был евреем. Ну и что? Ей же не жить с ним, ей надо только оформить фиктивный брак. Получить документы, право на проживание и «до свидания». Но мы предполагаем, а Б-г располагает. Аснат изредка встречалась с Фаридом. Он был лет на 10 старше ее. Чувств у нее он не вызывал, но уважение было. С Фаридом можно было посоветоваться, он был основательным человеком. И хотя Фарид был выходцем из Ирана, мусульманином, но это им совсем не мешало общаться. Аснат снова отправилась на поиски работы. Зашла в одну парикмахерскую. Хозяин пригласил ее в свой кабинет. Глазами он ее раздевал, она кожей чувствовала его взгляд, но он и церемонится не стал, открыто сказал о своем условии. Ему нужна не только мастер, но и любовница. Она посмотрела ему в глаза и сказала свое «нет». Вышла вся красная. Господи, ну почему ей так не везет? Почему ей попадаются именно такие мужчины? Вечером зашел Фарид, ее фиктивный муж.

— Что случилось, Аснат? Почему у тебя красные глаза, ты плакала?

— Да, у меня сегодня очень плохой день. Она рассказала о разговоре с хозяином парикмахерской.

— Вот идиот! Он что не видел, с кем разговаривал?

— Фарид, скажите честно, что я произвожу впечатление доступной женщины?

— Нет, конечно! О чем ты говоришь? Просто, ты красивая женщина. Не волнуйся, я помогу тебе найти работу. Здесь много салонов, у меня есть знакомые. Они иранцы, мне они помогут. Я им скажу, что ты моя женщина, если ты, конечно, мне разрешишь так сказать. А вообще, Аснат, я был бы счастлив, если ты станешь по-настоящему моей. Иногда мне кажется, что я давно тебя знаю, и что ты мне послана Б-гом. У нас много общего в образе жизни. Язык, отношение к жизни, блюда. Я понимаю, что ты меня не любишь. А может, полюбишь? Твой Руслан будет мне сыном, я тебе обещаю. Подумай. Я не буду давить на тебя. То, что у нас религии разные, это не важно. Надо уважать друг друга и все.

— Я подумаю, — тихо промолвила Аснат. Всю ночь она думала, что ей ответить Фариду. Как жить дальше? Быть и дальше одной с ребенком? Она понимала, что Руслану нужно мужское воспитание, а ей мужчина. Как ей тоскливо быть одной. Она боялась родителей. Что они скажут? Но ведь это ее жизнь. Утром позвонил из Израиля Михаил.

— Аснат, как ты? Я так тоскую по тебе. Ты мне нужна. Как я мог тебя упустить? Не знаю, что со мной творится. Можно я приеду к тебе, и мы будем вместе?

— Поздно, Миша. Я решила ответить положительно мужчине, который мне здесь помогает.

— Ты его любишь?

— Нет, но он надежный. Я полюбила тебя. Несмотря на свою гордость, я сказала тебе об этом, а ты мне отказал. Я уехала, чтобы тебя не видеть. Все. Поздно об этом говорить.

— Да, я дурак. Потерял свое счастье, которое мне судьба посылало. Какой же я идиот. Будь счастлива. Ты достойна счастья.

— Где же это счастье?

ГЛАВА 8

Пока Аснат думала, что ответить Фариду, подошел Руслан.

— Мама, я хочу с тобой поговорить. Я уезжаю в Израиль. Там мои братья, сестра, и я чувствую, что там мне все ближе, все родное. Я не хочу здесь жить. Мне все здесь чужое.

— А как же армия?

— Ну и что? Я не боюсь армии. Mamочка, отпусти меня. Я тебя очень люблю. Я знаю, что ты спасла меня в родильном доме. Я все знаю. Мне все рассказали. Я не хочу знать, кто мои биологические родители. Ты моя родная, любимая. Я тебя боготворю. Отпусти меня. Аснат тихо плакала, обняв сына. Это были близкие, родные люди.

— Хорошо. Уезжай. Я ради тебя приехала в Канаду. Наверное, и я уеду назад. Ты знаешь, что Фарид сделал мне предложение. Я не знаю, что ему ответить.

— Мама, ты его не любишь, не сделай ошибку.

— Господи, ты же еще ребенок, а так по-взрослому рассуждаешь. Аснат проводила Руслана в Иерусалим. Он пошел учиться. У него была мечта после армии пойти в медицинский, чтобы стать врачом. Он созвонился с Михаилом. Ему хотелось посоветоваться, а если честно, он хотел дать знать Михаилу, что мама продолжает его любить. Руслану так хотелось, чтобы его мамочка была счастлива. Михаил сразу приехал в Иерусалим, и они очень долго и откровенно говорили. Михаил удивлялся тому, как зрело рассуждает этот мальчик. На следующий день Михаил вылетел в Торонто. Постучался в дверь. Сердце его билось так, будто рвалось наружу. Дверь открылась, Аснат застыла в дверях.

— Можно войти?

— Да, конечно.

— Аснат, я люблю тебя, я пропаду без тебя. Спасай меня. Поехали домой. Они проговорили всю ночь, а утром Аснат позвонила Фариду. Все объяснила, поблагодарила за все, а через несколько дней они с Михаилом улетели домой. Их дом в Израиле.

Как у них все сложится, один Б-г знает.

2015

Хочется поделиться с Вами, дорогие читатели, теплыми словами, которыми отозвался о моей повести «Перечеркни прошлое и иди» мой многолетний соратник по работе в еврейских общественных организациях Михаил Немировский, Директор отдела JCRC по работе с русскоговорящей еврейской общиной Нью-Йорка.

ЛЮДИ, И ЭТО ВСЕ О НАС...

(Об авторе и его книге)

Светлану Данилову как повествующего человека — писателя можно всегда отличить по совершенно понятной для читателя и близкой ему по внутреннему мироощущению манере изложения. Особенно это ощущают читатели, которые знакомы со Светланой Ароновной лично на протяжении многих лет, пересекаясь в различных сферах деятельности. Мне повезло. Я, читая, написанные ею за многие годы статьи и книги, знаю, что она ни разу не сфальшивила, что каждая строчка, пропущенная Светланой через свое сердце, абсолютно правдива. Знаю потому, что мы более четверти века — соратники по современному еврейскому движению. По ней мы измеряли нашу ответственность за дело, за поступки и слова... Ее литературное творчество «грешит» простотой изложения, незамысловатым сюжетом, в котором каждый, кто коснется ее повестей и новелл, найдет трогательный за душу мотив. Я помню, как с удовольствием прочитал книгу «Разорванный круг», изданную в Америке в 2012 году. Как эта книга ввела меня в неизведанный доселе мир горско-еврейского быта на Кавказе, как я ощутил точки соприкосновения моей жизни ашкеназского еврея с уникальной культурой моих братьев. Точно такое же чувство я испытал, когда Светлана дала мне в руки свое новое произведение «ПЕРЕЧЕРКНИ ПРОШЛОЕ И ИДИ». Я читал его и видел перед собой не героев повести Светланы Даниловой, а своих родителей, брата, родственников, школьных и институтских друзей и подруг, евреев и неевреев, которые попадали в точно такие же водовороты судьбы, как и герои повести. Так уж случилось на белом свете, что в конце 20-го — начале 21-го веков нам, евреям из б. СССР пришлось в массе своей испытать такие водовороты судьбы, что мы оказались в 50 странах мира, и у каждого

есть своя трагедийная история выживания. Вот и герои С. Даниловой типичны по истории своей жизни, но в каждом из них есть своя изюминка. Я читал повесть и чувствовал оптимизм автора, который живет ощущением того, что ее герои Аснат, Соня, Аркадий Гуревич, Аслан пройдут через любые жизненные испытания и в новой жизни будут счастливы. Светлана в это верит и призывает читателя верить вместе с ней.

*Михаил Немировский. Журналист и общественный деятель
Нью-Йорк. 2016*

3. ОЧЕРКИ

*Мы все умрем, людей бессмертных нет,
И это все известно и не ново.*

*Но мы живем, чтобы оставить след:
Дом иль тропинку, дерево иль слово.*

Расул Гамзатов

В течение многих лет я публиковала очерки и статьи на злободневные и особенно волнующие меня темы на страницах журналов и газет. Некоторые из них я предлагаю вашему вниманию.

ПОРТРЕТ НАДЕЖДЫ

Портрет горско-еврейской девушки.

М. В. Алехин. Начало XX века.

Бабушка С. Даниловой — Надежда Гилядова

В моем семейном фотоархиве имеется фотография картины известного русского художника М. В. Алехина «Портрет горско-еврейской девушки». Картина находится в Государственном музее Кабардино-Балкарии.

История создания этой картины тесно переплетена с историей моей семьи. В слободе Нальчик художник Алехин подружился с просветителем горских евреев, моим дедушкой Камуилом Гилядовым.

Алехин преподавал рисование и черчение в школе, где, в основном, учились дети горских евреев. Внимание художника привлекли выразительные и многообразные типы горских евреев.

Портрет «Горско-еврейская девушка» имеет не только художественную, но и этнографическую ценность. Позировала художнику моя бабушка Надежда Ифраимова. Ее родители были достаточно богаты, имели большой магазин и двухэтажный дом. Каждую пятницу на шаббат они раздавали хлеб и мясо бедным евреям. Надежда окончила гимназию. Ей было всего шестнадцать, когда художник писал ее портрет. Позднее М. Алехин вспоминал: «Редкая благородная красота поразила сразу. На меня широко смотрели библейские глаза. Нигде раньше я не видел таких умных, ярких, красивых глаз, которые проникали в душу. Внешность Надежды напоминала мне лермонтовскую Бэлу».

Художник Митрофан Васильевич Алехин

Особенно привлекательными выглядят на картине украшения девушки — мониста и пояс. Они из чистого золота. Позже, выйдя замуж за учителя, она вынуждена была все это продать ради того, чтобы вырастить и выучить шестерых детей. Один из них погиб в начале войны, четверо умерли в Нальчике, одна дочь Надежды живет в США, да и мы, внуки ее, уже почти все в США.

Недавно в Интернете я увидела эту фотографию и прочитала статью искусствоведа Ольги Нидогарко из украинского г. Сумы о художнике М. В. Алехине. завязалась переписка. Ольга прислала мне письмо: *«У меня есть слайды картины, на которой изображена Ваша бабушка. Я их делала сама в Нальчике еще в 1990-м году. Сложность теперь в том, что они размером 6 мм * 6 мм, а техника для сканирования сейчас рассчитана на узкую пленку, да и она вытесняется цифровыми изображениями. Но я как-то буду решать эти сложности с помощью родственников».*

В Лос-Анджелесе долго жила моя кузина, а теперь она переехала поближе к своей маме — в Петалуму. Брат моей бабушки

жил в Санта Росе. Он эмигрировал в Канаду, как родившийся в той стране, еще в 1934 году, затем переехал в США. Была у меня еще одна статья о М.В. Алехине к его юбилею. Не знаю, видели ли Вы на другом сайте портрет своей бабушки, сейчас дам Вам ссылку на этот сайт, а лучше — прикрепляю и шлю вам файл. Там еще есть одна картина, о которой автор ничего не написал. Помнится, она была на экспертизе для аукциона несколько лет тому назад. А та фотография картины Алехина, которую Вы увидели на моем сайте, была в Вашей семье? Если «Да», то датирована ли она? У меня есть семейная фотография примерно этого периода. Чувствую, что Вы меня вдохновили поскорее издать об Алехине все, что я так долго собирала. Случайных встреч не бывает! Всего доброго Вам! Ольга.»

Творчество М.В. Алехина меня необычайно заинтересовало. Кстати, я узнала, что он написал еще один портрет горского еврея и назвал свое произведение «Горец». Портрет был продан в 1907 году, дальнейшая судьба его, к сожалению, неизвестна.

Работая над материалом о художнике, я натолкнулась на статью «Все начиналось с уроков рисования», написанную Арнольдом Баскаевым в Нальчике. Привожу Вам ее текст, дорогие читатели:

«Кабардино-Балкарское профессиональное изобразительное искусство получило сегодня признание далеко за пределами республики. Его лучшие представители известны и за рубежом. Несмотря на то, что оно довольно молодо (возникло в конце XIX века) по сравнению с художественным творчеством других народов Кавказа, исповедующих христианство (абхазы, осетины, грузины, армяне и другие). В том, что оно пустило ростки в нашем крае и получило дальнейшее развитие, большая заслуга Митрофана Васильевича Алехина, художника-толстовца, высланного в слободу Нальчик в 1895 году.

Происходил М. Алехин из богатого дворянского рода, но ему оказались близкими народовольческие взгляды. Под их влиянием он раздал своим крестьянам имение, оставшееся от отца. Митрофан Васильевич был человеком с широким кругозором, интеллектуалом. Первоначально стремился реализовать свой творческий потенциал через художественную деятельность. В 1883 году окончил Петербургскую академию художеств с серебряной медалью и получил звание классного художника.

Однако, увлекшись идеями освобождения народа от самодержавного гнета, влился в народовольческое движение, а позже им завладели толстовские идеи. М. Алехин стал профессионально заниматься политикой, и ему не хватало времени на художественное творчество: он очень активно включился в антиправительственную пропаганду, распространение запрещенных цензурой произведений Льва Толстого.

В одном из секретных документов на имя начальника Нальчикского округа, отправленных из канцелярии начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, высказываются опасения по поводу сближения толстовцев с духоборами и пропаганды ими своих идей среди местного населения. Всего на территории Кабардино-Балкарии проживало девять человек — толстовцев, но и они в глазах властей представляли серьезную угрозу, о чем в документе сказано: *«...По имеющимся сведениям, в последнее время замечается усиленное стремление последователей графа Л. Толстого к сближению с закавказскими духоборами, большинство коих приняло весьма вредное социально-политическое учение, сходное в существенных чертах с таковым же ученьем графа Л. Толстого. Сближение это и усиление вредного влияния толстовцев на духоборов достигается, между прочим, через посредство личных отношений ими между собой, именно посещениями первых закавказских духоборов, имея в виду, что слобода Нальчик является одною из значительных толстовских колоний в России...»*

Конечно же, местное население было наслышано о политически неблагонадежных ссыльных. Однако особой возможности заниматься решением идеологических задач у М. Алехина не было.

Именно в Нальчике он, наконец, вплотную занялся художественным творчеством. Его произведения, посвященные нашему краю, стали существенным вкладом в культуру Кабардино-Балкарии. Еще большую роль Алехин сыграл как педагог, приобщив к изобразительному искусству юных жителей республики. Митрофан Васильевич преподавал рисование в нескольких нальчикских школах, а также в Ленинском учебном городке.

В сохранившейся справке, выданной художнику Кабардино-Балкарским областным советом народного просвещения 4 марта 1931 года, сказано, что *«М. В. Алехин с 1918 года состоит преподавателем ручного труда и ИЗО в педагогическом техникуме*

и советско-партийной школе. В 1927—1928 годах читал лекции по рисованию на курсах повышения квалификации учителей-националов. С 1930 года состоит преподавателем графики в школе колхозной молодежи горско-еврейской колонии».

Некоторые ученики М. Алехина избрали для себя профессии, требующие навыков рисования. В общем-то, в те годы и был, очевидно, заложен фундамент, на котором в последующие десятилетия стало развиваться изобразительное искусство в республике».

Так Интернет, художник Алехин и моя бабушка Надежда Ифраимова, связали нас, живущих в разных точках мира. А мне как историку, этнографу и внучке особенно интересны судьбы художника и портрета.

2013

ЖЕНЩИНА ГОР

Прошли года, но хотелось бы вспомнить женщин — горских евреек, которые вошли в золотую страницу нашей истории.

В краеведческом музее Кабардино-Балкарии есть фото, на котором запечатлен праздник города Нальчика на площади в 1936 году. На фотографии солистка ансамбля национальной музыки и танца Кабардино-Балкарии Галина Исакова (Ифраимова). Казалось, она плывет, словно белый лебедь. Занимаясь исследовательской работой в государственном архиве, я нашла страницы из газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», посвященные этому ансамблю. В газете много написано о Галине. Я знала эту уникальную женщину, можно сказать, что она была моей родственницей. Галина Исакова — жена бабушкиного брата. Не раз я общалась с ней. Как-то в беседе Галина мне сказала: «...ты на моих похоронах расскажи о моей жизни». И я выполнила ее просьбу. Я написала о Галине Исаковой в своей книге «Горские евреи КБР», не раз была у нее дома. Воспоминания Галины Львовны мне, историку, были очень интересны. Это была женщина-горянка, раскрепощенная новой эпохой. Она была красивой да из бедной семьи, и ее отдали замуж рано, в богатую семью Ифраимовых. Главным

приданным Галины была ее красота, и за нее родителям девушки дали хороший выкуп. Ифраимовым принадлежал до революции огромный дом на улице Кабардинская, а во дворе был домик для прислуги. Семья не была скупой: в каждый шаббат они отправляли в еврейскую колонку муку и мясо для бедных. Но жизнь сложная штука. Вскоре произошла революция и у них большевики все экспроприировали. От богатства ничего не осталось. Самое страшное, что у Галины умер молодой супруг, и молодая женщина осталась с двумя детьми. Их надо было поднимать. Замуж больше она не вышла. Пошла работать, а вечерами участвовала в художественной самодеятельности. Ей нравилось танцевать кавказские танцы. Говорят, танец, как и песня, это душа народа. В те годы была организована агитационная бригада. Ее участники сами писали пьесы, ставили спектакли, исполняли народные танцы и песни. Сколько было радости, когда они заняли первое место на республиканской олимпиаде. На Галину обратили внимание, предложили ей организовать студию национальных танцев для детей. Галина согласилась, и началась новая страница ее жизни. Она ездила на лошади по аулам, отбирала талантливых детей. Самое сложное было в том, что ей надо было уговорить их родителей отпустить детей в город. А в городе Галина учила ребят не только кавказским танцам, но и умению вести себя, умению красиво ходить, одеваться, есть. Заслуженная артистка Соня Шириева вспоминала: «Галина Львовна как мать заботилась о каждом из нас. Мы дневали и ночевали у нее. Она нас кормила. Годы были голодные. Все мы благодарны ей за материнскую заботу о нас, которую она проявляла в те годы. Она помогла нам сделать первые шаги в искусстве». В 1936 году был выпущен журнал «На стройке МТС», на обложке журнала Галина Львовна, подпись под фото: «Дирижирует ансамблем народных инструментов Ифраимова. Десятки голосов, мужских и женских, высоких и низких, послушны уверенным движениям ее рук». Спрашиваю Галину Львовну: «Где это вы дирижируете?»

— Нас, артистов ансамбля, посылали по заданию обкома партии в разные села республики помогать колхозникам организовывать художественную самодеятельность, — рассказывает Галина Львовна. — Я была направлена в Урванский район, который получил Красное знамя за отличный труд. Из Москвы приехали на праздник представители журнала, фотокорреспонденты. Вот так мы и попали

в журнал «На стройках МТС», весь номер которого полностью был посвящен этому празднику. В 1936 г. вместе с ансамблем Галина Ифраимова участвовала в концерте для делегатов VII съезда Советов в Москве. Легкая, как пушинка, стройная и грациозная, как лебедь, она очаровывала зрителей своим исполнением «лезгинки», «кафы» и других национальных танцев.

— Тысяча девятьсот тридцать шестой год — самый знаменательный для меня, — вспоминала и сама Галина Львовна. — Мы выступали в Москве в Большом театре. В ложе сидели члены нашего правительства. Разве могла я, простая женщина, дочь гор, горская еврейка, представить себе, что буду танцевать на сцене Большого театра? А газеты страны писали в то время: *«...С глубоким волнением и с чувством безграничной радости смотрели мы выступление ансамбля орденоносной Кабардино-Балкарии. Только в стране, где труд стал делом чести, могли родиться такие таланты...»*. *«...Особенно нужно отметить двенадцатилетнего танцора Ульбашева М., мастерский танец которого вызывает искреннее восхищение зрителя...»*. Сердце Галины Львовны переполнялось радостью за себя, за товарищей, за своих воспитанников. 1941 год. Настали тяжелые годы войны. Ифраимова проводила на фронт 16-летнего сына. К счастью, после войны он вернулся домой, как герой. Был награжден орденами и медалями, но здоровье потерял. Годы напряженной работы и тяжелые испытания военных лет подорвали силы Галины Львовны. Она перестала танцевать, но стала передавать свой бесценный опыт молодежи. Со многими людьми я беседовала об этой замечательной женщине. И все, с кем бы я ни говорила, отмечали ее доброту, энергичность, готовность беззаветно служить людям. Ее ученики А. Х. Никаев, Х. Х. Дошуев, С. Т. Тутуков, П. Т. Ашуров, Соня Шириева удостоены званий «Заслуженный артист КБАССР и РСФСР», но Галину Львовну так и не наградили. Я не знаю, по какой причине. Но память об этой удивительной женщине и сегодня жива в нашей общине среди старшего поколения. Ее внуки, правнуки живут сегодня в Израиле.

Я мечтаю, чтобы и наша молодежь знала о Галине Львовне Исаковой (Ифраимовой) — Женщине гор.

1999

Галина Исакова (слева) с секретарём обкома партии Беталом Калмыковым

ОЛЬГА ХАНУКАЕВА — ПОТОМСТВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

Среди моих родных особое место занимает моя тетя — Ольга Камуиловна Ханукаева. Она родная сестра моей мамы, дочь Камуила Исааковича Гилядова, моего дедушки.

Ольга Камуиловна — педагог, заслуженный учитель КБР (Кабардино-Балкарии), всю жизнь проработала в школе № 10 учителем русского языка и литературы. Избиралась депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарии. Ее бывшие ученики давно уже стали бабушками и дедушками. И все, кто у нее учился, с улыбкой вспоминают Ольгу Камуиловну, очень доброго и красивого человека. Родилась она в многодетной семье, была самой младшей. Детство ее быстро закончилось: началась война. Отец Ольги понимал, что молодой красивой девушке нельзя было оставаться в оккупированном городе, поэтому он прятал ее в подвале. Когда изгнали немцев из города Нальчика, Ольга

поступила в педагогический институт на отделение русского языка и литературы, и продолжила дело своего отца, обучая детей. Отец говорил ей: «Делай для своего народа все, что зависит от тебя». И она всегда свято следовала его завету: и тогда, когда работала учителем, и тогда, когда ее избрали депутатом Верховного Совета республики. Школа, в которой преподавала Ольга Камуиловна, была основана ее отцом. Она располагалась в центре компактного проживания горских евреев. Там все знали друг друга — одно поколение сменялось другим. Быть классным руководителем при таких обстоятельствах было не так легко. Ольга Камуиловна была любимой учительницей многих поколений горско-еврейских детей в школе № 10 г. Нальчика. Будучи депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарии, она редко рассказывала что-то о себе, о своих заслугах, зато всегда говорила о своих учениках, о людях, с которыми встречалась и которым смогла помочь. Она была не только депутатом Верховного Совета республики, но и Председателем Ревизионной Комиссии. Представляете, женщина, горская еврейка, — председатель ревизионной комиссии! Будучи Депутатом Ревизионной Комиссии Горкома, ей не раз пришлось проявлять решительность и мужество. Глядя на нее, многие должностные лица — мужчины (министры республики), мило улыбались, думая, что эта красивая женщина не представляет угрозы их «существованию», но вскоре они почувствовали, что перед ними не просто женщина, а человек твердого характера, добросовестный, требующий от каждого выполнения своих обязанностей. На недовольство, которое проявляли некоторые чиновники, она отвечала, что все, что они могут у нее отобрать — это двойки ее учеников, а их она и сама может им подарить.

Ее внуки однажды попросили бабушку рассказать о себе, о своей работе на таком ответственном посту.

«О чем тут рассказывать? — говорила она, — я старалась оправдать доверие своего народа. Просто старалась помочь людям». И это не были красивые слова. Это были дела. Целых 13 лет непрерывной работы...

В архиве О. Ханукаевой хранится статья, написанная корреспондентом газеты «Кабардино-Балкарская Правда» Е. Евсеевой. Вот выдержки из статьи: *«...И только блокнот с тисненными словами «Депутат Верховного Совета» может поведать об очень*

и очень многих полезных и душевных делах этой красивой женщины. Ольга Камуиловна обошла десятки инстанций, чтобы получить разрешение на расширение школы № 10. В школе установили отопление, построили второй этаж, что позволило детям заниматься не в три смены, как во многих школах, а в две...» «...Усилиями Ольги Камуиловны были заасфальтированы улицы в «колонке», в частности, улица, названная именем Героя Советского Союза Исая Иллазарова. Была построена поликлиника для жителей этого района. Многие семьи, благодаря своему депутату, получили квартиры. Квартиру, которая была выделена ей, она отдала малоимущей семье, которая проживала с детьми в сыром полуподвальном помещении. 13 человек, незаконно уволенные с обувной фабрики, были восстановлены на работе. Был построен новый кинотеатр. И многое, многое другое...» Нелегко ей было. Уроки, общественная жизнь, а дома, дети и больные пожилые родители мужа. Ее свекровь всегда говорила, что Оля не сноха, а дочь ей.

Хочу рассказать о Семене Ханукаеве, супруге Ольги. Он был призван в армию в 1938 году. Началась война, и Семен боевое крещение получил в первый день войны. Он был связистом. Что только не пришлось пережить Семену: ранения, контузию, госпиталь, сражения в тяжелых боях. Он участвовал в Сталинградской битве, дошел до Берлина. Будучи на передовой, он знал, что в Нальчике фашисты. Мысль: «а что с родителями», не давала покоя. Он знал, что брат Михаил погиб. Ярость его росла.

Война закончилась. Вс-вышний подарил ему жизнь. Семен Ханукаев ощутил радость Победы и вернулся домой. Офицер, весь в орденах, красивый, а главное, живой. Он увидел красивую девушку Ольгу, женился, и они оба поехали в кабардинское село. Его назначили директором школы. Он прекрасно владел кабардинским языком и преподавал математику на языке, родном для учеников школы. Как в Торе «Перекуем мечи на орала». В селе Ольга потеряла своего малыша. Вскоре супруги решились вернуться в Нальчик. Стали строить дом, родились дети — Анна, Игорь и Иосиф.

Но не все было гладко. Ольга была очень терпеливой женой. Она понимала, что ее супруг пережил войну, и что война наложила свой отпечаток на взрывной характер мужа. При этом, надо учесть, что

Семен — кавказский мужчина. Красивая жена. Внимание со стороны мужчин вызывало ярость супруга, но Ольга могла успокоить мужа, и в этом тоже проявлялась ее мудрость. Считаю, что она — образец жены.

Началась «перестройка», то есть беспредел. В адрес младшего сына, который занимался малым бизнесом, не раз поступали угрозы. И семья Семена Ханукаева решила уехать в США. Ох, как тяжело было принимать это решение, ведь сколько поколений прожили в этом городе. Человек, который прошел всю войну, Семен не просто прослезился перед выездом за рубеж, он рыдал. Уж очень было больно рвать корни. Но и тогда Ольга утешала мужа, говорила, что все дети и внуки будут рядом.

Они поселились в Калифорнии. Ностальгия в таком возрасте долго дает о себе знать, да и старые раны войны напоминают о себе.

Вот один интересный эпизод из их американской жизни. Случайно, а может и нет, Семен в американской телефонной книге нашел кабардинскую фамилию. Повяло родным: он позвонил по номеру телефона, затем познакомился с этим человеком. Говорил по телефону часами на кабардинском языке с земляком, которого никогда раньше и не знал. Семен умер в Калифорнии.

Ольга Камуиловна живет в кругу своей большой и дружной семьи. Ее дети и внуки говорят: «Наш дедушка прошел всю войну. О нем мы знаем из рассказов бабушки. Мы любим приходить к ней, слушать ее рассказы, советоваться с ней. Она дарит нам всем любовь и тепло своей души. Спасибо тебе, наша дорогая бабуля, мы желаем тебе многих лет жизни. Твои внуки...»

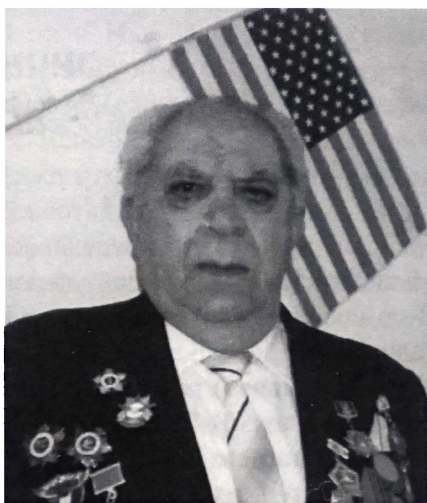
2016

ОЧЕРКИ

Ольга Ханукаева

Семен Ханукаев, супруг Ольги

Семья Ханукаевых

ЛИЧНОСТЬ.

Ученый Исай Шоулович Давыдов

Мы проводили в последний путь яркого представителя нашей общины Исаю Давыдова, ученого, а главное, светлого человека. Я помню, как перед выездом из Нальчика в Нью-Йорк, преподаватели Кабардино—Балкарского университета попросили меня найти Исаю Давыдова и передать ему привет. Я выполнила просьбу, была у него в гостях. Мы долго беседовали. Исай вспоминал свое тяжелое военное и послевоенное детство. Вспоминал годы работы в университете, защиту кандидатской диссертации. В жизни у него было много проблем, связанных и с национальностью, и со взглядами.

Исай Давыдов всегда был не согласен с идеологией государства, не скрывал, что верил в Б-га. Его пытались перевоспитать, направили на курсы по «научному коммунизму», но не помогло. На этих курсах он окончательно утвердился в своих религиозных убеждениях. Последовали угрозы, отчуждение коллег, которые может быть и придерживались тех же взглядов, но боялись потерять место. Исай Давыдов оказался в изоляции. Его отстранили от педагогической деятельности, не один раз вызывали на партком.

Отдушиной ученого был дом, родители, семья и община. В еврейской общине всегда жили по религиозным еврейским традициям. С детства Исай видел, как отец регулярно ходил в синагогу, как проходил обряд венчания. Религиозных запретов для нашей общины не было, а если и были, община их просто игнорировала. Но Исай был зависим от власти, он был ученым, педагогом, и ему отравили жизнь. Пережив столько невзгод, Исай твердо решил уехать из страны. Его пожилым родителям трудно было решиться на выезд, но колебаний не было. Они понимали, что должны поддержать сына.

Семья переехала в Нью-Йорк. Конечно, иммиграция не была легкой. Как и другим, Исаю Давыдову пришлось пройти все круги ада, но ему всегда помогала вера в Б-га. Как ученый он доказал, что наука и религия — взаимно связанные аспекты нашего духовного состояния.

Исай Давыдов, действительный член Нью-Йоркской академии наук по специальностям физика и математика, был Президентом Интернационального научно-исследовательского центра в Бруклине, автором более 40 научных работ. Только в Америке им написано и опубликовано в Нью-Йорке несколько трудов: «Научные проблемы морали, счастья, долголетия и бессмертия», «Душа и тело», «Ум и мозг». Профессор физики, доктор Генрих Голин в предисловии к книге «Сотворение и Эволюция» написал: *«Я не хочу сказать, что книгу можно прочесть, как легкий увлекательный роман. Однако, если вы ее прочтете внимательно, от корки до корки, то обретете глубокое убеждение в том, что наука и религия являются двумя дополняющими аспектами нашего духовного состояния, никогда не конфликтующими как антиподы.»* Исай Давыдов считал, что современная наука способна доказать все основные положения древней Библии. Он был твердо убежден в приходе Мессии, но при условии, *«что каждый человек или хотя бы подавляющее большинство людей научатся понимать и сознавать чужую боль, точно так же, как свою собственную, когда ни у кого не возникнет желание сделать другому то, чего он сам себе не желает»*. Исай был близок к Б-гу, и помогал нам приблизиться к Всевышнему, к интеллектуальному творцу Мира.

Последние десять лет он тяжело болел. Борьба со злом, с невежеством сломили тело, но не сломили его дух. Он до последнего вздоха работал. Даже когда пальцы не слушались, мозг активно функционировал. Исай Давыдов диктовал, и преданная женщина — социальный работник, которая за ним ухаживала, писала под его диктовку.

Современникам осталось его научное наследие. Издание трудов видного ученого это наш долг.

2013

МОЙ КАЙСЫН

Какое счастье, что уезжая в Нью-Йорк на постоянное проживание, я взяла с собой сборник стихов Кайсына Кулиева. Вчитываясь в его стихи постигаешь его мудрость, мудрость кавказских народов. Я помню его живым.

Работая преподавателем эстетического воспитания в профессиональном училище, я часто приглашала его на встречи с молодежью. Не было случая, чтобы, сославшись на занятость, Кайсын отказал. Он с первой минуты завладевал аудиторией. Становилось светло после встречи с ним. С годами, особенно в иммиграции, перечитывая стихи Кайсына Кулиева, осмысливаешь их по-разному. Если в молодости трогали стихи лирического содержания, то в пору зрелости больше вслушиваешься в нравственное, философское содержание стихов.

Часто задают вопрос: К. Кулиев национальный поэт или общечеловеческий? Думается, что и то, и другое. Балкарский народ, переживший трагедию, получил от Б-га своего пророка. Еврейский философ XX века Адин Штейнзальц писал: *«...Каждый человек обладает душой, уникальность которой определяется не только наследственностью и воспитанием, но и божественным замыслом. Ибо каждому человеку определена в мире своя задача, которую не может выполнить никто другой, хотя рядом с ним могут находиться лучшие и более одаренные люди. И только сам он, человек, может решить эту задачу...»* Эти слова мудрого философа удивительно точно подходят к описанию личности К. Кулиева.

Изгнание из родных мест, утрата независимости сделали жизнь Кулиева подобной пустынному каменистому острову. И как было в этих условиях сохранить себя, свою душу, свой народ? Но именно там, из горя житейского и суровой дисциплины духа рождается жажда свободы, света, счастья. Все это отразилось в творчестве поэта. Стихи Кайсына дышат такой неподдельной страстностью, надрывающей искренностью. Вслушайтесь...

*Мой трудный час, мой худший час
Я вынес на земле достойно.*

Или:

*Мы на земле несем ответ...
На нашей совести теперь
Все в мире — доброе и злое.*

Как солнце, взошел Кулиев, осветил и согрел людские сердца. На родном балкарском языке согрел сердца своего народа, а благодаря прекрасным переводчикам Науму Гребневу, Семену Липкину и другим стал доступен миллионам читателей. Дать равноценный перевод К. Кулиева могли поэты, почти равные ему по таланту. Конечно, трудно передать в переводе красоту формы, индивидуальность оригинала. Но мы и в переводе чувствуем картину внутренней жизни поэта, кулиевское восприятие природы — через воздух детства, через молоко матери, через язык и нравы предков, через родные камни, скалы. Способность Кайсына выразить мысли, чувства свои, своего народа можно истолковать как пророческий дар, и не только своего балкарского, но и моего еврейского народа.

Год 1966-й год. К. Кулиев в Праге. Под впечатлением увиденного он пишет стихотворение «В пражском гетто». И это в период антисемитской кампании, в период всплеска замалчивания в стране темы еврейской Катастрофы. В это время появляются произведения непокорившихся: стихотворение Е. Евтушенко «Бабий Яр», ода Д. Шостаковича на эти стихи, ходившая по рукам поэма М. Алигер на эту же тему. В таких условиях, не боясь за свою репутацию, К. Кулиев пишет стихотворение «В пражском гетто»:

*Их было много сотен, много тысяч —
Мужчин и женщин, юных и седых.
О, если только мог бы в сердце высечь
Я имена неведомые их.
Письмом каленым, явным иль незримым!
Давно все эти люди стали дымом.
И хоть с тех пор летел за годом год,
И нынче мука их неугасимым
Горит огнем и нашу совесть жжет,
Она горит открыто или скрытно.
Земля впитала кровь, следов не видно,*

*На старом камне новая трава,
Но сердце у меня болит, мне стыдно
Ходить, дышать и рифмовать слова...*

Поэт обращается ко всем народам Мира:

*...Земля, мне страшно! Стань добрей и лучше,
Не повтори такого никогда!*

Есть поэты, обращенные лицом назад, в прошлое, а есть такие, как К. Кулиев, которые смотрят из времени в вечность. Тема фашизма осмысливается поэтом и в романе «Была зима». Его герой Сеид говорит: «...милая жена, в наш жестокий век, когда мы стали свидетелями фашистского разгула, когда истребление людей стало нормой, и человеческая жизнь ценится не дороже жизни мухи, я не могу молчать...» И жена Сеида произносит: «Пусть пишут такие вещи поэты больших народов. А твой народ и твой язык маленькие. Кто тебя услышит?» На что К. Кулиев устами своего героя отвечает: «Мое племя, хоть и мало числом, но входит в человеческую семью. Я сын человеческий и несу ответственность за все хорошее и дурное в жизни, за добро и зло. Вот почему я писал и пишу против зла и его носителей. В детстве я плакал, когда били корову или ослика. А гитлеровцы бросают людей в горящие печи крематориев, истребляют детей, жгут костры из книг. Вот почему я ненавижу их».

Я уверена, что К. Кулиев не остался бы равнодушным к тому, что в настоящее время опять стали появляться книги фашистского содержания, снова разжигают вражду и ненависть среди народов.

Я думаю, что мы все еще не до конца осознали, кого в лице Кайсына Кулиева нам дал Вс-вышний.

2015

«СВЕТА ДРУГИМ, СГОРАЮ САМ...»

Я часто вспоминаю человека, который оказал влияние на формирование моего характера, оставил в моей жизни большой нравственный след.

Это Самуил Константинович Перельцвайг. Он арендовал в нашем доме комнату. Помню, как Самуил Константинович молча стоял у окна и о чем-то думал. Его библейские глаза были полны слез, отчаяния. На вопрос моей мамы, участницы войны, молодой вдовы, что с ним, он поделился своим горем. Это были очень скупые слова, но идущие от сердца. В Бабьем Яру, в Киеве, фашисты и их верные слуги расстреляли его родных. Бабушку, маму, сестру. До конца своей жизни он не мог понять, как могло такое случиться, почему, за что? Убили только за то, что они были евреями... Понять это было невозможно.

Живя у нас, Самуил Константинович поехал в Киев, привез с этого страшного места горсть земли. Но и это не помогало. Может быть, поэтому он дал сыну фамилию своей русской жены. Не Перельцвайгом, а Ширшовым стал его единственный сын Костя. Так Самуил хотел уберечь сына от антисемитизма. Но ирония судьбы — сын был так похож на отца.

С.К. Перельцвайг был потомственным врачом. Родился он в Киеве 18 сентября 1918 г. Отец его был потомственным врачом-терапевтом. Спасал людей от эпидемии и сам погиб. Спасал тех, чьи сыновья, может быть, расстреливали его близких. Мама Самуила была домохозяйкой. Самуил Константинович окончил мединститут в 1941 году, был призван на военную службу. Вскоре началась война. Он был отправлен на фронт в г. Прилуки УССР, в 613-й зенитный стрелковый полк врачом-ординатором операционно-перевязочного взвода МСБ. Потом был Карельский фронт МСБ, 32 бригада в 1944 г. и в 1945 г. — ординатор-хирург взвода в Японии. За время войны он получил много наград:

11.10.1944 — Орден «Красная звезда».

23.04.1945 — Орден «Отечественной. войны» 1 степени.

5.11.1951 — Орден «Красная Звезда».

Медали: «За боевые заслуги», «За оборону Сов. Заполярья», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и 8 юбилейных медалей.

За каждой наградой стоят мужество, бессонные ночи, раненные, операции, операции... Но самым страшным было известие о том, что в Бабьем Яру погибли его родные.

После войны с 1945 по 1949 гг. Самуил Константинович работал в составе госпиталя на Чукотке (Бухта Провидения) ординатором хирургического отделения. Там он познакомился с медсестрой Ширшовой Анной Петровной, и вскоре они поженились. В 1949 г. у них родился сын, которого в честь деда называли Константином. Затем он

получает направление на работу в г. Брест БССР, в 1960 г. демобилизуется и переезжает на место жительства в г. Нальчик. В Нальчике он приложил много усилий, чтобы открыть онкологический диспансер. Все выходные, праздники он находился в диспансере, стараясь облегчить страдания онкологических больных.

У Самуила Константиновича хватало сил уделять внимание семье, жене и сыну. Я помню, как бережно он относился к супруге. Он говорил: «Аннушка, отдохни, ты же после уроков, наверное, устала. Отдохни, а я помою посуду». Мне, кавказской еврейке, воспитанной в кавказском духе, было это так удивительно. Если чего-то не доставало на столе, он никогда не обращался к жене, все делал сам, жалел ее.. Самуил Константинович очень любил детей. Помню, как мы с его супругой Анной оставляли ему мою малышку, а сами убегали в кино или на художественную выставку.

Самуил Константинович был очень светлым человеком. Под суровой внешностью скрывалась очень доброе сердце. Человеком он был ранимым, с глубокой болью в душе. За работу в больницах он получил 12 благодарностей. Прожил он всего 63 года. Умер 2.12.1981 г. от онкологии. Последними его словами были: «..Я умираю на ваших родных руках..., а в 1941 г. мои мама, сестра, бабушка и дедушка были убиты немцами в Бабьем Яру, как собаки...»

Похоронили Самуила Константиновича на воинском кладбище г. Нальчика. На мраморной плите высечены слова: «СВЕТЯ ДРУГИМ, СГОРАЮ САМ».

Внуки С.К. Перельцвайга уехали в Израиль, на историческую родину.

2014

ПОБЕДА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

В городе Нальчике жил удивительный человек, Захар Ильич Ильягуев. Я его часто вспоминаю. В 70-е годы он вел борьбу против официальной политики антисемитизма. З.И. Ильягуев писал во все

инстанции, в редакции газет «Правда», «Труд», «Советская Россия», «Известия», в журналы «Вокруг света», «Крокодил», писал на телевидение, обращался к генеральным секретарям ЦК компартии, в Антисионистский комитет.

С чем же обращался Захар Ильич, что не давало этому пожилому человеку спать, что волновало его душу?

Захар Ильич рассказывал мне, что после разрыва дипломатических отношений СССР с Израилем в 1967 году в газетах и журналах появились карикатуры на Израиль с изображением Моген Довида — символа еврейского народа. Он писал в Москву: «Кровь шести миллионов истерзанных евреев под шестиугольной звездой кровоточит». «Я в своих письмах, — говорил Захар Ильич, — доказывал недопустимость оскорбления национальных чувств народа — ведь это фашистское наследие».

На эту борьбу уходили годы. Захар Ильич приносил мне в Еврейский центр ответы, которые он получал на свои письма.

Из издательства ЦК КПСС «Правда» отвечал Ю. Новиков: *«Мы консультировались в соответствующих инстанциях»*. Из этого ответа все ясно... И как можно после этого отрицать, что антисемитизм пропагандировался свыше?

Редактор газеты «Труд» А. Алексеев ответил: *«Уважаемый З.И. Ильягуев! Рисунок направлен не против еврейского народа, а против правящих кругов Израиля, которые проводят агрессивную внешнюю политику. Хотим заметить, что шестиконечная звезда — символ сионистов»*.

А вот ответ М. Виленского, редактора иностранного отдела журнала «Крокодил» (15.02.1978): *«Наши карикатуристы рисовали шестиконечную звезду не как религиозный символ, а как часть национального флага. Теперь же мы решили воздержаться и от этого и писать слово Израиль вместо шестиконечной звезды»*.

Редакция газеты «Правда» рекомендовала всем художникам-карикатуристам «не злоупотреблять, изображая шестиконечную звезду».

Это была победа! Победа одного человека против политики сильного государства.

З.И. Ильягуев обращался в Министерство иностранных дел: *«Сколько можно поливать грязью, вызывать ненависть к государству Израиль? Стойкость и мужество еврейского народа*

в неравной борьбе вселили надежду в сердца евреев мира. Наконец евреи приобрели свою Родину. Иерусалим — единственная святыня евреев, где бы они не жили. Москва, Кремль дороги русским. Париж — французам. Мекка — мусульманам. Сколько можно представлять Израиль монстром?»

Злободневно звучат эти слова.

Ильягуев обращался в Антисионистский комитет к генералу Д. Драгунскому: *«Генерал, антисемитизм придуман не сегодня и не вами. Арабские террористы убивают в Израиле детей, но вас это не волнует. Генерал, евреи едут в Израиль, чтобы дать покой своим детям и внукам от статей, подобных вашим»*. Захар Ильич называл Антисионистский комитет штабом антисемитизма.

В одном из писем он подвергал критике творчество карикатуриста Бориса Ефимова, называя его настоящую фамилию Фридлянд.

Органы «советуют» Ильягуеву, чтобы он не отравлял себе старость. Да, это правда. З.И. Ильягуев был пожилым человеком. Ему приказывали замолчать, угрожали, делали у него обыск, арестовывали, не имея на то санкции прокурора, но он говорил: *«Я одинокий человек и ничего не боюсь. Моя смерть принесет мне больше пользы, чем мое существование»*.

Где же истоки этого нестигаемого человеческого, в данном случае, еврейского духа?

Захар Ильич родился в 1904 году в г. Дербенте, воспитан в религиозной горско-еврейской семье садовода-виноградара. Дед и отец в свое время ездили в Иерусалим. Захар Ильич знал иврит. Он участник Великой Отечественной войны. С 1953 года жил в Нальчике. Многим помог выехать в Израиль, да еще в такое время, когда сделать алию было очень сложно. Захар Ильич часто приходил ко мне в Еврейский центр. Очень жаль, что я не могла проводить его в последний путь. Еврейская община г. Нальчика проводила его с честью. Я часто вспоминаю Захара Ильича Ильягуева. Преклоняюсь перед его мужеством этого человека, сильного духом.

1997

МИР ТЕСЕН

Удивительно насколько мир тесен. В марте 2016 г. я была на свадьбе моего племянника Ильи Данилова. Свадьба проходила в одном из престижных залов Манхэттена. Илья окончил Нью-Йоркский университет. Умный молодой человек, занимается в России бизнесом. Свершилось. И он, наконец-то нашел свою половинку. Девушка София, москвичка, вернее, ее настоящие корни с Северного Кавказа. Я узнала, что она внучка Романа Гаврилова. Воспоминания нахлынули на меня.

Роман Гаврилов был уникальный человек. В 1996 году он внезапно ушел из жизни, или помогли ему уйти в те страшные 90-е. И вот прошли годы, и я встретила на свадьбе его супругу Нину Гаврилову, бабушку невесты. Нина продолжает дело супруга. Она занимается в Пятигорске бизнесом, что далеко не просто. Но мне захотелось вспомнить Романа Гаврилова.

Он был Президентом Союза предпринимателей Северного Кавказа. Роман всегда производил яркое впечатление, умел масштабно мыслить, ставить цель и добиваться ее. Это о нем Павел Бунич, советский и российский экономист, член-корреспондент РАН сказал: «Предпринимателем экстра-класса я считаю Романа Гаврилова из Пятигорска, президента большой, удачно развивающейся частной фирмы.» Роман был человеком, наделенным от Б-га недюжинными организаторскими и предпринимательскими способностями. В те 90-е годы таких людей было не так много. Прошло двадцать лет, а его анализ экономики России и сегодня звучит актуально. «Экономика в стране примитивная. Надо развивать отрасли по переработке сырья, продавать на мировом рынке не шерсть, а ковры, не овчины, а шубы.»

Меня поражала благотворительная деятельность Романа Гаврилова. Он приобрел здание под еврейскую школу, открыл и содержал синагогу, купил землю под еврейское кладбище, где его и похоронили. Так больно вспоминать, но мы должны помнить таких людей. Он организовал чартерный рейс Минводы — Тель-Авив. Не было случая, чтобы Роман отказал еврею, который нуждался в бесплатном полете. Он всем помогал. Когда хлынули в 1994 году беженцы, евреи из Чечни, он предоставил им проживание в его гостинице, конечно,

без оплаты. Помню, как в 1995 году, к Еврейскому центру подъехали на трех машинах. Это был Роман Гаврилов с охраной, представитель посольства Государства Израиль и глава Сохнута. Они взяли меня с собой и мы поехали по городам Северного Кавказа, в госпитали. Мы искали раненых евреев, чтобы оказать им помощь. Я помню, как представитель Сохнута, в прошлом военный, зашел в госпиталь в городе Моздок. Он вышел белый и сказал, что поражен, в каких условиях находятся раненые военные. Лежат на полу. На трупе сидит раненый. Иностранец был просто был в шоке. Эта поездка мне запомнилась на всю жизнь.

Гаврилов помогал не только евреям. Патриарх Московской и Всей Руси Алексей написал ему в письме: «Уважаемый Роман Эммануилович! Благодарю Вас за проявленное участие и финансовую помощь в организации паломнической поездки группы православных монахинь в Святой Град Иерусалим...».

Во время одной из встреч с Романом, я спросила его: «Вы, конечно, понимаете, что при такой нестабильной, криминальной обстановке в стране, все как мыльный пузырь может лопнуть. Почему Вы не уезжаете в Израиль, напротив, баллотируетесь в Думу России?» На что Р. Гаврилов мне ответил: «Россия — моя родина. Наша судьба в наших руках. Мы умеем работать. У нас есть мозги и способности, так давайте все вместе подниматься с колен».

В то время я была депутатом Верховного Совета в своей Кабардино-Балкарии, но не выдержала и сказала Роману, чтобы он не шел в политику. Он посмотрел на меня, до сих пор помню его взгляд и спросил: «А что, могут убить?» Через два месяца его не стало. Ему было всего 50 лет, человек, полный сил, энергии...

Провожали его тысячи людей разных национальностей. Молитвы читали раввин и священник. Светлая память ему.

Я на свадьбе попросила Софию, невесту и внучку, помнить о Романе Гаврилове. Пожелала этой красивой паре счастья.

Жизнь продолжается.

2016

ЗАХАР ГИЛЯДОВ

Таланты от Б-га

Когда меня охватывает тоска по родным местам, я слушаю по Интернету песни в исполнении наших народных музыкантов. В них эмоции, темперамент, боль и радость. Все передается в песнях. А недавно талантливых музыкантов пригласили в Нью-Йорк на свадьбу нашего нальчанина. Свадьба проходила в престижном зале Манхэттена. Пригласили на свадьбу Валерия Леонтьева, который красиво пел, но меня порадовали гости и музыка в исполнении трио из Израиля. Мы, нальчане, их хорошо знаем. Это Захар Гилядов, Эдуард Ашуров и Рафаил Алхасов. Их песни на родном горско-еврейском языке радовали сердце.

Но мой очерк не о музыке, я хочу рассказать об одном событии из жизни наших молодых музыкантов. Хорошо помню 90-е годы XX века в городе Нальчике. Народ бурлил. Мир висел на волоске. В воздухе было дуновение смерти. Стрельба была и ночью, и днем. У людей не было уверенности в завтрашнем дне. Бандиты заходили в масках в дома, грабили, воровали детей, требуя выкуп. Мы, горские евреи, вросли в эту землю, и нам совсем не хотелось покидать родные до боли места. Стали уезжать европейские евреи, затем, и горские. Продавали дома, имущество за бесценок. Как-то меня остановила знакомая кабардинка и сказала: «Светлана Ароновна, знаете, я купила дом у горских евреев, но я не могу спать в этом доме. Каждую ночь я слышу плач прежних хозяев. Жаль, но хочу продать дом. Мы с болью в сердце провожали эту семью. Мы желали им удачи в Израиле».

Конечно, уезжали не все сразу. Уезжали в разные страны. Сказалась общинная психология. Уезжал брат, за ним уезжала семья сестер и братьев. Как-то в ОВИРе г. Нальчика я встретила молодого музыканта Захара Гилядова. Он оформлял документы на выезд в Израиль. Спрашиваю: «Захар, неужели и ты решил уехать? Ты же не хотел уезжать, что случилось?» Я знала материальное состояние молодой семьи. Жена не работала, маленький ребенок, а он зарабатывал, тем, что пел на свадьбах.

Музыкантов на Кавказе всегда уважали, ведь музыканты интернациональны по духу. Музыка не знает границ. Музыканты не коммерсанты, даже не ремесленники, ну и что их грабить... Он грустно на меня посмотрел и сказал «А как жить? Наша молодежь почти вся уехала, свадеб почти нет. А криминальная молодежь других народов покоя не дает. Они нас ценят, как музыкантов. Лучше бы не ценили. Приглашают к себе играть и петь. Раньше наши музыканты с радостью ездили к ним на торжества. Ведь мы хорошо знаем родную музыку народов Кавказа. А сейчас вооруженные джигиты приезжают за нами, и отказаться нельзя. Вы же понимаете, опасно для жизни. Недавно, приехали ко мне домой и приказали срочно собраться. Сказали, что меня ждет машина у ворот. У моего сынишки в этот день был день рождения, у меня были свои планы, но их это абсолютно не интересовало.

Я понимал, что лучше поехать, так безопаснее будет для моей семьи. Подошел к машине, а в ней уже сидели мои друзья: зурнист и бубнист. Нас повезли куда-то в лес. Уже темнело, мы и не поняли, где оказались. На лужайке джигиты расстелили газеты. Шашлыки пахли дымом, молодые люди пили водку. Они что-то отмечали. Я подумал, а может быть они отмечают выкуп за очередного похищенного человека. Увидев нас, музыкантов, они обрадовались. Искры костра освещали их небритые лица и горящие карие глаза. Мы начали играть и петь. Чеченская лезгинка сменяла осетинскую, кабардинскую, балкарскую, ингушскую. Мы пели на языках этих народов. Пели и на нашем, горско-еврейском, песню Хацеруна Алхасова о Нальчике. Ее все любят. Пели с болью в сердце, думая, неужели надо уезжать из города, где родились наши предки. Джигиты танцевали и стреляли в воздух, так они выражали свое настроение. А у нас замирало сердце, ведь шальная пуля могла задеть любого. Мы играли всю ночь.

Уже было четыре часа утра. Вдруг джигиты резко собрались, сели в машины и умчались. Про нас они забыли. Мы смотрели друг на друга и не знали, что делать, смеяться или плакать. Как выбраться из леса, в каком направлении идти, без транспорта, с музыкальными инструментами. Уже было четыре часа утра. Но мы шутили, говорили, что живы и Слава Б-гу. На рассвете появился Мерседес с джигитом. Он извинился, сказал, что про нас они забыли, но скоро обязательно

снова позовут. Сунул нам доллары и отвез домой. Жена не спала всю ночь. Вот я и пришел в ОВИР, уеду в Израиль».

Вскоре Захар Гилядов и кларнетист Эдуард Ашуров уехали в Израиль, Сергей Давыдов в Германию, а зурнист Алхасов остался в Нальчике.

И я вспомнила рассказанную мне когда-то историю. В начале XX века, во время революции, когда Нальчик переходил от красных к белым, город занял кабардинский князь Серебряков. Заурбек Асланбекович Даутоков-Серебряков происходил из кабардинского дворянского рода Даутоковых. Родился в 1886 году в городе Моздок. Офицер Туземной дивизии в период первой мировой войны, лидер белого антибольшевистского движения на Северном Кавказе, генерал-лейтенант. Он был организатором антибольшевистского восстания в Кабарде. В августе 1918 года князь объявил о создании партии «Свободная Кабарда». В «Очерках русской смуты» генерал А. И. Деникин, который был командующим Добровольческой армией, дает характеристику Заурбеку Асланбековичу Даутокову-Серебрякову: *«...был молод, малого чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, смел, жесток, властолюбив и не очень считался с моральными предрассудками.»*

В городе были погромы, грабежи, расстрелы. Но, как рассказывают очевидцы, князь был не только воякой, он и танцевать любил, а танцевал он красиво. Однажды он приказал своим солдатам привезти к нему музыканта. Приехали к зурнисту, горскому еврею Танахуму Ашурову. Его все знали как зурниста-виртуоза. Танахум был самоучкой, прекрасно исполнял мелодии народов Кавказа. Так вот, его схватили солдаты князя Серебрякова, ничего не объяснив, привезли и приказали играть. Он им говорит: «Я же не взял с собой зурну». Ответили: «Значит тебя расстреляют».

Танахум сказал: «Дайте мне ветку тутовника, я вырежу зурну». Его бросили в чулан, дали ветку и сказали, что в его распоряжении три часа. Музыкант знал, что его жизнь висит на волоске. Представил, что дома его уже живым не ждут, наверное, жена рвет на себе волосы, оплакивает его. Но вот зурна готова и звук у нее получился чистый, мелодичный. Его подвели к князю, и князь Серебряков сказал ему на кабардинском языке: «Играй, еврей, если хочешь жить». Пир

во время чумы начался. До утра Танахум Ашуров играл, а затем его отпустили домой.

Имя Танахума Ашурова, народного артиста КБР, увековечено, его именем названа улица в Нальчике. Но тогда в ОВИРе я вспомнила этот случай. Я историк. Анализируя события, подумалось, что прошло столетие, казалось, что многое изменилось, а в конце того же XX века все повторилось. История удивительна.

Но вернемся к нашим молодым современным музыкантам. Правнук Т. Ашурова, музыкант Эдуард Ашуров вместе с Захаром Гилядовым уехали в Израиль. Все они талантливые самородки. Их песни и частушки любимы народом. Это как раз тот случай, когда репатриация оказалась успешной, так как талант везде талант. Только нужен мир, нормальные человеческие условия, достойное проживание.

Как сложилась их жизнь? Насколько я знаю, очень хорошо. Они поют и играют на кавказских свадьбах, их приглашают на все торжества в разных городах Израиля. Приглашают и привозят на свадьбы в Москву, в США. Они записывают диски. Недавно они открыли свой ресторан.

Хочется пожелать им успехов.

2016

ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Мы, журналисты, чаще всего пишем о героях, о деятелях культуры, а сегодня у нас в гостях человек разносторонний, интересный собеседник, который может много и о многих интересного нам рассказать. Это Яков Натанович Хануков. С кем только он не встречался по жизни... Но все по порядку.

— *Уважаемый Яков Натанович, расскажите о себе.*

— Родился я в 1939 г. в Баку. Отец был нефтяником. Ребенком помню, как в годы войны отец работал сутками, приходил без сил. Фронту нужна была нефть. У нас была большая семья. Жили мы в подвале. Война и непосильный труд дали о себе знать, отец стал

инвалидом. Мне запомнился эпизод из детства, когда отец пришел домой весь белый. У него украли продовольственные карточки на весь месяц. Это был шок для него и для всей нашей семьи. А еще помню, как в школе мне не дали кукурузную лепешку. На мой вопрос, почему мне не дали, ответили, что родители не сдали справку. Я и сейчас помню запах этой лепешки, может быть, потому что был голодный, а может от обиды. С 16 лет я пошел работать и одновременно учился.

— Вы, братья, сестры, дружными были?

— Да, конечно. У нас, как и у всех горских евреев, была традиция — младшие слушались старшего брата. Почитали родителей, бабушек и дедушек. За стол первым садился отец.

— ***А мама?***

— Нет, мама не садилась. Что она ела, это вопрос. Она делала все, чтобы нас накормить. Наши соседи были ашкеназские евреи, у них не было детей, они просили мою маму отдать им меня, но мама не согласилась. «Ничего, Б-г поможет нам», — говорила она.

— ***На каком языке вы дома говорили?***

— На горско-еврейском. Вообще-то я прекрасно знаю азербайджанский и русский. Знание азербайджанского языка мне помогало в общении с людьми и в работе.

— ***Вы служили в Армии?***

— Конечно. Призыв в армию для меня было спасением. Я служил в ГДР. Помню, как мы ехали к месту назначения через Белоруссию. Боже, какая там беднота, хижины, в Польше люди жили лучше, а в ГДР еще лучше, и у меня возникал вопрос, а кто выиграл войну? Ведь не было ни одной семьи в СССР, которая не потеряла на фронте своих сыновей. Они залечили раны, а наш народ оставался бедным. Обидно. В части командир пригласил меня и сказал, что я буду работать на кухне, так как кавказцы хорошо готовят. Меня отправили на курсы.

— ***В армии знали, что Вы еврей?***

— Нет, в паспорте, в военном билете меня записали татом. Даже думали, что ошиблись с записью. Какой тат, наверное, татарин. После армии приехал домой, отца уже не было, он умер до моего приезда. Мне надо было найти работу. Я окончил курсы официантов и стал работать. Когда я подал документы в гостиницу «Интурист», мои документы тщательно проверяли, но приняли на работу. В этой

системе все работники были под контролем органов государственной безопасности.

— ***Я смотрю фотографии и, глядя на Вас — молодого, думаю, положительно сыграло то, что Вы были высоким и красивым.***

— И еще один факт помог мне. Азербайджанцы не шли работать официантами, больше было русских женщин. В гостинице было много иностранцев, отечественная интеллигенция, военные, артисты. Иностранных туристов из социалистических стран было много. Странно, но они бегали по Баку в поисках ювелирных изделий. Их не интересовали театры и музеи нашего прекрасного города.

В гостинице работали офицеры КГБ, которые были в гражданской форме, они следили за всеми, особенно, если туристы или гости были из капиталистических стран. За ними был закреплён номер. В гостинице «Азербайджан» мне предложили должность метрдотеля ресторана. Работать было тяжело и физически, и морально. Все время надо было быть в напряжении. Всегда с улыбкой, с иголки одетым, культура речи должна была быть безупречной. К нам часто приезжали режиссеры снимать фильмы. Питались они у нас в ресторане. Они обратили на меня внимание и предложили сняться в эпизодических ролях. Так я снялся в фильмах «Храм воздуха», «Следствие продолжается» и в фильме «Парк».

— ***Кого из гостей Вы запомнили?***

— Знаете, не хватит страниц в вашем журнале, если я всех перечислю. Назову несколько фамилий, которые у нашего поколения на слуху. Президент Гейдар Алиев. Я мог бы часами о нем говорить. Очень интересный человек. Приезжали Президенты других стран, консулы. Генеральный секретарь ГДР Вальтер Ульбрихт в сопровождении Суслова. Премьер-министр Ирака, Генеральный секретарь ЦК КП Румынии Н. Чаушеску. Визиты Ясира Арафата, кстати, он на всех встречах с лидерами стран всегда вымогал материальную помощь, якобы для Палестины, и никогда не уезжал с пустыми руками. Л. И. Брежнев был не раз. За неделю до его приезда все убирали, красили заборы. Перед его приездом в магазинах появлялись колбасы, сосиски, куры, мясо. На рынке приказывали снизить цены, и народ был рад его приезду. Дети в школе не учились, они репетировали, как

приветствовать дорогого Л.И. А сколько звучало хвалебных од в его честь. Смешно.

Меня перевели в новый отель «Москва». И опять гости — космонавты, герои. Помню банкет в честь Президента Ирака Саддама Хусейна. Один из секретарей генерального консульства Ирака, узнав, что я еврей, спросил: «Почему вы все любите деньги, почему такие умные и хитрые, любите учиться?». На что я ответил: «Бог разделил людей на умных, средних и дураков». Мои слова заставили его ехидно улыбнуться.

Расскажу о визите Ее Величества шахини Фарах Пехлеви. Сколько лет прошло, а у меня все перед глазами. Шахиня была худенькая, выше среднего роста, в длинном элегантном платье, в шляпе. Сопровождающие офицеры были красавцы. С ней было 10 женщин, мать и родственницы. Говорили они со мной на фарси. За ужином женщины стали петь старинную азербайджанскую песню «Ай, Барибал, Барибал». Я и мой коллега подпевали им, за что они нас поблагодарили. На вечере наш певец, наша гордость Муслим Магомаев, пел им на азербайджанском, на итальянском. Шахине и ее гостям исполнение очень понравилось. Муслима подозвали к шахине, и она пригласила его в Тегеран в качестве личного гостя. Уходя, шахиня посмотрела в мою сторону и велела передать мне золотую монету. Затем, от имени ее мамы мне дали еще одну монету. Так они поблагодарили меня за хорошую работу.

А еще в 1982 году приезжал к нам Давид Рокфеллер. Ему отвели 8 номеров люкс. Думали, если он миллионер, то будет сорить деньгами. А он попросил только два номера, ему и его дочери. Одет был скромно: пиджак в клетку, голубая сорочка, галстук, темные брюки и туфли с приподнятым носом. Мой шеф решил, что он еврей, и говорит мне: «Что это твой Рокфеллер так одет? Вай-вай! У него даже нет золотых зубов, золотых часов, нет цепочки, браслета. Да у нас торговцы на рынке и то выглядят богаче его». Кстати, я часто говорил нашим поварам, что не надо готовить такую жирную еду. Иностранцы покушают жирный плов и через полчаса бегут в туалет. Но наши повара хотели удивить их вкусной национальной едой, к которой гости не привыкли.

— *Уважаемый Яков, я вижу у Вас множество интересных фотографий.*

— Да, есть что вспомнить.

— ***Вы в 90-х годах уехали в США. Почему?***

— Беспредел, война с Арменией, беженцы, погромы. Мы, евреи, без паспорта не могли выйти на улицу. Тревожно было за детей. Я хорошо понимал, что у них не будет будущего. Я очень рад и благодарен этой стране, за то, что нас приняли. Мои дети хорошо адаптировались. Я имею социальные программы.

— ***Я благодарю Вас за интересную беседу. Здоровья Вам и много лет жизни.***

2010 г.

РАЗГОВОР С РОМАНОМ МЕЛЕХОВЫМ

С Романом я знакома давно. Помню его еще по Нальчику. Спокойный, трудолюбивый. Учился, работал, шаг за шагом шел по жизненному пути. Помощи не было, надо было полагаться на собственные силы, но он много добился в этой жизни. Как он говорит, для него ангелом—хранителем была его пожилая мама. Уезжая в командировку, он приходил к ней, и приезжая, тоже приходил. Недавно, в 2016 г. к большому сожалению он ее потерял. Дома преданная жена. Хрупкая, но очень сильная духом женщина. Когда выпало испытание, Лариса выдержала все. Для мужчины очень важен тыл. Поддержка, понимание — основа семейной жизни. Для Ромы годы совместной жизни с Ларисой яркое подтверждение этому.

С.Д. Роман, расскажи, где ты родился.

Р.М. Мама родилась в Ставрополе, папа в г. Черкесске, а я в Нальчике.

С.Д. Скажи, пожалуйста, что тебе больше всего запомнилось из детских воспоминаний?

Р.М. Что запомнилось? Как мы дружно жили в маленьком домике. Хорошо помню, что у нас был глиняный пол. Я не могу сказать, что детство было безоблачным.

С.Д. Скажи, а когда ты почувствовал себя горским евреем?

Р.М. Не очень веселые воспоминания. Почувствовал себя евреем, когда надо было на кулаках защищать свою честь. В школе подростком я слышал: «А, жид!». Мы дрались, доказывали, что мы не хуже других. Это отрицательные воспоминания, но надо сказать, что я дружил с ребятами других национальностей, и все было нормально. Нормальных всегда больше. Нальчик — интернациональный город. Русские, кабардинцы, балкарцы, осетины, горские евреи, мы все общались. До 90-х годов, а потом все изменилось.

С.Д. Где ты учился?

Р.М. В Украине окончил техникум легкой промышленности, а потом институт в Москве. В 2000 году мы с семьей уехали в США. Это удивительная страна, свободная, страна, где действуют законы. Причем законы для всех одинаковые. Ведь это прекрасно. Дети учатся. Если есть знания, все двери для них открыты. Да, надо за обучение платить, но можно взять гранты в банке и учиться. Здесь тебя не спрашивают, кто ты. Правда, есть исключения. Когда ты попадаешь в госпиталь, тебя спрашивают, нужен ли Вам священник вашей веры, мулла или раввин. Учитывают твоё вероисповедание и в рационе питания. Это же прекрасно. Чувствуешь себя человеком.

С.Д. Ты занимаешься бизнесом. В чем секрет успеха, и какие качества характера необходимы бизнесмену?

Р.М. Я часто задавался вопросом: что отличает успешного человека от неуспешного? Много думал над этим. Успешный человек знает свою цель и стремится к ней. Думаю, что должна быть упорная работа над собой. Если не заниматься своим здоровьем, разовьется болезнь. Я занимаюсь посильным спортом. Если не думать, как заработать, то рано или поздно возникнут финансовые трудности. С неба ничего не падает. Когда в России говоришь, что я живу в Америке, считают, что ты богатый. Смешно. Все достигается трудом. Если не уделять семье внимания, то она развалится. Должно быть чувство ответственности. Обещал — выполни. На ветер слова не бросай. Нельзя подводить людей. Один раз подведешь, никто тебе верить не будет.

С.Д. Скажи, а в Америке трудно заниматься бизнесом?

Р.М. Я уверен, что здесь есть возможность заниматься бизнесом, но мне мешают проблемы, связанные с языком, мешает незнание законов.

С.Д. Что для тебя наши традиции?

Р.М. Мне многое нравится в наших традициях. Прежде всего, уважение к старшим, к родителям, к детям. Ответственность за семью, детей. Гостеприимство. Много есть, что надо сохранить.

С.Д. Спасибо. Успехов тебе во всем.

2016

ОЛЕГ МАВСУМОВ

Я давно приглядываюсь к Олегу Мавсумову. Наше знакомство началось с того времени, когда он попросил меня поехать к родителям его жены в город Филадельфию, с тем, чтобы я написала о его тесте статью. И я за это Олегу благодарна, потому что встреча с интересными людьми для меня всегда праздник души.

Затем состоялось событие, также связанное с Олегом Мавсумовым. Он заказал Свиток Торы для нашей горско-еврейской синагоги. Знаю, что Олег — один из спонсоров нашего журнала «Товуши». Он также помог Алене Бадаловой открыть центр для детей, финансово помогает организовать работу этого центра. Можно много и долго писать о его добрых делах. Мне захотелось побеседовать с ним, как говорят журналисты, заглянуть в душу, узнать его отношение к людям, его взгляд на те вопросы, которые волнуют меня, да я думаю и наших читателей. И я не ошиблась. Олег образованный, интеллигентный человек. Мне было очень интересно с ним общаться. Считаю, что именно на общении строится все в нашем мире. Мы общаемся, развиваемся, «обновляемся». К сожалению, мы стали мало общаться.

Итак, наша беседа с Олегом. Будучи очень занятым человеком, Олег попросил сотрудницу не отвлекать его, дать нам возможность

поговорить. Телефон сотовый отключил, а ведь он бизнесмен и времени свободного у него просто нет. Считаю, что это признак культуры.

— ***Олег, расскажите, пожалуйста, о себе, о своих родителях.***

— Я родился в городе Баку, в дружной семье. Мой характер, взгляды на жизнь, на людей формировались родными. Первыми собеседниками в жизни становятся родители. Именно от них мы узнаем все об окружающем мире, строим свое мнение, формируется наш характер. Далее уже появляются ровесники, одноклассники, студенты, сотрудники, с которыми мы так или иначе связаны общими интересами, но фундамент закладывается в семье.

— ***Ваша самоидентификация, как горского еврея, сформировалась в те годы детства?***

— Нет. Я в те годы не был привязан к нашим традициям. После школы я поступил в институт в г. Новочеркасске. Учился на ветеринара, затем уехал в Москву, а в 1992 году мы уехали в Нью-Йорк. Время адаптации в Нью-Йорке уже, слава Б-гу, давно закончилось, но именно в иммиграции я остро почувствовал себя частью еврейского народа, частью горских евреев. Может потому, что сложно было в первые годы. По профессии я не работал. Занялся бизнесом. Ездил в Россию, но понял, что надо здесь, в Нью-Йорке начинать свое дело. К этому времени, я уже женился. Жена училась, я работал. Эллина, моя супруга, фармацевт, работает со мной, во всем мне помогает. У нас трое детей.

— ***Скажите, Олег, где Вы встретили свою половинку?***

— Нас познакомили. Удачно познакомили. Мы понимаем друг друга. Не всегда было все просто, но у Эллины очень хорошие, порядочные родители, и дочь их такая же порядочная. У нас хорошие отношения. Без нормальной семьи человек никогда не будет полностью удовлетворен, он не добьется успехов в жизни. Это мой взгляд на семью.

— ***Кстати, Ваш взгляд на то, что в общине много разводов.***

— Сложный вопрос. Я думаю, потому, что люди не хотят пройти вместе трудности. Под хупой мы клянемся вместе преодолевать трудности жизни, но об этом забывают. Надо уважать друг друга. В семье растут дети, надо помнить о своей ответственности перед ними.

У меня, слава Б-гу, трое детей. Я хочу, чтобы они росли в нормальной обстановке. Это очень важно. И еще, я бы не хотел, чтобы моя дочь вышла замуж не за еврея. Хотя я толерантный человек и ко всем отношусь с уважением, но для еврея, да еще кавказского еврея, смешанный брак — это проблема. Для нас, даже не религиозных, еврейская религия — это образ жизни. Конечно, у нашей дочери право выбора, последнее слово за ней. Мне без разницы, за кого она выйдет. Ашкеназский, бухарский, горский... мы один народ. Главное, чтобы он был порядочным человеком. Кстати, у нас прекрасная молодежь. Учатся, работают. Нам есть кем гордиться: у нас есть свои врачи, адвокаты.

— ***Олег, у Вас много друзей?***

— Круг знакомых большой, друзей — мало. Друзья должны быть рядом и тогда, когда у тебя все хорошо, и в трудную минуту. Ценю готовность помочь. Меня мой дед, а он был мудрый человек, учил, чтобы я ценил доброе отношение к себе. Не терплю ложь, она всегда рано или поздно обнаружится.

— ***А подлость прощаете?***

— Простить могу, пусть Вс-вышний рассудит, но стараюсь быть подальше от таких людей. Я сентиментальный человек, а моя супруга более реально смотрит на мир и людей и старается оградить меня от подлых людей. Спасибо ей за это. Она очень справедливый человек.

— ***Как Вы считаете, у нас есть община?***

— В том понимании, как я понимаю общину — нет. У нас нет настоящих лидеров. Почему-то, у нас не терпят неординарных людей. Вот пример, Виктор Абаев, столько делает и для общины, и для Израиля, но люди сами ничего не делают и не могут признать заслуги другого человека. То ли зависть, то ли неспособность шире смотреть вокруг себя. Нам нужен фонд, Виктор не раз говорил об этом, но... не получается. Смотрите, ведь у нас есть люди, которые имеют больше финансовых возможностей оказывать помощь общине... Виктор — инициатор многих добрых дел и здесь, и в Израиле. Я его очень уважаю и ценю. Он мне как брат.

— ***Кто у нас лидеры?***

— Я не знаю таковых. Был Михаил Дадашев, к сожалению, он умер. У него была хорошая аура. Лидер должен уметь увлечь идеей людей, лидер должен быть харизматичным человеком, чтобы люди тянулись к нему. Может, потому и нет общины. Я понимаю, что общи-

на — это семья, где все болеют за всех. И за детей, и за пожилых. Не завидовать, а помогать надо друг другу.

— ***Олег, что надо сделать, чтобы оживить жизнь общины?***

— Надо иметь актив, не отдельных активистов, а сплоченный актив, надо, чтобы наши предприниматели поддерживали его.

— ***Да, Вы правы, наши активисты тянут одеяло «славы» на себя, все хотят быть генералами.***

— Теплое и доброжелательное общение с земляками, как показала жизнь, важно и интересно. История, обычаи, праздники и традиции еврейского народа — одна из главных задач организации работы в общине. Задачи возрождения и сохранения еврейской общинной жизни и культуры особенно актуальны в новой диаспоре.

— ***Вы все правильно понимаете, так давайте действовать. Давайте соберем небезразличных людей.***

— Надо подумать. Я посоветуюсь с Виктором Абаевым и с другими нашими представителями общины.

— ***Спасибо за интересный разговор. Удачи Вам во всем.***

Олег попросил своего сотрудника подвезти меня домой, и по дороге тот рассказал о том, какой Олег Мавсумов прекрасный руководитель: «Все, кто с ним работает, уважают его за человеческие качества. Он никогда не кричит, все сводит к шутке. Чуткий человек. Он никого не увольняет. Знает проблемы своих сотрудников. Прекрасный муж, отец, а какие у него прекрасные дети. У него на всех хватает душевного тепла».

2014

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ Г. ДЕРБЕНТА И ОБЩИН ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Знание истории — не панацея, не универсальный инструмент решения современных проблем, однако оно чрезвычайно полезно для осмысления происходящего сегодня и, порой, удивительным образом помогает, если не изменить, то скорректировать наши представления,

судить о современной ситуации. 2000-летие г. Дербента привлекает ученых, этнографов, историков изучать историю этого уникального города. Его легендарная история оставила неизгладимый след в истории всех народов Северного Кавказа.

Судьба Дербента необычна и удивительна. Это один из немногих городов, который возник в глубокой древности и, несмотря на многочисленные разрушения, сохранил свой облик до наших дней. В этом городе издревле жили горские евреи.

История свидетельствует об уникальности нашего субэтнуса горских евреев. Живя более полутора тысяч лет в инородной среде (в Иране среди луров, утиев, каспиев, албанов, мидийцев, в Дагестане среди гуннов, болгар, хазар, черкесов и других северокавказских племен и народов) горские евреи сохранили свои первоначальные корни происхождения: семитскую основу, особенности психологии, самобытную культуру.

По сообщениям античных, древнеармянских и арабских авторов горские евреи жили в городах Албании, Гандже, Шеке, Нахичевани, Шемахе, в ремесленных центрах Дербента, Тарту, Охли, в сельских населенных местах по рекам Рубас, Аксай, Сунжа и Терек. Они занимались ремеслом, торговлей, сельским хозяйством. И не от хорошей жизни постоянно шел процесс миграционных перемещений. В конце 19 века во время социально-экономического развития регионов, где жили горские евреи, наблюдалось резкое имущественное расслоение, разделение на сословия, но горские евреи внутри своей общины сохраняли равенство. И хотя были богатые торговцы, раввины, учителя, но, как свидетельствуют архивные материалы, горские евреи не допускали среди своих нищих или просящих подаяние, поддерживали одиноких вдов, психических больных.

Так в 1854 году в ауле князя Ахлова оказалась девушка Бенихан, украденная из дагестанского села Турки и проданная кабардинскому владельцу. Жители нальчинского еврейского поселения Ягья Куденатов, Амир Ибрагимов, Устархан Мушаилов, Панук Гилядов предприняли все, чтобы освободить пленницу. Архивные материалы гласят, что богатые горские евреи выделяли средства на строительство синагог, обучение одаренных детей из своих общин. Купец первой гильдии владикавказец Адам Ашуров выделил в 1872 году 5000 р. на

счет Грозненского женского училища. Он определил именные стипендии детям из малоимущих семей.

Жизнь горских евреев никогда не была легкой. Она зависела от отношения князей, царя, власти. В основе взаимоотношений между людьми были семейные связи, общественные структуры географическая близость расселения по Кавказу. Горские евреи, жившие на Северном Кавказе, тесно были связаны с общиной Дербента. В XIX веке религиозный центр горских евреев располагался в Дербенте. Ведение их духовных дел зависело от раввинов, подчиненных главному Дербентскому раввину.

Общины горских евреев вобрали в себя многовековой опыт выживания. В 60-е годы 19 века Терская сословно-поземельная комиссия заложила требования, которые были направлены на лишение евреев земельных наделов, им приходилось переселяться в города. Читая газеты «Кавказ», «Вестник Кавказа», «Каспий», «Терские ведомости», явно видно отрицательное отношение авторов к горским евреям.

В документе от 1869 года читаем: *«...Вследствие нового ходатайства местного начальства, Его Высочество, приняв во внимание крайнюю бедность горских евреев, разрешил оставить их в Кумыкском округе, на прежнем положении, впредь до преобразования управления существующими в Терской области слободами, тогда могут быть причислены эти евреи»*. (Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. Тифлис. 1869 с. 43, 45)

В газете «Кавказ» (1885. N77. 22 марта) Б. Ф. Миллер пишет: *«...На Кавказе горские евреи снискали расположение наших властей... за услуги свои и усердие многие из горских евреев были награждены золотыми и серебряными медалями и ценными подарками от генералов Ермолова, Вельяминова, графа Паскевича, фельдмаршалов: князей Воронцова и Барятинского. Несмотря на тревожную жизнь... вели торговлю в мирных и неприязненных аулах, сеяли марену, гнали из винограда водку и спирт, разводили шелковицу, и первые из горцев Терской области стали посещать отдаленные русские города и ярмарки, и своею деятельностью и личным примером способствовали развитию разных промыслов в кругу горцев...»*.

Горские евреи занимались изготовлением конской сбруи, уздечек, седел, ноговиц, поясов, папах. Это характерно для горских евреев всех общин Кавказа. В 1888 г., когда император Александр III посетил Кавказ, делегация горских евреев встретила его хлебом-солью и высказала признательность России за предоставление равноправия с другими народами Кавказа.

Исследователи справедливо подчеркивают одно из основных значений обычаев гостеприимства и куначества. Их роль огромна в установлении добрососедских отношений и сохранения мирных отношений между народами, общинами. Так И. Ш. Анисимов пишет относительно дагестанских горских евреев, живших в окружении мусульман: *«...Каждый горец-еврей имеет в других аулах своих кунаков, еврея или мусульманина, у которых он останавливается; также и каждый мусульманин...»*. Армяне (черкесогаи), издавна жившие в Черкессии, осуществляя свою торговую деятельность, старались иметь кунаков среди адыгов. Грузины Тушети имели кунаков в Дагестане, в селении Хварши. По рассказам стариков, в сезон свадеб все взрослое мужское население находилось в Тушети, приглашенное на празднества. Когда у хваршинца родился сын, тушинец преподносил своему кунаку в подарок ружье, кинжал или коня. Исследователи осетинской культуры отмечают, что куначество сыграло положительную роль в общении осетин с другими народами.

Изучение данной темы и сегодня имеет актуальное значение.

2016 г.

ЮНЫЙ ДРУГ ИЗ СИРИИ

Работая в еврейском центре «Товуши» (г. Нальчик), я общалась с молодым человеком. Помню, как он пришел, представился, сказал, что он родом из Сирии, что его родители живут в Египте, а он учится в Институте сельского хозяйства в нашем городе. Сказал, что желает познакомиться с Торой. Я, конечно, дала ему на время Тору. Он стал

бывать у нас в центре очень часто. Мы с ним беседовали на самые различные темы. Надо сказать, что не всегда у нас было взаимопонимание, но мы оба пытались найти его. И даже, когда у меня не было свободного времени, я его находила для него. Парень выучил иврит, принес тетрадь, где выписал слова на иврите и арабском одного смысла. Говорил, что в образе жизни горских евреев и арабов много общего. У нас в центре была прекрасная еврейская библиотека. Основной фонд нам подарила американская организация ДЖОЙНТ. Бен, так он представился, часами изучал историю еврейского народа. Как-то я ему пожелала, чтобы на Ближнем Востоке наступил мир, и чтобы он работал в качестве посла Сирии в Израиле. Увы, мое пожелание было нереально... Я чувствовала, что он все больше понимал, что наш мир очень маленький, что Всевышний один, и что убивать людей самое большое зло. Я помню, как он высказался в начале знакомства, что терроризм палестинцев оправдан, но позже извинился и сказал, что был неправ. Бен был единственным ребенком, родители не хотели, чтобы его призвали в сирийскую армию. Они оплачивали его учебу. Его родителей не пускали в Нальчик, он очень тосковал. Я чувствовала, что он тянулся ко мне, как к маме. И на прощальном обеде перед моим выездом в США, Бен со слезами на глазах сказал, что в годы его жизни в чужой стране, я ему заменила маму. Когда у меня умерла моя мама, он прибежал и был с нами все семь дней. Он, с моего разрешения, заходил в комнату и совершал намаз. Кстати, мы называем нашу синагогу — нимаз. Я много раз задавала себе вопрос: «Почему люди ищут то, что разделяет, а не общее, то, что объединяет»? Я более пятидесяти лет дружу с кабардинцами. У меня русская подруга, Любовь Гай, которая мне заменяет сестру. Когда я уехала в Нью-Йорк, мой арабский юный друг писал мне письма, звонил. После 11 сентября он прислал мне письмо, в котором есть такие строки: *«...То, что случилось, поразило весь мир. Я против террора, тем более, когда он направлен на невинных людей...»*. В каждом его письме столько теплых слов: *«...Я часто Вас вспоминаю, мысленно советуюсь с Вами. Хожу в мой родной дом «Товуши». Это единственное мое любимое место...»*. И подпись: *«Тот, который никогда Вас не забудет»*. Это пишет араб-мусульманин еврейке. Я сознательно не называю его имя, чтобы не причинить ему вреда.

Прошли годы. Сегодня в Сирии, идет война. Не знаю, жив ли мой юный друг, но что-то беспокойно у меня на душе.

2005

P.S. Как будто Всевышний услышал меня, и в Интернете меня нашел Бен. Он прислал весточку. В настоящее время он живет в Дамаске. Женат, имеет двух девочек и просит у Всевышнего мира для своей страны.

2016

НЕОБХОДИМО УСЛЫШАТЬ ДРУГ ДРУГА...

Я получила сообщение, что в г. Казани (Татарстан) состоится Международный научно-практический симпозиум на тему «Арабо-Израильский конфликт и роль России в его урегулировании» и решила принять участие, хотя многие мне говорили, что это бесполезно и не нужно. Но я другого мнения.

До приезда в США я ходила на многотысячные митинги и кабардинского, и балкарского народов. Мое мнение, что необходимо говорить, выступать, писать, общаться. Считаю, что евреи проигрывают информационное поле в отличие от арабов-мусульман. То ли мы не хотим общаться, то ли не считаем нужным.

Я же твердо решила поехать. Мне пришло приглашение, и оставалось только найти спонсоров, которые бы взяли на себя финансовые расходы. К счастью, помог наш горский еврей из Москвы Герман Захарьев — руководитель Международного благотворительного фонда «СТМЭГИ» и семья Ханукаевых (Москва).

В первый же день до начала работы симпозиума нам показали синагогу, мечеть и церковь. Татарстан действительно толерантная мусульманская республика. Это прозвучало и в докладах Михаила Бунимовича, который говорил, что евреи в Казани живут еврейской жизнью, а директор государственной еврейской школы Ольга Трупп, выступая, подчеркнула, что 30 процентов детей — татарские дети,

и на вопрос к родителям, почему они отдают детей в еврейскую школу, отвечают: «А евреи не будут плохо учить своих детей».

Наконец, работа симпозиума началась. Обратите внимание на дату 14 мая — День образования Государства Израиль. И это совсем не случайно. Среди всех приветствий прозвучало выступление посла Государства (не существующего) Палестины в России Фаеда Мустафы. Он говорил, что регион Ближнего Востока нестабильный, и необходимы воля и ответственность всех, но ни слова не сказал, что необходимо, прежде всего признать право Израиля на существование. В холле я подошла к нему и пожелала скорейшего мира. «Израиль — развитая страна, и ваш палестинский народ только выиграет от мира», — сказала я ему. Он вежливо ответил, мило улыбнулся, хотя я чувствовала, что он не согласен.

Конечно, я представляла, что работа симпозиума будет острой и напряженной. Понимала, что мнения многих участников будут отличаться от произраильского, от моего, но когда услышала антисемита — журналиста М. Шевченко, ведущего Первого государственного российского канала, возмущению моему не было предела. Он заявил, что евреи живут незаконно на палестинских землях, что Государство Израиль агрессивная, фашистская страна, а ее армия — бандиты, которые причиняют страдания палестинцам. Но при этом он подчеркнул: «Появилась прекрасная возможность с появлением президента США Обамы положить конец экспансии израильтян. Происходит изменение американо-израильских отношений...», — страстное желание многих, кто хотел бы уничтожить Государство Израиль.

В перерыве я подошла к М. Шевченко и спросила: «Так вы считаете, что Израиль не имеет права на свое еврейское государство?», на что он мне задал вопрос: «А Германия имеет право на существование?» «Конечно», — ответила я.

— А нацистская Германия?

— Нет, конечно.

— Так вот, Израиль — нацистская страна. А вы приехали и живете на ворованной у палестинцев земле.

— А, вы из США? Так вы живете на земле индейцев.

Понятно, человек отрабатывает чей-то заказ и понятно чей. Я знала, кто по своим взглядам журналист Шевченко, но его выступление, которое носило ярко выраженный антисемитский, антиизраильский

характер, было по душе части участников симпозиума. Их волновало только положение палестинцев. В зале была группа арабских студентов. Самое страшное то, что эта часть слушателей видела выход в одном, что Государство Израиль не должно существовать.

Если объективно рассматривать взгляды участников, то можно было сделать вывод, что были и объективно настроенные ученые. Я высказала свое мнение организаторам симпозиума, что во время выступления Шевченко мне хотелось покинуть зал. Я подумала, что зря я десять часов летела через океан и десять часов ехала поездом. Но я видела в зале нормальных, умных ученых и продолжила свое участие в работе симпозиума.

Ученые говорили об исторических фактах и анализировали их. Так, молодой аспирант, изучив открытые источники, рассказывал об одном документе, где говорится, что у Сталина была идея вывезти палестинских арабов в СССР, в Среднюю Азию, и создать Арабскую социалистическую республику. «Благо», такой опыт был у Сталина, когда он целые народы Северного Кавказа переселял и обрекал на гибель, но это были мои мысли. Я подумала о трагических судьбах северо-кавказских народов.

Мое внимание привлек докладчик Салман Фарид Алибович (Казань, Россия), директор Центра исследований Благородного Корана и Пречистой Суры. В его докладе «Перспективы мусульманско-иудейского наследия» говорилось, что нас многое объединяет, но, к сожалению, идет огульное отрицание еврейских текстов, которые надо изучать. Даже шестиконечная звезда у мусульман и иудеев общая. Много общего в быту, в образе жизни. Сожалел, что молодежь не знает этого и забывает общие традиции. Вспомнил, что у пророка одна из жен была еврейка, а когда она жаловалась, пророк Мухаммед говорил ей, что она выше всех, она дочь пророка Моисея. В заключение он призвал к миру и добавил, что пуля не выбирает, кто мусульманин, а кто иудей. По ходу его выступления М. Шевченко нервничал и задавал провокационные вопросы.

Докладчик из Томска Савелий Вольфович Вольфсон, руководитель Отделения международных отношений исторического факультета Томского Государственного университета обратил внимание, что Израиль — великая страна в научном плане. И россиянам надо использовать этот потенциал. Но, как я поняла, его больше интересовал

вопрос, где найти кадры по преподаванию арабского языка. Я услышала от другого докладчика, что евреи — это армяне, и они жили не в Палестине, а в Армении. Вывод он сделал: евреи не имеют права на государство. Его научные изыскания в зале не восприняли. Говорили, что Иран — великая страна, а Израиль своими нападениями на Иран желает только одного — отвлечь внимание мира от палестинских вопросов. Большинство выступающих говорили о создании двух государств — еврейского и палестинского.

Защитником израильтян на симпозиуме была Закира Зарипова, татарка, которая вместе с мужем-евреем и двумя сыновьями выехала в Израиль. Ее сыновья служили в израильской армии. Вот что она рассказала:

В январе 2006 года в Израиле она организовала ассоциацию «Татары за Израиль», которую и возглавила. Татары Израиля выступают за необходимость признания Израиля мусульманским миром. В своем выступлении З. Зарипова рассказала, что подобная позиция вызвала резкое неприятие у определенной части мусульманского населения России, которое стало воспринимать татарскую диаспору в лице Ассоциации «Татары за Израиль» как предателей и изменников исламу. Однако сами израильские татары считают, что они не выступают против ислама, а, наоборот, подчеркивают своей позицией терпимость, толерантность и благоразумие.

Говорили докладчики о деятельности Хизбаллы, но никто не говорил об угрозе всему цивилизованному миру со стороны Аль-Каиды. О том, что весь мир захлестнул терроризм, что идет война двух цивилизаций.

Была предоставлена возможность выступить и мне. Тема моего выступления — Мир не должен взорваться. Конечно, я волновалась, понимая, в какой аудитории выступаю. Я должна была в коротком 15-минутном выступлении дойти до сердца даже тех, кто был настроен против. Я обратилась со словами:

— Уважаемые господа! Шалом Алейхем, Салам Алейкум!

В своем выступлении я говорила, что я и мои предки прожили среди мусульман, что мы накопили опыт проживания вместе, что впитали культуру местных народов, но остались евреями со своими традициями, религией, обычаями. Беспредел 90-х годов вытеснил нас. Мы стали беженцами и вынуждены были уехать в разные концы

света. А душа... там, откуда мы родом, где уже 20 лет идет война, и где очень тревожно. И где российская власть не может урегулировать конфликт. Я говорила, что приехала на симпозиум из Нью-Йорка, где живу уже 9 лет. Благодарна этой стране, которая приняла мою семью. Но в душе у меня моя любимая Кабардино—Балкария, где я прожила всю жизнь, как и мои предки, где жила моя горско-еврейская община, частичкой которой я являюсь.

В 90-х годах мне пришлось столкнуться с еврейскими беженцами из Чечни. Я знаю, что такое ковровые бомбардировки, знаю трагедию чеченского народа, еврейского, русского и других народов. Убеждена, что не может гореть один дом, и если не потушить пожар, будут гореть и другие дома. Помогли беженцам-евреям из Чечни, смешанным семьям руководители республики КБР — мусульмане. Российское правительство не интересовало судьба этих народов. Говорю это со всей ответственностью, зная факты того страшного времени.

При обсуждении конфликта между евреями и арабами возникает вопрос, а можно ли урегулировать арабо-израильский конфликт? Бывая много раз в Израиле, убедилась, что это прекрасная страна, где камни, песок и болота за короткий срок люди превратили в цветущий сад, и это в окружении недоброжелателей. Каждый раз приезжая в Израиль, я бываю в маленьком городе Сдерот, чтобы провести своих родственников. Я видела, как во время воздушной тревоги мой 5-летний племянник упал на пол и прикрыл головку ручками. И так каждый раз. Моему брату отсекали часть головы осколком, и ему пришлось делать несколько операций. Страдают дети и женщины и в Газе. Израиль много раз предупреждал палестинских лидеров, что вынужден защитить своих граждан.

Я разговаривала с людьми, выходцами с Северного Кавказа, Они все говорили, что до этих событий евреи имели деловые отношения с арабами. Ездили друг к другу, ели за одним столом. И вот все поменялось. Пришли на смену ненависть, вражда. Она идет не от народов, а от лидеров Газы. И евреи, и арабы хотят мира, но фанатизм, который берут на вооружение лидеры Газы, не дает людям созидать. Ведь разрушать легче. В ряде выступлений звучало восхваление Ирана.

Говоря об Иране, я вспомнила в своем выступлении, что недавно иранские эксперты пришли к выводу, что, оказывается, землетрясения в Иране происходят по вине неверных женщин. Вот уровень цивили-

зации страны. Мирный выход из арабо-израильского кризиса — это процесс двухсторонний. Необходимо, чтобы обе стороны шли друг к другу. Могли слушать и услышать друг друга. Необходимо учиться, как жить вместе, как разговаривать, как решать спорные вопросы.

Есть один только путь к миру. Если палестинцы и другие народы Ближнего Востока откажутся от идеи уничтожить Государство Израиль, от желания утопить евреев в море, все пойдет по-другому.

Пора миру понять, что Государство Израиль — это законный ответ Всевышнего, Истории на изгнание, на вечный галут и преследования, на смерть 6 миллионов без вины погибших евреев в Катастрофе.

Конечно, роль России в урегулировании этого острого конфликта велика, как и роль других великих стран. Но пока все страны ограничиваются только разговорами и соблюдают свои интересы. Возникает впечатление, что всем странам ни палестинцы, ни евреи не нужны. Это большая политика. И если такой журналист, как М. Шевченко, работает на Первом государственном канале, значит это кому-то надо.

Лидерам всех стран надо понять, что пришло другое время. Второго Холокоста не будет. Наш мир очень маленький, и если мы хотим выжить, сохранить наш общий дом для наших детей, то надо сделать все, что зависит от всех людей мира. Остановиться и спасти мир.

После выступления, мне стало легче. У меня было такое чувство, что я выполнила свой долг. Конечно, мое выступление не всем пришлось по душе, но зал аплодировал. Р.Р. Сулейманов, заместитель руководителя Центра евразийских и международных исследований Казанского государственного университета, сказал мне, что для него мое выступление было гораздо понятнее и ближе всех остальных. И я ему верю.

Я получила в подарок книгу «Долгая шестидневная война. Победы и поражения СССР на Ближнем Востоке». Автор — Рамазан Джагафарович Дауров (Российская Академия Наук) — этнический черкес, подписал мне ее: «С горским уважением от автора». Кстати, книга написана объективно, автор использовал документы архивов.

Думаю, что Центр Евразийских и Международных исследований, организатор данного симпозиума, ставил благие цели. Надо отметить, что организация работы симпозиума была четкой. Прделана большая подготовительная работа. Соорганизаторами симпозиума были кабинет министров Республики Татарстан, Академия наук республи-

ки, посольство Государства Палестины в РФ (слово Государство без кавычек), Российский исламский университет, Институт востоковедения Российской академии наук, Союз арабских студентов Татарстана, Российская ассоциация израилеведческих исследований и другие организации.

Меня спрашивают: «Неужели вы не боялись выступать в таком окружении?» На что я отвечаю: «НЕТ. Надо говорить и убеждать. Нам надо научиться понимать друг друга».

Газета «Форум», 2010 г.

НАМ НУЖЕН ДИАЛОГ

Отклики на мою статью «Необходимо услышать друг друга» после ее публикации продолжали поступать более двух месяцев. Напомню читателям: я писала о своем участии в конференции в Казани, где, в основном, присутствовали мусульмане, имеющие разные взгляды на проблему взаимоотношений арабов и евреев. Участвовал и ярый антисемит М. Шевченко, журналист и ведущий Первого государственного российского канала, который разжигал страсти. Кстати, я не понимаю, зачем приглашать этого человека в Нью-Йорк и организовывать ему встречи с евреями, что было совсем недавно. Унижать себя?

В ходе работы конференции выступил уважаемый муфтий Казани Салман Фарид. Вот его — мусульманина, очень разностороннего и мудрого человека, хотелось бы пригласить к нам в Нью-Йорк. Я получила от уважаемого Салмана Фариды поздравление с праздником Рош-ха-Шана, адресованное всем евреям:

Уважаемая Светлана Ароновна!

Поздравляем Вас с Новым, 5771 Рош-ха-Шана! Пусть Вам будет записано только хорошее в Новом году! Ле-шана това у-метука! Всех благ, счастья, успехов в Вашей благой миссии! Хаг sameax!

Примечательно, сегодня, с заходом солнца, наши великие праздники, то есть Ыйд аль-Фитър аль-Мубарак и Рош-ха-Шана совпали по дате! Пусть это будет добрым знаком, и мир да установится на Святой для всех земле!

С уважением, муфтий Фарид Салман.

А вот, что пишет руководитель конференции Раис Сулейманов:
Уважаемая Светлана Ароновна!

Вашу статью в газете «Форум» получил. Великолепная статья! И правильный вывод Вы сделали: «Надо — надо говорить и выступать!!» даже если и на этих конференциях присутствуют одиозные «эксперты». Ведь если молчать и не участвовать (по принципу «Ну что я буду выступать? Там же будет этот антисемит Шевченко.» — это страусиная позиция и, к сожалению, именно из-за этого, увы, Израиль проигрывает информационную войну. Нужно обязательно участвовать во всех свободных дискуссиях, чтобы позиция Израиля была озвучена и понята, иначе придется признать свой проигрыш. А это никогда нельзя допустить.

С уважением, Раис Сулейманов

Из Израиля мне пришло письмо от Хавы Тор. Оно также заслуживает внимания:

... Дорогая Светлана!

Я сильно переживала, читая Вашу публикацию. Вы сделали огромное дело. Спасибо.

Немного о себе. Зовут меня Хава Тор, живу в Иерусалиме, добровольно работаю фотокорреспондентом международного правозащитного СМИ «Эпок Таймс» на иврите и русском. СМИ было основано в 1999 году после трагических событий в Китае, когда начался геноцид духовного течения Фалун Гонг. По жестокости и масштабам преследований невинных людей этого течения, пожалуй, можно сравнить только еврейский Холокост, а то и больше (китайцев, практикующих Фалун Гонг, около 100 миллионов).

Еще раз спасибо за Ваш бесценный мирный вклад в этом бедном и несчастном мире. Я в этом году отдала своих детей

в единственную пока школу, в которой арабские и еврейские дети учатся вместе на двух языках. Школа называется «Рука об руку» (Яд бэ яд).

С уважением к Вам, Хава.

Сейчас, когда наше общество расколото и озлобилось, нам остро необходим диалог с нормальными людьми, независимо от вероисповедания, цвета кожи и политических взглядов.

2010 г.

БОЛЕЗНЕННАЯ ТЕМА: ПРОБЛЕМЫ ЕВРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ

Данная проблема для еврейского народа очень болезненная, и если ее не замечать, отмахиваться, делать вид, что ее нет — то проблема станет скоро катастрофической. Считаю, что последствия ее коснутся каждой семьи. Ситуация чувствительна и проблематична для еврейских общин разных субэтносов, что требует также глубокого изучения. Говоря о межнациональных браках, следует подчеркнуть, что в ходе ассимиляции теряется принадлежность к той или иной еврейской общности. Число смешанных браков в еврейской общине продолжает расти.

В последнее десятилетие еврейское население США уменьшилось на 7%. Подсчитать точное число — сложная задача. Но если рассмотреть данные, которые опубликованы, то вырисовывается следующая картина. В США организация United Jewish Communities (UJC) опубликовала сведения исследований, проведенных в 2005–2006 годах. Средний возраст еврейской общины становится выше, причем происходит это быстрее по сравнению со средним возрастом населения США в целом. На 2007 г. это 45 лет (что на 6 лет старше, чем десять лет назад), тогда как средний возраст в целом по стране составляет 37 лет. Возрастная группа младше 17 лет составляет 16% еврейского населения страны, а группа старше 65 лет — 23%.

По сравнению с другими этническими и национальными группами, населяющими США, евреи позже вступают в брак и, в среднем, имеют меньше детей. На сегодня уровень воспроизводства в семьях американских евреев ниже того уровня, который необходим для полноценного количественного замещения населения. Число детей на еврейскую семью претерпело большие изменения. В 1976 г. оно равнялось 2,12 на одну еврейскую женщину, а в 2006 г. — 1,45. Среди ортодоксальных евреев эта цифра значительно выше — до 4,4 ребенка и больше.

В семьях, созданных в результате смешанных браков после 1990 г., проживают 870 000 детей в возрасте до 18 лет. Из них 21% воспитываются как евреи, 44% воспитываются в других религиях. У 30% отсутствуют религиозные правила. Две трети детей не воспитываются в еврейской традиции. Если в 1965 г. было смешанных браков 9%, в 1970 г. — 13%, в 80 гг. — 38%, в 90 гг. — 43%, в 2003 г. — 47%, то в 2007 г. — 72%. Элиах Бергман, помощник директора Гарвардского центра по изучению народонаселения предсказал, что если направление тенденций еврейской общины не изменится, община сократится к 2070 году на 85%. Даже из тех, кто воспитан как еврей, только 10–15% заключают брачные союзы с евреями. Процент еврейских детей, посещающих дневные еврейские школы или иешивы — 23%.

Рассмотрим спектр еврейского населения в США. В США (согласно «Форбс») живут 108 миллиардеров-евреев или 30% от общего числа, что составляет 1 на 49 000 американских евреев. В среднем, миллиардеров в США 1 на 800 тысяч человек. По некоторым штатам картина еще выразительнее. В Калифорнии, самом богатом штате, на 36 млн. жителей приходится 90 миллиардеров, среди которых 31 миллиардер — евреи, составляющие всего 2% населения. В штате Нью-Йорк на 19 млн. жителей — 49 миллиардеров. Евреи составляют 5% населения и среди них 34 миллиардера или 70% всех миллиардеров штата.

В США живут 156 лауреатов Нобелевской премии в области наук (в среднем 1 на почти 2 млн. жителей), из них лауреатов-евреев — 71 или 1 лауреат на 80 тысяч американцев.

В последние десятилетия в США и Европе преимущественное внимание уделяется проблемам мультикультурализма и связанными с ним вопросами смешанных браков. К чему эта теория

привела, мы наглядно наблюдаем. Этническая идентичность и самоидентификация в смешанных браках в целом изучена недостаточно, хотя в последние три десятилетия она привлекает все большее внимание ряда исследователей. Это в значительной мере обусловлено спецификой понятий «этническое», «этническая группа», «этничность».

Смешанный брак является одним из важнейших демографических процессов, влияющих на структуру и будущее еврейского народа. В США происходит широкое расселение евреев по всей стране, в том числе и по небольшим городам, где число смешанных браков стремительно возрастает. В то же время в Нью-Йорке, где проживает самое большое число евреев в мире, еврейское население ассимилировано, поэтому в начале 2000-х гг. из евреев Нью-Йорка, состоявших в браке, 70% состояли в смешанном. Всего в США в 2004 г. 50% американских евреев, состоявших в браке, жили в смешанной семье. А так как в США среди еврейского и нееврейского населения усиливается тенденция не заключать официальные браки, то в целом в США 80% зарегистрированных и незарегистрированных семей, созданных евреями, смешанные. В смешанных браках большинство детей считают себя неевреями. В то же время, благодаря усилиям, предпринимаемым еврейскими организациями США, значительному повышению уровня образования в еврейских школах, все большее число детей, рожденных в смешанных браках, ощущают себя евреями: в начале 1990-х годов — только 18%–24% детей. Опрос и анализ полученных ответов по проблеме самоидентичности евреев позволяет выделить следующие группы:

— К первой относятся те, кто отвергает свою еврейскую составляющую, т.е. евреем быть не хочет.

— Вторая группа — это люди, которые свое еврейство не отвергают, но относятся к нему равнодушно. Они ощущают свою связь с еврейством только в ситуациях проявления антисемитизма по отношению к себе или к Израилу.

— Третья группа: люди, которые в каких-то ситуациях чувствуют себя евреями или итальянцами, испанцами, немцами и т.д.. Они говорят: «я чувствую, что я отчасти еврейка», или «я наполовину еврей», или «да, что-то есть во мне еврейское». Им трудно опре-

делить себя однозначно. Пример. Известный журналист В. Познер в документальном фильме «Еврейское счастье» четко подтвердил эту точку зрения.

— Четвертая группа: люди с осознанной самоидентификацией, не только по рождению, но по образу жизни.

Рассмотрим проблему этнической идентичности и самоидентификации в смешанных браках. Супруги в этнически смешанных семьях являются представителями различных культур. И от умения выстроить гармоничное сочетание разных культур зависит успешность именно такого брака. Именно в семье закладываются основы этнической толерантности, межкультурного диалога или, наоборот, негативных стереотипов и конфликтов на этой почве.

В нашей горско-еврейской общине г. Нальчика были такие семьи, но нужно обратить внимание на то, что нееврейские супруги вливались в общину и воспитывали детей в еврейском духе. Анализ происходящих в мире и в нашей стране процессов показывает, что одной из важнейших проблем современной цивилизации становится этнический фактор.

Надо отметить, что детям из смешанных семей бывает достаточно трудно. Еще более сложная ситуация возникает при наличии в дальних поколениях трех, четырех и более национальностей. Очень важен эмоциональный аспект. Это очень тонкий момент: эмоциональное принятие и сопереживание своему или чужому, как своему. Приведу стихотворение Э. Рязанова:

*Во мне бурлит смешение кровей...
Признаюсь, по отцу я чисто русский.
По матери, простите, я — еврей,
Но быть «жидом» в стране родимой грустно.
Разорван в клочья бедный организм.
В какой борьбе живет моя природа!
Во мне слились в объятьях «сионизм»
Навек с «Союзом русского народа».
То хочется мне что-то разгромить,
То я боюсь, как бы не быть мне битым.
Внутри меня семит с антисемитом,
Которых я не в силах помирить.*

В свое время Фрейд разыгрывал этот аспект на антисемитских и еврейских анекдотах для проверки: свой или чужой. Ведь анекдот либо эмоционально понятен, либо непонятен. Например: «Идут дедушка с внуком, птичка капает дедушке на шляпу. Он ее снимает и говорит: «Ну вот, смотри, Мойша, а православным они поют...». В своих исследованиях мы обязательно учитываем знание культуры, поведение и эмоциональную составляющую. Проведенные некоторое время тому назад исследования показали, что случаи крушения семейной жизни и разводов сравнительно более часты среди вступивших в смешанный брак, чем среди эндогамных пар, особенно там, где число смешанных браков невелико. Сравнительно низкая рождаемость среди смешанных пар является еще одним характерным последствием смешанного брака. Другая важная проблема — воспитание детей, рожденных в смешанном браке. Удивительно, но в США большинство детей от смешанного брака (свыше 70%) воспитываются в еврейском духе. Воспитание детей, рожденных от смешанного брака, несомненно станет одним из факторов, определяющих демографическое развитие еврейского народа в будущем.

Минусы межнациональных браков

1. Это несоответствие культур, традиций, обычаев, подходов к воспитанию. Именно из-за этих расхождений нередко возникают разногласия, вплоть до конфликтов. Обычно имеют значения такие аспекты быта, как ежедневное соблюдение ритуалов и обычаев, кулинарных традиций, а также религиозных обрядов, которые обретают особенную важность не только во время всевозможных постов и больших религиозных праздников, но и во время организации и празднования свадьбы, при рождении и воспитании детей.

2. Нередко межнациональный брак встречает непонимание и осуждение со стороны родителей, окружающих. Дети от смешанных браков закономерно впитывают ценности двух культур или, в поисках своей национальной принадлежности, находятся в постоянном компромиссе с собой и семьей. Смешанный брак является одним из важнейших демографических процессов, определяющих будущее еврейского народа. Такой брак почти всегда сопряжен с переходом одной стороны в религию другой.

Основные причины таких явлений, как смешанные браки: незнание заповедей иудаизма, игнорирование еврейской истории и традиций; ослабление запретов и налагаемых общиной санкций, сложность в большом городе найти свою пару. Даже оставив без внимания религиозный и общественный аспекты проблемы, в ситуации, когда смешанные браки и ассимиляция все более распространены, чисто демографический аспект — критерии подсчета евреев в общине, сам по себе становится проблемой, требующей решения. Нынешнее поколение находится в такой социальной ситуации, когда смешанных браков становится все больше. Сравнительно низкая рождаемость среди смешанных пар является еще одним характерным последствием смешанного брака.

Следует отметить, что хотя ашкеназских евреев большинство, но в религиозной и общинной жизни задают тон бухарские, горские и грузинские евреи. Семьи у представителей этих субэтнотетов более устойчивы. Одна из причин та, что в этих субэтнотетах связь с представителями старшего поколения более тесная. Для них крайне важно сохранить связь с иудаизмом, вырастить детей евреями. Важно воспитание молодежи в еврейском духе.

Результаты проведенных мною исследований полевого материала позволяют сделать следующие выводы: — в настоящее время идет интенсивный процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур; — жизнь в многонациональном регионе невозможна без взаимопроникновения культур, в том числе и без межнациональных браков. Найти свою половинку в условиях урбанизации всегда было трудно, а в наше время, когда мы живем в большом городе, еще сложнее. Многие молодые люди надеются на случай. А где этот случай — на улице (?), в баре (?), в ресторане (?), на работе (?), в Интернете (?). Следует отметить факт, что все чаще создаются семьи между представителями наших общин. Идет естественный процесс сближения и интеграции представителей еврейских субэтнотетов. Есть смысл продумать формы работы еврейских организаций в этом направлении.

2016 г.

6-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БУХАРСКИЕ ЕВРЕИ:

Актуальные вопросы истории и культуры в Израиле»

12–15 сентября 2014 г. в Израиле состоялась 6-я по счету конференция по вопросам истории и культуры бухарских евреев. Самой многочисленной была делегация из Нью-Йорка в составе: д-р Роберт Пинхасов (рук. делегации), проф. Иосиф Калонтаров, Давид Мавашев, Борис Мунаров, Рафаэль Некталов, Ашер Токов, Борис Якутилов и я, Светлана Данилова — представитель горско-еврейской общины. В офисе Всемирного конгресса бухарских евреев (ВКБЕ) в Тель-Авиве прошла встреча Оргкомитета конференции в составе: Марк Фазылов (пред.), д-р Хана Толмас (пред. Форума исследователей истории), Тэдди Пинхаси (генеральный директор ВКБЕ), профессор Эдуард Якубов (президент Холонского технологического института / ХТИ/), Жанна Коэн (зам. мэра гор. Ор-Йегуда), Михаил Кимягаров (председатель Культурного центра выходцев из Средней Азии), Нисон Ниязи (зам. Президента Союза бухарско-еврейских писателей Израиля, Гавриэль Сафиев (зам. Президента Ассоциации выходцев из Самарканда), Ильяу Лодаев (вице-президент «Брит Йоцей Бухара»), М. Якубов-Коэн (член СП Израиля) с участниками конференции, прибывшими из других стран. Из Вены прибыли Шломо Устониязов, Ицхак Алаев-Илиав и Славик Якубов, из Таджикистана — проф., ректор Российско-славянского университета Парвонахон Джамshedов. Во встрече участвовали также А. Арье — руководитель волонтеров Конгресса, Я. Мошияхов — координатор Конгресса в Иерусалиме, гл. редактор газеты «Менора» Леонид Елизаров, член президиума ВКБЕ д-р Яков Аvezбакиев и др.

М. Фазылов представил всех собравшихся и остановился на организационных вопросах проведения конференции и связанных с ней мероприятий. В отличие от предыдущих конференций участникам были вручены буклет с программой и изданная книга отобранных составителями (М. Фазылов и Х. Толмас) докладов 56 авторов из Израиля, США, России, Канады, Австрии, Таджикистана, Узбекистана,

6-я Международная конференция.
Тель-Авив. 2014

Австралии под названием «Время собирать алмазы» объемом 287 стр. Отметим, что 20 авторов из этих 56 — из США, что составляет 36%, 27 израильтян. Среди авторов 18 докторов наук и профессоров и 11 кандидатов наук, известные исследователи, писатели, журналисты, общественные деятели.

В своем выступлении я, как представитель общины горских евреев Нью-Йорка, отметила:

«Мы, бухарские и горские евреи оказались вместе в США и др. странах. Жизнь наших субэтносов всегда зависела от правителей. Мы связаны одной судьбой. У нас много общего в традициях, обычаях. И проблемы у нас общие. Это распад семей, ассимиляция. Встала проблема формирования новых взаимоотношений в семье. Как горские, так и бухарские женщины стали самостоятельными, а наши мужчины не перестроились. Далеко не вся молодежь понимает, где их корни. Необходимо привлекать молодых исследователей, ученых к решению проблем. Очень

важно, чтобы мы, наши традиции, наша культура, не оставались в замкнутом пространстве, а находились в постоянном развитии, в движении навстречу всем, кто хочет прикоснуться к истокам нового знания. Только объединив общие усилия мы можем решать эти проблемы».

Общее впечатление от конференции, встреч и общения с израильскими коллегами и коллегами из других стран было весьма благоприятным. Организаторы конференции сделали все возможное для плодотворной работы и оказали нам широкое гостеприимство. Почти в каждом выступлении рефреном звучал призыв привлекать молодых исследователей нашей истории и культуры, пока их единицы. Данная конференция будет способствовать дальнейшему усилению научно-исследовательской работы в изучении истории, культуры и традиций бухарских евреев.

Сентябрь 2014 г.

МИР ВАШЕМУ ДОМУ

Вот уже 15 лет я живу в Нью-Йорке, но большую часть своей жизни я прожила среди кабардинцев. Мои предки, пять поколений которых я знаю, также прожили среди них. Кто хотя бы раз побывал на курортах этого региона, на всю жизнь запомнил удивительнейший уголок планеты Земля. Снежные вершины Великого Кавказского горного массива, водопады, озера, альпийские луга. Сюда приезжали поэты, этнографы, путешественники, туристы и альпинисты, здоровые люди и очень больные, которые поправляли свое здоровье благодаря нарзановым источникам и лечебным грязям. Больно и обидно писать о том, что там сегодня происходит. Больно, потому что я родом из этого края, больно потому, что община горских евреев, хоть и малочисленная, продолжает там жить.

В 90-е годы, с развалом бывшего СССР, начался исход горских евреев с Северного Кавказа. В основном, исчезали еврейские общины. Евреи уехали не от народов, а от произвола, который царил везде. Простые люди говорили нам — с вашим отъездом исчезает берекет (благословение). Известно, что евреи — барометр, если они массово покидают нажитое место, на смену мирной жизни приходит война. К сожалению, нет дня, чтобы не стреляли, не убивали в этом прекрасном крае России, на Северном Кавказе.

Вслед за евреями уезжают русские, армяне, молодежь коренных народов, но вот вопрос — куда им уехать? У евреев, Слава Б-гу, есть Государство Израиль, но куда должны с родных мест уезжать другие? Где рецепт для нормальной творческой жизни на родной земле?

Я думаю, мудрость людей в том, чтобы находить общий язык, создавать условия для общего проживания. И в Торе, и в Коране написано, что спасение одной жизни — есть спасение всего человечества, и неважно, какой ты национальности, неважно, мусульманин ты, христианин или иудей.

Современный писатель Казбич-Чеченский — мусульманин, писал в своей статье: *«...Когда люди появились на свет, Господин Вселенной дал каждому народу свой язык, свою землю, свою культуру и традиции. И никто на земле, кроме самого Господина миров не в праве их отнимать и подменять фальшивыми ценностями...»*.

Эта статья — крик моей души. Мне больно потому, что мои друзья — русские, кабардинцы, балкарцы, осетины, чеченцы, ингуши, народы Дагестана живут в этом прекрасном крае, а я от них далеко. Я живу в Нью-Йорке, но, поверьте, у меня болит душа за людей, живущих там. В Нальчике могилы моих родителей, там остаток моей общины, там мои друзья — мусульмане, русские..., все для меня родные люди. Сегодня в страны мира пришла идеология экстремизма. Идет война то там, то тут. Мой юный друг из Сирии, который учился в Нальчике, написал мне:

Дорогая Светлана Данилова!

Моя страна Сирия, в настоящее время подвергается терроризму, и терроризм является болью в мире. Сирия сегодня врач, который лечит эту боль, с помощью друзей, в том числе и России. Мы все помним и знаем о терроризме, что прошли в России

и других странах в предыдущие годы. Это означает, что боль одна, и терроризм один. Это суть того, что мы говорили во время наших встреч в Нальчике. И наши взгляды были полностью идентичны. Прошу Вас это сообщение отправить всем.

Тот, который Вас никогда не забудет, Ваш сын Бен. 12.08.15

И если мы не хотим вернуться в каменный век, мы должны уметь жить в мире, в понимании, в терпимости. У нас был столетний опыт совместного проживания на Кавказе. Живя веками на Кавказе, горские евреи выработали похожие с соседними народами традиции, обычаи, обряды, восприняли общекавказскую одежду, украшения, но при этом оставались верными своим предкам, вероисповеданию, оставаясь евреями. Представители нашего старшего поколения прекрасно знали языки кабардинцев и балкарцев, и это помогало вместе жить. Черкесы, приезжая в город, останавливались в еврейских домах, так как знали, что горские евреи не употребляют свинину, что уклад жизни очень похож. Мы живем по Адату, а это неписаный Кодекс чести и достоинства, передаваемый из поколения в поколение. В Адате отражены нормы и правила поведения, семейные и бытовые отношения.

Даже когда мы живем здесь, в США, мы продолжаем жить по адату. Стараемся, чтобы наши дети не забывали наши обычаи: уважение к старшим, забота и ответственность за детей всей общины, гостеприимство, взаимопомощь. Если Вы попадете на еврейскую свадьбу в любом городе Израиля, США, Австрии, Германии, вы увидите, что все танцуют кавказские танцы.

В республике Кабардино-Балкарии нас считали своими. Конечно, были разные периоды взаимоотношений. Наша жизнь на Северном Кавказе всегда зависела от того, кто был во главе. Зависела от отношения князя к евреям, от первого человека в период коммунистов, который стоял у власти, от Президентов в настоящее время.

Но в самое тяжелое время, в годы фашистской оккупации, простые люди — кабардинцы и балкарцы, повторяю — мусульмане, спасли нашу горско-еврейскую общину от полного уничтожения. Они прятали в своих домах горских евреев, рискуя своей жизнью. Даже полиция доказывали, что мы коренной народ, и тем самым отодвинули

срок расстрела, а Красная Армия успела освободить республику от фашистов. Такое забыть нельзя. И мы благодарны этим народам.

И если мы не хотим вернуться в каменный век, мы должны уметь жить в мире, в понимании, в терпимости.

Хотелось бы обратиться к людям:

Мир вашему дому. Шалом-Салам!

2016 г.

НАШИ ТРАДИЦИИ. ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

Дорогие читатели, мне бы хотелось привлечь Вас к разговору о традициях горских евреев. Кавказские народы всегда славилась своими традициями, которые имеют вековую историю. Много чего менялось и упрощалось, но нерушимым осталось правило гостеприимства. Одна из прекрасных традиций.

Я помню, как мне рассказывали о моей бабушке Руты, которая свой день начинала с обхода родных. У нее была потребность узнать, как себя чувствуют ее родственники. Она не предупреждала, что придет. Приходила, узнавала, как обстоит жизнь в семье, нужна ли им ее помощь и шла в другой дом. Моя мама в свой выходной день обязательно шла к родителям, к сестрам. Если ее помощь требовалась, помогала и уходила. Она не ждала, чтобы ее звали. Я, в свою очередь, брала своих детей и тоже в свой выходной день посещала родных. Дома были открыты.

Давайте рассмотрим эту традицию с исторической точки зрения. Гостеприимство — одно из фундаментальных понятий человеческой цивилизации. Человеку как биологическому существу было всегда непросто выживать на планете Земля: чтобы жить, он, как справедливо утверждается в русской поговорке, должен «уметь вертеться». Для того чтобы выжить в разомкнутом мире, человеку нужно было стать «своим среди чужих», то есть быть допущенным к временному пребыванию в этом подпространстве теми, для кого оно является замкнутым, и даже получить их поддержку и помощь в обмен на гарантию

такого же отношения к себе, когда они окажутся на вашей территории. Это и есть ни что иное, как гостеприимство. Работая с архивными документами 19 века я нашла газету «Новое обозрение», которая выходила в Тифлисе с 1884-го по 1905 г. Меня заинтересовала статья А. Т. Васильева (1889 п 1752, 19 января): «...*Из обычаев горских евреев заслуживает внимание обычай гостеприимства. Странник, зашедший в саклю еврея, почитается лицом неприкосновенным. Первый долг хозяина семьи позаботиться о спокойствии гостя и накормить его, если он голоден. Сакли горских евреев невелики, одноэтажны, крыши плоски со скатом для стока дождевой воды и только у немногих имеются дома с черепичными или железными крышами. У всех над саклями поделаны навесы.*

Если вы зайдете в саклю горского еврея, вы увидите удивительную смесь роскоши с нищетой. Внутреннее расположение саклей таково: они делятся на две или три комнаты. Одна из комнат, которая убрана лучше и чище других, называется кунацкою. В кунацкой всегда царит полумрак, потому что ставни отворяются только во время пребывания гостей. Хозяин бережет эту комнату, сам редко в нее входит, заботится об ее чистоте — в кунацкой вся его гордость, все его богатство...»

Так было в 19 веке. Беседуя с кабардинцами, мне говорили, что часто в их села приходили или приезжали горские евреи. Они занимались меновой торговлей. Меняли мелкие промышленные товары на продукты питания. Их всегда хорошо принимали. До революции и в первые годы 20 века базар был в Нальчике, он действовал по воскресным дням. Кабардинцы и балкарцы приезжали в Нальчик, стучали в дома совершенно незнакомых горских евреев, останавливались у них на ночь. Они знали, что евреи не употребляют свинину. Их это устраивало, и их с радостью принимали. Традиция гостеприимства была в действии. Как не вспомнить семьи кабардинцев, которые прятали у себя в домах горских евреев, спасая их во время фашистской оккупации от расстрела. В конце 20 века ситуация на Кавказе сложилась таким образом, что многие горские евреи покинули родные края. Сегодня горские евреи живут в городах Израиля, США, Германии, Канады, в Пекине. Что же происходит с нами, с нашей традицией гостеприимства? Я прекрасно помню беседу с Людмилой Авшалумовой, которая была удивлена, когда ей предоставили прекрасную, хорошо

обставленную комнату, но в бейсменте, т.е. в полуподвальном помещении. Здесь, в США, это помещение отводится для гостей. Я была в гостях в Израиле, в городе Сдерот. И мне, как дорогому гостю, отвели комнату-бомбоубежище, самую надежную от ракет, которые летят из Газы.

Сегодня уже нельзя прийти в гости, не позвонив, не согласовав с хозяевами, даже если они не работают. Это другой образ жизни, другая ментальность. Да и ходят в гости редко. Наверное, урбанизация дает о себе знать.

Кстати, в Америке в последнее время стали изучать и учить менеджменту и маркетингу услуг гостеприимства на университетском уровне. Актуальным является известная работа — книга Джона Уокера «Введение в гостеприимство». Целью изучения дисциплины является приобретение студентами теоретических знаний об истории гостеприимства с учетом мирового опыта, национальных и культурных традиций народов, современных достижений мировой науки в организации приема гостей из других стран и регионов в условиях огромного интереса в мире к развитию туризма и индустрии гостеприимства. Задача же изучения дисциплины — это формирование знаний в области истории приема гостей, паломников и туристов на протяжении последних двух тысячелетий и на современном этапе.

А как нам не потерять то ценное, что нам оставили наше старшее поколение?

2016

Мемориальный парк, Бруклин. 2016

4. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

ИХ ДЕТСТВО ЗАБРАЛА ВОЙНА

ОЧЕРКИ О ХОЛОКОСТЕ

БЕСЕДЫ С. ДАНИЛОВОЙ С ТЕМИ, КТО ПЕРЕЖИЛ ХОЛОКОСТ.

Последние свидетели войны — это живая память. Многие годы я записываю интервью и воспоминания непосредственных участников,

людей пожилого возраста, которые пережили фашистскую оккупацию. Их воспоминания наполнены яркими повествованиями о том времени, о страхе, о голоде, о смерти, о жизни. Слушаешь эти воспоминания и перед глазами судьбы подростков, детей... Они испытали тяготы фашистской оккупации, эвакуаций, голод, артобстрелы, вражеские бомбежки, плен. У многих погибли отец или мать, а то и оба родителя. На их плечи легли недетские испытания, но они выжили.

Я, как человек, как историк, считаю, что обязана записать воспоминания этих людей, пока они живы. Я обращаюсь к нашим детям и внукам, друзьям и знакомым с просьбой поговорить с родными и близкими, родителями, бабушками и дедушками, записать их воспоминания и сохранить для потомков.

О Холокосте трудно говорить, думать, писать. Если бы этот кошмар XX века остался в прошлом, наверное, можно было бы хладнокровно исследовать его истоки. Увы, но история не учит, все повторяется.

Холокост — это общечеловеческая катастрофа, а не только еврейская национальная трагедия. Каждое поколение вынуждено ответить на вопрос, почему подобное стало возможным. Удивительно, но нет иммунитета от такого абсолютного человекоубийства. Известный британский государственный деятель и политолог 18 века Эдмунд Брюк справедливо заметил, что для того, чтобы зло восторжествовало необходимо лишь, чтобы порядочные люди ничего не делали.

Сейчас, когда мир в культурном плане разделен больше, чем когда-либо, когда поднялась новая волна антисемитизма, тема Холокоста заслуживает первоочередного внимания. Уроки Холокоста и предшествующих ему событий должны заставить цивилизованный мир защитить себя, чтобы всем не вернуться в каменный век.

И что же делать? Не молчать, не закрывать глаза, разум и сердце.

Я думаю, что необходимо постараться уйти от огромной безликой статистики и перейти на индивидуальный уровень. Необходимо использовать свидетельства очевидцев, которых остается все меньше, помочь понять чувства тех, кто пережил ад Холокоста. Вновь технически грамотные варвары, организованные в государственную машину, становятся инструментом массового террора и убийств.

Необходимо обратить внимание на ответственность равнодушных людей.

Когда пишешь о Холокосте, о 2-й мировой войне, приходится долго настраиваться, потому что тени прошлого затягивают в пучину боли, заставляют глаза наливаться слезами, сколько бы лет не прошло, сколько бы ран не зарубцевалось.

ХОЛОКОСТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ИСКАЖЕНИЕ ФАКТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ В ДАННОМ РЕГИОНЕ

Из истории Холокоста на Северном Кавказе

Много написано научных и художественных книг на тему европейского Холокоста, но совершенно не исследована данная тема Юга России и Северного Кавказа.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

В Крыму в 20 гг. был создан колхоз им. Шаумяна. Колхозниками были горские евреи с Северного Кавказа. Когда немецкие войска вошли в Крым, они вначале не обратили на них внимание. Но «доброжелатели» открыли фашистам глаза на это «упущение», и 114 горских евреев были расстреляны.

23 июля 1942 г. немецкие войска захватили Северный Кавказ, дальше они продвинуться не смогли. Они не успели захватить Грозный, Буйнакск, Кизляр, Дербент, где жили еврейские общины. На занятой территории были два центра с поселениями — еврейские колхозы в Богдановке под Моздоком и Менжинск.

ТРАГЕДИЯ БОГДАНОВКИ

При содействии местных предателей фашисты расстреляли всю общину — 472 человека. Долго дышала земля, несколько суток сельчане слышали стоны. На 15 грузовых автомашинах взвод немецких солдат вывез несчастных на окраину села. Мужчинам и женщинам вручили лопаты и заставили рыть колодец, затем фашисты стали стрелять. Рассказывает очевидец событий Сергей Амирамов: «Был такой

случай. Русская женщина спасла девочку Алису Призову. Она была единственным свидетелем на суде, когда судили предателя и убийцу Федора Шифера в 1964 году в станице Курской Ставропольского края. А меня спасла русская женщина Клава. Она, когда бабушку и дедушку, моих родственников вели к машине, подошла, взяла меня за руку, увела к себе домой и спрятала на сеновале. Мне было пять лет. Там же, на сеновале были девочка и два мальчика. 18 человек моих родных в этой могиле. Еще счастье, что мама и братья были в Грозном».

Самой большой общиной горских евреев, оказавшихся в руках нацистов, была горско-еврейская община Нальчика. Жили в городе и европейские евреи, в основном, интеллигенция — инженеры, врачи, преподаватели институтов. В Нальчик еще до 1941 года приехали в Кабардино-Балкарию европейские евреи, бежавшие от фашистов. Многие жили у горских евреев. Их приняли, но в первые дни оккупации по доносу предателей фашисты всех их расстреляли на стадионе и на ипподроме. Еще один из исторических фактов: В селе Кызбырун-1 до оккупации поселили 57 евреев из Крыма. Но жуткая смерть застала их на Северном Кавказе. Их собрали в сарае и сожгли всех. Уже в 2000 году мне, директору еврейского центра г. Нальчика, позвонили из сельсовета и просили приехать на поминальный митинг. Я обратилась в Республиканский архив, нашла документы с фамилиями, но не всех. Мы с раввином, со школьниками, с теми, кто пережил Холокост, поехали в это село. Останки этих несчастных людей были после войны перенесены во двор школы, но на памятнике нет не одного слова о том, что там покоятся евреи, жертвы Холокоста. На митинге выступали местные старожилы-мусульмане, те, кто помнит, как все это было. Выступали на митинге евреи, которые уцелели в Нальчике, те, кого спасли кабардинцы — мусульмане и Красная Армия. Звучали молитвы за упокой жертв Холокоста. Впервые зажгли свечи на их могиле. Это был день толерантности живых.

Евреи, зная прекрасно кабардинский язык, уезжали в кабардинские села. Их прятали, кормили, спасали, как могли. Мне рассказывали, как 16-летняя замужняя, беременная женщина с семьей мужа, который был на фронте, жила в семье кабардинцев в селе Зарагиж. У них своих было шестеро сыновей, из них двое были на фронте. Один из сыновей предупредил еврейскую семью, что надо им уйти ночью, ибо их утром, как евреев, расстреляют. Он работал в полиции. Его отец

дал лошадь с повозкой и кучером посадил своего 15-летнего сына. Так они, рискуя жизнью всех своих близких, спасли еврейскую семью. Из селения Исламей уходил на фронт Шалумов, оставляя жену и четырех сыновей. Он просил своих друзей кабардинцев, если он не вернется живым с фронта, не оставлять его детей. Во время бомбежки жена ослепла и вскоре умерла. Их детей забрали чужие люди. Полицай из их же села решил их выдать фашистам. Аксакалы, то есть, совет старейшин, предупредили его, чтобы он не делал это. Детей спасли.

О том, что пережили евреи во время оккупации сохранились документы и воспоминания очевидцев.

Время прошло, но память осталась. Память в сердцах. Свидетелей расстрелов евреев остается все меньше. В программах вузов, школ нет темы Холокоста, а это приводит к фальсификации фактов истории, героизации нацистов и их пособников.

Во время конференции, посвященной Урокам Холокоста, в Ростове-на-Дону (2001 г.), в которой участвовали заместители министров просвещения Юга России, педагоги, историки, нам зачитали сочинение школьника. Там были такие слова: «Если бы я был на месте Гитлера, то я бы уничтожал евреев оружием массового поражения». Автору данного сочинения 17 лет. В том же 2001 году на митинге Памяти репрессий балкарского народа ко мне подошел молодой человек и сказал: «Скоро новый Гитлер придет и уничтожит вас, евреев. Ждите».

Сегодня Кавказ горит, и это продолжается уже 20 лет. Кавказцы отличались чувством такта, готовностью прийти на помощь, бескорыстием. Всегда действовали неписанные законы — адат. Что же стало со всеми? И при чем тут евреи? Антисемитизм проник и на Северный Кавказ.

Но есть представители народов Кавказа, такие как Магомед Абдулхабиров, доктор наук, профессор, журналист, который так ответил на этот вопрос: «За последние 20 лет на Северном Кавказе взорваны, похищены и убиты многие тысячи людей. Ни один еврей не участвовал в этих злодеяниях! Ни один еврей не приватизировал берега и предприятия Дагестана. В числе глав аулов, районов, городов Северного Кавказа что-то не узрел я ни одного еврея...»

Журналист—чеченец Варсолт Мадагов писал: «Беспочвенные оскорбления, которые идут из разных источников в адрес многостра-

дального и героического еврейского народа, я считаю незаслуженными, более того, оскорбительными. Старики помнят, а чеченская молодежь не знает, сколько нас выручали и как помогали нам евреи. В 1944 году, когда депортировали весь чеченский народ в Среднюю Азию, евреи переживали и месяц держали траур, евреи отдавали свои сбережения, деньги, золото, чтобы чеченцы могли их обменять на кусок хлеба. А после возвращения евреи встречали нас с радостью. Они не заняли не один пустой чеченский дом. Я знаю, что многим чеченским и ингушским ребятам помогли стать на ноги, помогли стать известными. Но почему-то об этом молчат и не пишут».

Интересный факт, я тому живой свидетель, как Израиль вывез к себе на реабилитацию 55 чеченских ребят—сирот в ходе последней войны. Я уверена, что среди них не будет антисемитов.

С началом войны в Чечне (1994—1997 гг.) появились наемники-арабы, и поднялась волна антисемитизма. Появилась на прилавках магазинов антисемитская литература, в которой идет отрицание Холокоста. Я лично видела в магазинах Владикавказа книгу Гитлера. Не зная истории Холокоста, молодые люди охотно верят тем, кто искажает факты истории.

Там, где власть понимает насколько это опасно, это не допускается. Примером может стать Кабардино-Балкария, где серьезно относятся к данной проблеме. В республиканской прессе не позволяют публикаций, направленных на разжигание межнациональной или межконфессиональной розни. Журналисты не забывают о своей ответственности.

Хочу отметить то, как помнят уроки Холокоста в Нью-Йорке. В Мемориальном парке в Нью-Йорке поставили поминальный камень, символ памяти жертвам Холокоста в Богдановке, где 9 мая уже шестой год собираются горские евреи, чтобы почтить память, зажечь свечи и прочитать кадиш.

Считаю, что нам надо, пока живы очевидцы, записать, все, что они помнят.

Всемирный День Холокоста.
ООН. 2016

НЬЮ-ЙОРК, ООН: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ХОЛОКОСТА

27 января 2016 г. я в составе делегации русско-язычной общины поехала в ООН. Автобус нам предоставило представительство Российской Федерации в ООН. Как и в прежние годы, в зале собрались политики, дипломаты, представители различных рас и религий, представители еврейских организаций, узники Холокоста. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своем выступлении подчеркнул непреходящее значение сохранения памяти о жертвах Холокоста

и необходимости воспитания толерантности в мировом сообществе, без которой Холокост может повториться. Хотелось бы верить, что Генеральный секретарь говорил искренне, что его слова не были формальны. «Во время Второй мировой войны шесть миллионов евреев на систематической основе подвергались облавам и истреблению. Нацисты также убивали западных и восточных цыган, политических заключенных, гомосексуалистов, инвалидов, иеговистов и советских военнопленных», — напомнил Пан Ги Мун. Он подчеркнул, что Холокост был преступлением колоссального масштаба, которое невозможно отрицать.

«Отдавая дань памяти жертв и воздавая должное мужеству оставшихся в живых и тех, кто помогал им и освободил их, мы каждый год подтверждаем нашу решимость не допускать подобных ужасов и отвергать человеконенавистнический образ мыслей, допускающий совершение подобных преступлений», — сказал глава ООН... Он подчеркнул, что история Холокоста является суровым предостережением о том, что может случиться, когда мы перестаем осознавать нашу общую человечность.

К сожалению, могу отметить, что из года в год все меньше участвуют те, кто пережил ад Холокоста. Они уходят из жизни. Без волнения нельзя было слушать воспоминания тех, кто пережил это страшное время. Так, выступления со слезами Марты Вайс, Зони Вейца, взволновали всех в зале. Люди, пережившие ужасы Холокоста, рассказали в этот день с трибуны ООН немало правдивых, леденящих кровь историй семидесятилетней давности. Так Марта Вайс не на словах знает, что такое эксперименты доктора Менгеле по кличке «Ангел Смерти» на детях, особенно близнецах, в концентрационном лагере. Она помнит собак, которых все боялись, помнит, как у детей ежедневно брали кровь, т. к. еврейская кровь была очень хороша для немецких солдат. «Об Аушвице я могу сказать, что это было дьявольское место, где преступники разработали и применили технологию убийств». С трибуны ООН Марта Вайс обратилась с призывом остановить антисемитизм в мире, который, к сожалению, сегодня приобрел другие формы, когда достойные наследники нацистов — радикальные исламисты и террористы вновь толкают мир в пропасть и предрекают, как и тогда, «окончательное решение еврейского вопроса».

Постоянный Представитель Израиля в ООН Дэни Даннон сказал о том, как очень важно, что сегодня мы вместе, и призыв «Newer again» актуален сейчас. Также выступили представитель по связям с еврейскими организациями правительства Германии Феликс Клейн, Президент интернационального альянса «Холокост» Жабоч Тоакач.

Лично у меня сжималось сердце, когда я смотрела фото их семей, погибших в годы Холокоста. Все выступавшие говорили, что Холокост — это общечеловеческая катастрофа, а не только трагедия еврейского народа. Выступавшие предупреждали нас о бдительности и призывали мир не попустительствовать ни отрицателям Холокоста, ни тем силам, которые и сегодня готовы заняться массовым уничтожением еврейского народа, ни тем, кто хотел бы уничтожить Израиль.

Известный кантор Гореон Зилермуер вместе с мужским хором из синагоги Монреаля исполнил кадиш и еврейские песни. Также прозвучали еврейские песни в исполнении хора американской военной академии West Point, под руководством Габе Бэка.

Многие выступающие говорили о Праведниках Мира. Их было немного, но это были люди, которые, жертвуя собой, своими семьями, спасали евреев. Это был великий подвиг.

Праведники Мира — это выходцы из 44-х стран, среди них христиане и мусульмане, верующие и атеисты, образованные и неграмотные, богатые и бедные. Их объединяли человечность и мужество.

В своих выступлениях ораторы вспомнили Праведников из разных стран: Рауля Валленберга, шведского дипломата, который спас 30 000 венгерских евреев, Ирену Сендлер, польку, которая спасла 2500 еврейских детей... Более пяти тысяч Праведников Мира было в Польше, более четырех — в Голландии, около двух тысяч — во Франции, примерно тысяча девятьсот — на Украине, тысяча триста человек — в Бельгии. Венгрия, Чехословакия и Литва дали миру по полутысяче Праведников Мира, и столько же — Россия и Белоруссия вместе взятые. На первое января 2003 года насчитывалось 376 Праведников Мира из Германии, 325 из Италии, 253 из Греции, 267 из республик бывшей Югославии. В других странах Праведников Мира было меньше: в Латвии — 93, в Австрии — 84, в Албании — 61, в Румынии — 48, в Швейцарии — 38, в Норвегии — 20, в Дании —

17, в Болгарии — 16, в Великобритании — 13, в Швеции — 10. Есть Праведники Мира и на других континентах.

Я слушала выступающих и вспомнила простых людей в моей Кабардино-Балкарии, которые оттянули срок уничтожения нашей общины и тем самым спасли ее. Низкий поклон кабардинцам, которые прятали евреев в селах. На всех форумах в Израиле, в Берлине, в Ростове я, как историк, как дитя войны, как частица моей горско-еврейской общины, пишу и говорю об этом уникальном факте.

Впервые в этом году, в рамках проходящей в Москве «Недели памяти» в Государственной Думе России была открыта историко-документальная выставка «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение». Это первый подобный проект в истории российского парламента, приуроченный к 27 января — Международному Дню памяти жертв Холокоста. Выставку открыл спикер Госдумы Сергей Нарышкин. «Помнить о Холокосте, Второй мировой войне, цене Победы в Великой Отечественной войне — это нравственный долг человечества и гарантия его самосохранения», — сказал председатель парламента. — Если народы хотят жить в мире, недопустимо забывать о преступлениях и необходимо помнить о победителях». Завершив выступление, С. Нарышкин попросил почтить минутой молчания память жертв Холокоста и память советских солдат, погибших за освобождение нашей страны и Европы.

В Баку прошли мероприятия, приуроченные к Международному дню почитания памяти жертв Холокоста.

2016 г.

ПАМЯТЬ В НАШИХ СЕРДЦАХ

В августе 2007 г. прошла Международная научная конференция «Региональная история Холокоста на Северном Кавказе и судьбы интеллигенции в годы Второй мировой войны» (Ростов-на-Дону).

Я, как историк, член Совета Американского Центра изучения Холокоста, получила приглашение принять участие в конференции. Но

было одно но... надо было найти спонсора, который помог бы с приобретением авиабилета. И спонсор нашелся. Это Александр Юсупов, чья мама потеряла всех своих родных в Богдановке (Ставропольский край). Тесть Александра тоже потерял всех своих родных в этом же селе. Именно эта семья поставила мемориальный камень в Мемориальном парке Бруклина.

И хотя поездка не была легкой, я вылетела в Ростов.

Организаторами конференции выступили российский Научно-просветительский Центр и Фонд «Холокост», Институт Катастрофы и героизма европейского еврейства «Яд Ва-шем», Международная школа преподавания Холокоста, Институт российской истории РАН, Южный научный центр РАН, Южный федеральный университет и Центр Симона Визенталя при поддержке Российского еврейского конгресса, Федерации еврейских общин России, еврейской общины Ростова, фонда «Genesis» и «Claims conference» («Конференции по материальным претензиям к Германии»).

Участвуя в разных конференциях по Холокосту, я обращалась с призывом изучить трагическую судьбу евреев Северного Кавказа. Сопредседатель научно-просветительского центра «Холокост» Илья Альтман в своей речи отметил именно это. Он говорил, что обсуждение темы Холокоста на региональном уровне идет впервые. 12 августа, до начала конференции, тысячи людей шли к месту расстрела 70 лет назад в Змиевской балке. На руках людей была повязка со свастикой. Была она и у меня. Поверьте, я на миг почувствовала себя частичкой тех, кто был обречен на смерть. Разные чувства охватили меня. Возникали вопросы — почему, за что? За то, что эти люди были евреями? Мы шли, думая о многом. Шли люди старшего поколения, было много молодежи. Я видела и неевреев. Я видела, как человек преклонного возраста потерял сознание. Я слушала молитвы священников и раввинов. Вздволнованно выступила Алла Гербер. Она говорила о том, что Холокост — трагедия не только еврейского народа. Да, Холокост — это общечеловеческая катастрофа, а не только еврейская национальная трагедия. Каждое поколение вынуждено ответить на вопрос — почему подобное стало возможным. Но, самое удивительное то, что нет иммунитета от такого абсолютного человекоубийства.

Когда я подошла к мемориалу на Змиевской балке, то не увидела надписи, что там расстреляны, в основном, евреи. Спорят о количе-

стве расстрелянных. Называют и 17 тысяч, и 27 тысяч евреев. Каждая человеческая жизнь бесценна. Почему очень важно написать, что там в Змиевской балке расстреляны евреи? Да потому, что сегодня еще живы свидетели, а что будет знать молодежь об этой трагедии завтра? Как сообщал «Кавказский узел», в Змиевской балке мемориальная доска, посвященная жертвам Холокоста, была заменена на текст о «мирных советских гражданах». «Российский еврейский конгресс», Центр и фонд «Холокост» и «Московское бюро по правам человека» ранее выступили с совместным заявлением, в котором требовали вернуть упоминание о евреях на мемориальной доске. Однако администрация Ростовской области отказалась вернуть надпись о жертвах Холокоста на мемориал и заявила, что он не признан памятником жертвам Холокоста, а финансируется исключительно из бюджета города. Представители еврейской общины подали на городские власти в суд.

В ходе конференции звучали выступления участников, которые приехали из разных городов мира. Темой моего выступления была судьба горских евреев в годы войны. Трагедия жителей Богдановки, судьба горско-еврейской общины города Нальчика. Я говорила, что кабардинцы, спасая горских евреев, проявили своего рода героизм. Это подвиг не отдельных людей-праведников, а всего народа. Забывать об этом нельзя. Память об этих событиях в наших сердцах. В своем выступлении я говорила о значении источников — воспоминаний очевидцев. Работа по выявлению, сбору и обработке воспоминаний и свидетельств, как евреев, так и очевидцев нееврейской национальности только начинается. Но тех, кто пережил и остался жив, а так же свидетелей Катастрофы становится все меньше. Я рассказала, что в Нью-Йорке создана организация «Дети войны», о той работе, которую проводит центр горских евреев «Товуши».

Из Ростова-на-Дону я поехала в родной Нальчик. Обсуждение темы Холокоста с людьми продолжилось. Время прошло, но память осталась уже в следующем поколении.

2007 г.

ЗВОН ВОЙНЫ

Мне принесли две папки, в которых были подшиты документы, наградные листы, военный билет, газетные вырезки Рафаила Агаджанова, и его внуки попросили написать о нем. Дети, внуки Р. Агаджанова живут в Нью-Йорке и в Филадельфии. Детям участника войны, которые уже сами стали бабушками и дедушками, которые сами пережили Вторую мировую войну, не дают покоя воспоминания об отце и о том времени. Да и внукам все это интересно. Я встретилась с дочерьми Рафаила Агаджанова в Филадельфии.

Зачем мне надо было ехать в другой город? Думаю, надо, так как любые воспоминания — это наше наследство, наша история. Участники войны уходят в другой мир. Нельзя забывать тех, кто нас спас от фашизма, нельзя не донести до нашей молодежи эти воспоминания.

Итак, я дома у сестер Фарида Агаджановой и Маргариты Хануков.

С.А.: Фарида, у вас армянская фамилия.

Фарида: Да, в 19 веке у горских евреев не было фамилий. Мой отец рано остался без родителей, и друг его отца, армянин, дал ему свою фамилию.

— Расскажите о своем отце.

— Он был удивительный человек. Умный, трудолюбивый, честный. Ему даже доверили повезти в Москву ковер ручной работы — подарок Сталину.

Маргарита: Он был очень добрым не только в отношении родственников, но в отношении к чужим людям.

Фарида: До войны он окончил военное училище, работал в должности начальника парка почтовых вагонов отделения перевозки почты. Это была ответственная работа. Ушел на фронт, в 1942 году был тяжело ранен. У него в голове был осколок, который нельзя было удалить. Так и жил с осколком в виске. Он говорил: «Звон войны всю жизнь в моей голове, не дает ее забыть».

Маргарита: Папа получил награды за оборону Сталинграда, за оборону Кавказа, за свой труд. В 1945 году папу назначили начальником Бакинского отделения перевозки почты. Его не раз награждали. Давайте не будем забывать, что он горский еврей, но он так работал, что о нем писали газеты в Баку.

— *Когда он женился?*

Фарида: В 1935. Мы — дети войны. Я помню эти тяжелые годы войны. Помню, как мама ждала письма от отца, как материально было тяжело. Жили на пособие, а эти карточки... Помню, как мама говорила бабушке, что соседки получили извещения о смерти то мужа, то брата, помню, как собирались в их домах и причитали. Слушать плакальщиц было страшно. Помню, что много женщин в городе ходили в черном, были в трауре. Много я не понимала, была ребенком, но в моей памяти эти мрачные годы войны останутся до конца жизни.

— *Перед войной вы жили в Баку?*

Фарида: Нет. Отец повез нас в Белоруссию. Однажды мама пошла набрать воды, прибежала домой и закричала: «Рафик, на площади много людей, все говорят, что началась война». Папа выскочил из дома. Он был военный и понимал, что надо срочно эвакуироваться. Нас посадил в товарный поезд. Мама была в положении. Тяжело все это вспоминать... Я даже помню бомбежки в Баку. Фашисты рвались к нефти, хотели быстрее захватить Грозный и Баку.

— *Скажите, пожалуйста, вы застали годы перестройки?*

Маргарита: Лучше бы не застали. Началась война между Азербайджаном и Арменией из-за Карабаха. Центр развязал эту войну по принципу- разделяй и властвуй, а страдали люди. В Баку много было смешанных армяно-азербайджанских браков, армяно-еврейских. Сколько трагедий. Было очень страшно.

Фарида: Мы думали, что война закончилась в 1945 году, но мы ошиблись. Война в Афганистане, у нас, в Чечне...

Я расскажу один из эпизодов тех страшных лет. Моя дочь обменяла квартиру. Там жили армяне. Мне позвонила дочь: «Мама, к нам рвутся в квартиру, ломают дверь». Шла охота за армянами. Это были беженцы из Карабаха. Несчастные, озлобленные. Услышав телефонный звонок, я побежала на помощь к детям. На четвертом этаже стояли мужчины. Я кричала дочери, чтобы она просунула паспорта под дверь.

Надо было доказать, что мы евреи, а не армяне. Вдруг один из мужчин узнал меня как педагога политэкономии. Я, будучи ученой, преподавала в институте. Мы владеем азербайджанским языком, разговор был на их языке. Он сказал: «Все, вас никто не потревожит. Мы уходим». Разве можно было оставаться жить в такой обстановке. Мы твердо решили уехать. Все бросили. Больно, обидно. Но хочу сказать спасибо Америке, что нас приняла. Моя старость здесь обеспечена.

Маргарита: Мы уехали от стрельбы, от анархии. Мы хотим, чтобы там был мир, благополучие. У нас остались там родные, друзья, могилы родителей. Но мы рады, что наши дети здесь учатся, работают. Спасибо Всевышнему.

— **Чтобы вы хотели бы пожелать нашей молодежи?**

Фарида: Мира, никогда не пережить то, что мы пережили. Быть дружными.

Маргарита: Помнить и рассказывать внукам о наших родителях.

— **Я благодарю вас. Счастья, здоровья вам.**

2014

ГОРЕЧЬ ВОСПОМИНАНИЙ

(Беседа автора с Ириной Даниловой)

Я, Данилова Ирина, по мужу, а моя девичья фамилия Ифраимова. Родилась я в 1941 году, в городе Нальчике. Столько прошло времени, а горечь воспоминаний не дает мне покоя. Нет семьи, которую не коснулась бы проклятая война. Мы жили в маленьком городке, на Северном Кавказе.

Мой отец, Ифраимов Шамиль, 1919 года рождения. В 1939 году его призвали на действительную службу. До этого он успел жениться на моей маме, Елизавете. Она была уроженкой города Грозного. Ей тогда было пятнадцать лет. В то время девочек рано отдавали замуж. Выдать выдали, да прожила она с мужем всего один год, но успела за-

беременеть. В 1941 году родилась я. А в 1943 году пришло извещение, что мой отец пропал без вести. Как понимаете, отца я не видела и не знаю, где он погиб.

Мама осталась жить в доме родителей мужа. Обстирывала, убирала, готовила на всех. В доме всегда было много гостей, родственников и знакомых. Часто к нам приезжали из кабардинского села Заюкова. Мои дедушка и бабушка прекрасно владели кабардинским языком. Кабардинцы приезжали на базар, останавливались у нас. Они не боялись есть у нас, так как знали, что евреи не употребляют свинину. Надо сказать, что они нам помогали продуктами в голодные годы войны и в послевоенные годы. Я их не забуду и буду до конца своей жизни им благодарна.

Помню воспоминания моей мамы о том времени, когда немцы оккупировали Нальчик. Все мы, евреи, ждали, что скоро нас всех расстреляют. За что? За то, что мы евреи. Европейских евреев они расстреляли в первый месяц оккупации. А нас, горских евреев, проверяли и решали, что с нами делать. Немцы появились в нашем дворе и стали требовать, чтобы их кормили. Стучали по столу. У меня до сих пор стоит этот стук в ушах. Они стали питаться у нас в доме. Мама готовила на двадцать человек. А что было делать? Надо было выживать.

Однажды нас выдали, сказали, что наш отец служит в Красной Армии. За мамой пришли двое. «Это приказ», — объявили они. Маму вывели, она взяла на руки меня, 3-х летнего ребенка, и пошла. Бабушка и дедушка рвали на себе волосы, просили их оставить дитя, но мама меня не отдала. По дороге солдаты громко спорили на немецком. Один из солдат был русским, который владел немецким языком. Вероятно, ему стало жалко женщину, почти ребенка, и дитя. Случилось чудо, они отпустили маму. А, может быть, Всевышний помог. Она прибежала домой и потеряла сознание. Ее подхватили, и она месяц не могла встать на ноги, она не могла разговаривать.

В начале января всю нашу горско-еврейскую общину фашисты должны были расстрелять. Были готовы рвы и списки, но Красная Армия освободила наш город. Мы остались живы. Мама моя так и не вышла замуж, хотя ей предлагали. Она смотрела за стариками — родителями мужа, и воспитывала меня.

Мы с мужем и детьми приехали в Нью-Йорк. Здесь мой муж умер, но жизнь продолжается. У меня золотые дети. Они выучились, рабо-

тают. А мой внучек Даниель поет, участвует в конкурсах. Поет он на родном горско-еврейском, русском и английском языках. Все хорошо. Спасибо Б-гу!

Вот только память не дает покоя.

Бруклин, 2014 г.

ПОЛИНА ДАВЫДОВА

— Полина, расскажите, пожалуйста, что вы помните о войне.

— Мы последние свидетели той страшной войны. Когда началась война мне было два с половиной года. Конечно, я не могла помнить, но наша бабушка и мама так часто вспоминали об ужасах войны, что порой мне кажется, что я все помню. Дети не воевали в окопах, не ходили в атаку, но их тоже убивала война — голодом, холодом, бомбежками, тяжелым трудом, страшными известиями с фронта.

С первых дней войны моего отца Пейсаха Ашурова взяли на фронт, и он воевал в пехотных войсках. Через восемь месяцев его демобилизовали, так как он отморозил ноги. Отец приехал домой на костылях. Сегодня я думаю, что это наше счастье, он приехал домой живым. Но через три месяца после его возвращения в августе 1942 г. немецкие войска двинулись в сторону Северного Кавказа.

Отец понимал, что если они захватят город Нальчик, где мы жили, они уничтожат всех евреев. Он собрал четырех своих детей и детей своего брата, который воевал на фронте, детей сестер, их мужья тоже были на фронте, и все решили эвакуироваться в г. Дербент. Беженцев вывозили из города в товарных вагонах. На станции Прохладная пересели в другой товарный вагон, и поезд тронулся. В вагоне было темно. Моя бабушка стала считать детей по головам. И вдруг она вскрикнула, что-то кого-то не хватает. «Детей двенадцать, а должно быть тринадцать», — голосила она. Отец стал называть детей по именам, оказалась, что потеряли меня.

Мне было два года. Началась паника, но отец спокойно сказал, что на следующей остановке он сойдет и вернется назад. Он слез, увидел машину с солдатами, которые ехали в сторону «Прохладная». Уговорил их взять его с собой. На железнодорожной станции он увидел, что я сплю на чужом чемодане. Позвал меня, и когда я обняла его, отец

рыдал, как ребенок. Глядя на нас, все люди вокруг нас тоже плакали. Затем мы догнали своих. В вагоне отец не отпускал мою руку.

— ***А когда вы вернулись домой?***

— После освобождения Северного Кавказа в январе 1943 года мы вернулись из Дербента в Нальчик. Мы с сестрой Аллой заболели дифтерией. Врачей не было, лекарств тоже. Нас лечила травами русская бабушка Дуся. Это было время, когда люди разной национальности помогали друг другу выжить. Помню, как женщины получали похоронки, их плач-крик слышала вся улица. Люди собирались, сопереживали. Многие женщины одевали черные платья, платки, и мама мне объясняла, почему они так одеты. Удивительно, но многие не верили, что их мужья не вернутся домой. Ждали. Как той песне «Жди меня, и я вернусь...»

— ***Вы помните окончание войны?***

— Хорошо помню май 1945 года. Мне было уже семь лет. Помню, как все на улице обнимались, как кричали от радости и плакали.

В нашем дворе было три дома, где жили дети трех братьев. Дома были без удобств, туалет в конце двора. Один дядя погиб на фронте, другой дошел до Берлина. Время было тяжелое. Каждая семья потеряла кого-то из близких. Моя мама ночью стирала, чтобы наша одежда обсохла. Сменной одежды не было. Помню, что тот, кто подрастал, передавал свою одежду младшему. Наше детство было тяжелым. Помню, я заболела ангиной, но у нас не было денег на лекарство. Мой старший брат долго не возвращался из школы. Мама очень волновалась, а когда узнала, что он не был в школе, она разволновалась еще больше. Брату было 13 лет. Он пришел домой, подошел к маме и протянул ей деньги: «Мама, купи сестре лекарство.» — сказал он. «А где ты взял деньги?», — встревожено спросила мама. «Я разгружал вагоны», — ответил брат».

Прошло 70 лет, но забыть все это невозможно. Прошу Всевышнего, чтобы наши дети, внуки не видели ужасов войны.

2016 г.

БОРИС МАТАЕВ. ХОЛОКОСТ

О Холокосте трудно говорить, думать, писать. Если бы этот кошмар XX века остался в прошлом, наверное, можно было хладнокровно исследовать его истоки. Увы, но история не учит, все повторяется.

Итак, я в гостях Бориса Матаева (Бруклин, Нью-Йорк). Борис Матаев, 1937.

— ***Борис, где Вы родились?***

— Я родился в селе Зеленчук. Станица на Северном Кавказе, в Ставропольском крае. В основном, там жили казаки, которые не всегда по-доброму к нам, евреям, относились... Когда отец узнал, что в станице Богдановке, Курского района партийные органы организуют колхоз, то решил переехать с семьей в станицу Богдановку. Там были свободные земли, и их нужно было заселить. Эти земли заселили на 90 процентов евреями. В 1929 году создали колхоз, его назвали «Красный партизан».

— ***Как жили горские евреи в станице?***

— Жили еврейской жизнью. Привозили в станицу раввина. Он венчал, делал обрезание, помогал проводить в последний путь по еврейским традициям. Мы отмечали все еврейские праздники. На Песах привозили мацу из Нальчика. Ее пекли там при синагоге.

Когда началась Отечественная война, отца, как и других мужчин станицы, призвали в армию, на войну. А весной 1942 года пришло извещение, что отец пропал без вести. Мать сделала поминки. Приехали на поминки родственники из Нальчика, где была большая горско-еврейская община. Мы, дети бегали на улице, пока взрослые оплакивали моего отца. Я устал, спрятался в подводе под сено. Уснул, меня не захотели будить, и тетя Бикобай решила меня забрать с собой в Нальчик. Это и спасло меня.

— ***Я понимаю, Вам трудно говорить о трагедии, которая случилась в Богдановке?***

— Я был ребенком, но я понял, что вся моя семья расстреляна в этом селе. Когда война закончилась, два автобуса из Нальчика поехали в Богдановку. Там нам рассказали, как произошла эта трагедия.

В сентябре 1942 г. немцы заняли село. При содействии местных предателей фашисты расстреляли всю общину — 472 человека. На

15 грузовых автомашинах взвод немецких солдат вывез несчастных на окраину села. Мужчинам и женщинам вручили лопаты, и заставили рыть колодец, затем фашисты стали стрелять. В этой яме находятся 18 семей моих родных Матаевых — 113 душ. Земля дышала несколько суток. Я был бы с ними, но меня пожалел Вс-вышний. Сельчане слышали стоны этих несчастных. Полицаи были из числа местных. Это они выдавали евреев, но были и такие, которые спасали, правда, их было очень мало.

Был такой случай. Маленькую девочку Алису Призову русская женщина спасла. Эта девочка, спустя время, приехав на траурный митинг, узнала в одном из сельчан полицаю. Она сказала, что он носил в те годы повязку полицаю. Трудно было в это поверить. После войны он работал секретарем районного комитета. Его арестовали.

Каждый год 9 Мая мы приезжали к этому месту. Сейчас там стоит памятник, на котором написаны все фамилии безвинно погибших. В Бруклине, Нью-Йорк сегодня в Мемориальном парке стоит поминальный монумент, в память расстрелянных евреев Богдановки. Я все время спрашиваю. За что? Только за то, что они были евреями.

Прошло 70 лет, но забыть эту трагедию я не могу. Я решил вылететь в Россию, поехал с сыном, который живет в Москве, с внуками, с родными в станицу Богдановку. Много было людей из самого села, из Моздока, Нальчика. Мы поклонились, вспомнили погибших, невинно загубленных и пожелали, чтобы никогда этот ужас не повторился. Это наш долг — вспомнить каждого и оставить эту память потомкам.

2016

ГИЛЯДОВ БОРИС

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Я 1937 года рождения. Моя сестра Елена 1939 года. Мы коренные нальчане. Наш отец во время войны воевал, защищая родину, а мама

не имела возможности уехать перед наступлением фашистов на Кавказ. Мы остались в городе. Немцы и румыны заняли осенью 1942 году Нальчик, стали заставляя работать на них. Ходили по домам, забирали пилы, топоры, кур, яйца. Помогали немцам местные, наши соседи, которые ели и пили с нами до войны, а теперь злорадно говорили, что нам не нужны мебель, одежда, что все равно нас скоро убьют. Я, будучи ребенком, хорошо помню, как мама прибежала домой вся в слезах. Она рассказала бабушке, что за городом, во рву расстреляли мужчин, женщин, стариков. Среди них и евреи. Земля три дня дышала. Она рассказала, что на ипподроме расстреляли европейских евреев. Среди них врач-акушерка, которая принимала роды у многих нальчан. Все это вызывало у нас страх.

Помню, мы с сестрой вышли во двор, и к нам подошли двое мужчин в фашистской форме. Они смотрели на нас, что-то говорили на немецком, но из этого разговора я помню: «Юда, юда, капут». Сестра заплакала. Я долго ее не мог успокоить.

Позже, уже будучи взрослым, я интересовался, как нам, горским евреям Нальчика удалось остаться живыми. Конечно, если бы Красная Армия чуть позже пришла, нас уже не было бы. Нас бы расстреляли бы только за то, что мы евреи. А в то время, во время фашистской оккупации за несколько месяцев они расстреляли европейских евреев. Их выдавали соседи. Но в отношении горских евреев они усомнились.

В ноябре 1942 года в Нальчик пригласили востоковеда-этнографа немецкого происхождения Николая Поппе. В своей автобиографии этнограф Н. Поппе в 1949 году написал: *«Горские евреи» или таты — племя иранское. Они покинули Персию в VIII веке. Они говорят на персидском диалекте и живут подобно другим горцам, Но они исповедуют иудаизм. Тем не менее они не ущемлялись в правах при царе. Им разрешалось селиться в любой местности, они обладали правом занимать государственные должности. Это обстоятельство было очень важным. Я объяснил немцам происхождение татов и подготовил описание этого народа. Эсэсовцы захотели посмотреть на татов, и я сказал «горским евреям», что они должны произвести хорошее впечатление. Евреи устроили праздник с национальными плясками, понравившийся немцам. Немцы разрешили им продолжать торговлю и отменили выплату контрибуции. Таты получили все права. Конечно, они*

были счастливы. Я был доволен, что сумел помочь им, потому что после закрытия магазинов и выплаты контрибуции они, конечно, были бы расстреляны, как евреи на Украине.

Есть интересный документ: **Свидетельские показания по делу Оберлендера. «Нахтигаль» во Львове, «Бергманн» на Кавказе. А.М. Хаммершмидт — свидетель.**

В минувшей мировой войне я с ее начала до капитуляции гитлеровской армии служил в ставке у генерал-фельдмаршала фон Клейста, Моделя и Шернера первоначально квартирмейстером, а с сентября 1942 г. до конца войны в германском «Абвере», где занимал должность начальника отдела «I-Г».. В этой должности мне и пришлось познакомиться с Оберлендером. Выступавшие здесь много говорили о злодеяниях и зверствах Оберлендера. Мне также многое известно, но мне хотелось бы подробно остановиться только на некоторых фактах. Осенью 1942 г. в ставке генерала фон Клейста, находившейся в то время в Пятигорске, я узнал от начальника разведотдела генерала фон Мюнстера о прибытии какой-то зондеркоманды. Эту зондеркоманду возглавлял Оберлендер. Сотрудники германского «Абвера» Локкарт, Долль и многие другие говорили, что его приезд на Кавказ может быть лишь связан с акцией уничтожения на оккупированной территории сторонников Советской власти и евреев.

Перед Рождеством 1942 г. оберфюрер СС Вальтер Биркамп, командир «айнзатцгруппы» D, обратился с просьбой выделить роту особого войскового соединения «Бергман» для помощи в расстреле 2000 нальчикских горских евреев. К Оберлендеру обратились кабардинцы с просьбой не расстреливать горских евреев. Помимо того аргумента, что они являются евреями лишь по религиозным убеждениям, а во всем остальном ничем не отличаются от других горских народов, фигурировал еще и другой — практическая польза от горских евреев, известных своим искусством шитья одежды и головных уборов из овчины.

Оберлендер приказал начальнику — оберфюреру СС Вальтеру Биркампу, командиру «айнзатцгруппы» D, совершить инспекционную поездку и ознакомиться с ситуацией на месте. Такая инспекция состоялась буквально накануне Рождества 1942 года. По-видимому,

ее и подразумевает Поппе, когда сообщает о празднике с песнями и танцами). Следствием этой инспекции было указание Биркампа более не беспокоить горских евреев.

А вот еще одна версия той же истории. Нальчикский адвокат Селим Шалов, председатель созданного 6 декабря 1942 г. Национального совета Кабардинской области, рассказывал после войны американскому историку А. Даллину о том, как к нему приходила делегация горских евреев во главе с Шабаетовым и рассказывала об опасениях за свою жизнь. Тогда Шалов обратился в Кисловодск к фельдмаршалу фон Клейсту и заявил, что горские евреи — это таты, такая же горская народность, как кабардинцы или балкарцы. Была создана комиссия, которая в конце концов с этим согласилась и даже освободила нальчикских горских евреев от обязанности носить нашивку с шестиконечной звездой.

Хочу отметить еще один факт, что местные кабардинцы прятали еврейские семьи. Низкий им поклон за это. Спасибо, что Красная Армия вовремя освободила республику и спасла нашу общину от уничтожения.

В настоящее время моя сестра проживает в Израиле. Война не прошла бесследно. У нее проблемы с памятью. Я живу в Нью-Йорке. Болею. Сказалось и то, что нам пришлось тайком уехать из Нальчика в 90-е годы, спасаясь от бандитов. Спасибо, что нас приняла Америка. Наши дети учатся, работают. Они счастливы, что живут в Америке и мы рады их счастью.

2016

НАТАЛИЯ МАТАЕВА: «МОЕ ДЕТСТВО БЫЛО ТРУДНЫМ»

Наталья Матаева (девичья фамилия Дигилова)

1939 г. Нальчик

— *Наташа, вы родились в г. Нальчике. Расскажите, пожалуйста, о своей семье.*

— Родители жили в кабардинском селе Псыгансу, в Кабардино-Балкарии. Мой отец до войны работал в этом селе. Он занимался заготовкой сырья. Отец прекрасно владел кабардинским языком. Мама тоже свободно говорила на их языке. Они дружили с семьей Тластановых. Жили рядом. Моя мама кормила грудью свою дочку и их ребенка Хаути, так как мама его болела. Когда Тластановы приезжали на базар в Нальчик, они останавливались у нас. Они, мусульмане, но не боялись есть у нас. Они знали, что евреи тоже не едят свинину.

— *Какой у вас был дом?*

— Саманный, пол глиняный. Пекли хлеб в печи. Мясо покупали в синагоге. Кур мы резали тоже в синагоге.

— *Какие традиции соблюдались, Вы помните?*

— Мальчишкам делали обрезание, на свадьбе молодых венчал раввин. Девочек воспитывали строго. Нельзя было ходить без чулок, нельзя было носить короткое платье. За столом мужчины сидели отдельно от женщин.

— *Наташа! Какие еврейские праздники отмечали?*

— Ем-Купур (Йом Кипур) и Нисану (Песах). Мацу у нас пекли в синагоге. Перед Песахом целый месяц мама, сестры белили, кипятили в золе кастрюли, сковородки, всю посуду.

— *Расскажите, что вы знаете о войне, что помните сами, а что рассказывали бабушки, мама?*

— Я была маленькой. В 1941 году отца призвали на фронт. Он обнял нас шестерых детей и ушел. Больше я его не видела. Старшего брата Абрама тоже призвали в 1942 году на фронт. Ему только исполнилось 18 лет. Он тоже не вернулся. Погиб.

— *Почему вы не уехали в эвакуацию?*

— У нас не было материальной возможности. Семья большая, с нами жили бабушки, мамина мама и мама отца. Решили, что будет, то и будет. Немцы и румыны вошли в город в 1942 году осенью. Мама вырыла яму в полу, спрятали сундук. Положили все дорогое. Напрасно. Немцы зашли в дом и нашли все. Они забирали моего брата на работу. Одевали на него мешок и бросали в печную трубу, чтобы очистить ее. Он умер от туберкулеза. Сестре было 14 лет, мама ее прятала в подвале. Боялась, чтобы не изнасиловали. Особенно

боялись румын, да и немцы были не лучше. Досталось нам. Немцы стали заполнять журналы с фамилиями евреев, адреса. Им помогали пособники из местных.

Я, как историк, хотела бы дополнить рассказ Наташи Дигиловой. В газете «Кабардино-Балкарская правда» (1943. 19 января), вскоре после освобождения г. Нальчика, горские евреи написали письмо:

«Будьте прокляты, фашистские изверги! 65 дней мы находились в плену у фашистских бандитов, 65 дней озверелые гитлеровские псы, потерявшие человеческий облик, издевались, мучили и расстреливали. У 67-летнего Ровино Шамилова убили жену. Сам он инвалид... Во время чистки конюшни 16-летний Яша Шамилов решил передохнуть. Немец его избил плеткой. Убили Бориса Давыдова, семью Ифраимова, состоящую из 10 душ ночью вывезли из города и всех расстреляли».

Немцы собирались всех расстрелять 4 января. Были уже вырыты ямы. Но Всевышний помог общине. Планировали расстрелять раньше, но кабардинцы доказывали, что это кавказский народ. Помогли оттянуть срок уничтожения всех евреев.

Сегодня город Нальчик определен как гетто открытого типа.

— Наташа, вы помните, как зашли в город Красная Армия и партизаны. Раненые, плохо одетые, почти босиком. Они вошли и кричали: «Евреи, вы живые?» Наши женщины выносили им еду, табак и плакали от радости. 9 Мая по динамике объявили о победе. Это было счастье. Я хочу вспомнить добрым словом кабардинцев села Псыгансу Тластановых Хагише и Афиан. Они приехали к нам, как только освободили город и сказали нам: «Мы знаем, что ваш отец погиб. Это общее горе. Мы привезли вам муку, кукурузу, картофель». Они были на свадьбах в нашем доме и принимали участие в горе. Когда умерла моя мама, очень многие приехали из села. Сколько я буду жить, я буду молиться за их род.

— **Скажите, а когда вы вышли замуж?**

— Я вышла замуж в 1956 году. Мой муж Борис Матаев жил на одной улице со мной. Во время войны он чудом остался живым. Тетя его привезла до оккупации в Нальчик. Рос он у родственников в Нальчике. Всю семью фашисты его убили в станице Богдановке. У нас

с Борисом было четверо детей. Сегодня одни живут в Москве, другие с нами в Нью-Йорке. Дети, внуки очень внимательные. Спасибо Америке. Нас приняли, дети учатся, работают.

— **Чтобы вы пожелали молодежи?**

— Чтобы не было войны, чтобы Израиль процветал. Чтобы люди были добрее.

2016

ЗИЛПО ХАНУКАЕВА (МИХАЙЛОВА).

Умерла в 2014 г.

ВСПОМИНАЯ, ПЛАЧУ

Как хорошо, что есть для горских евреев журнал «Товуши». Хочу поделиться на страницах журнала своими воспоминаниями о войне, которую мы все пережили. Мне 86 лет. Живу я в Нью-Джерси. Получаю пособие, медицинскую помощь. Казалось бы все хорошо, но очень часто перед глазами сцены, связанные с фашистской оккупацией. Я не могу долго уснуть. Вот я и подумала, а что если я расскажу читателям журнала, может мне станет легче. А потом, наша молодежь должна знать об этой проклятой войне.

Я уроженка города Нальчика. Фашисты были у нас недолго, но и этого хватило на всю жизнь. Во время оккупации мы рыли окопы, прятались там от бомбежек. Не могу забыть, что на дверях у нас были выцарапаны шестиконечные знаки. В первый же день оккупации немцы увели нашу корову, нашу кормилицу. Перед самой войной наш отец нам ее купил, назвал Машей, и в самом начале войны ушел на фронт. С фронта он не вернулся, погиб.

Из многочисленных издевательств хочу вспомнить некоторые. Перед Новым Годом 1943 года к нам ворвались оккупанты, среди них были наши соседи, фашистские пособники. Один из них прикладом

автомата разбил зеркало, нас, детей, заставили разуться и топтать осколки, угрожая нас застрелить. Видя, как нам больно, как кровоточили наши ноги, они смеялись. Несколько месяцев раны у нас не заживали. Три месяца мы не могли ходить. Мой младший брат не выдержал этих мук, заболел и умер.

Хотелось бы надеяться, что ужасы, которые мы пережили больше никогда не повторятся.

Нью-Джерси
2014

НАДЯ ШАМИЛОВА

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Недавно, я случайно встретилась с Надей Шамиловой, женщиной, которой уже за восемьдесят лет. Красивая, но очень больная женщина, с трудной судьбой. Слово за словом, и завязался разговор, беседа получилась очень интересной. Я взяла ее телефон и на следующий день позвонила. Надя Шамилова (Нафталиева, ее девичья фамилия) поделилась воспоминаниями о том, что забыть не может время, связанное с войной.

— **Надя, вы родились в 1929 году. Вы помните войну? Где вы были?**

— Конечно, помню. Мне было 13 лет. Как забыть? Война оставила глубокий рубец не только на моем сердце, но и на моем теле. Мы жили в Нальчике. Отец умер рано. У нас был дом. Помню, что одну комнату мама сдавала двум братьям, армянам. Они ели и пили с нами. Лучше бы они еще до войны подавились. Они стали работать на немцев. Выдавали евреев.

— **Да, Надя, война проверяет природу человека, его нравственные качества.**

— Это было страшное время. Я хорошо помню, что в начале войны представители советской власти поселили у нас в доме европейских евреев, беженцев из Бесарабии. Мама помогала им, чем могла, делилась куском хлеба. Перед приходом немцев в город они убеждали маму бежать. Они знали, что фашисты везде расстреливали евреев. Они уехали, а мама не могла. На ее плечах были дети, старики. Денег не было. Куда ехать... «А что будет, то и будет», — говорила мама Хивит.

— *Немцы заставляли евреев работать?*

— Да. Сестра моя была на год старше меня. Она была очень красивой, тихой, спокойной, а я была боевая. Я ее спрятала, а сама пошла на работу. Немцы проезжали на машине и забирали нас. Были с фашистами «наши» люди, которые показывали, кого забирать. Забирали нас в четыре часа утра и до темноты не отпускали домой.

— *А что вы делали?*

— Мы мыли полы, чистили уборные, таскали дрова. Я помню, двух наших ребят Сему и Савву. Им было по 13 лет. После 14-ти часового рабочего дня, уставшие, они не смогли поднять огромный мешок со свеклой. Немцы их избили плетками. Больше месяца были видны кровавые следы побоев на их теле. Не могу забыть то, что со мной случилось. Меня послали в подвал. За мной спустился немец. Я не заметила его. Он расстегнул штаны, схватил меня за волосы, но к счастью, в это время зашел мой родственник. Немец не ожидал, застегивая на ходу штаны, удрал. Я не знаю, почему он удрал. Он же мог на месте убить и меня, и моего родственника. Но не убил. Моя жизнь висела на волоске. А представляете мое состояние. Мне было 13 лет, и вдруг такое. Но через несколько дней меня заставили отнести дрова в один из кабинетов, где находились немцы. Я понесла поленья, зашла в кабинет и вдруг увидела его же, этого немца. Если бы я увидела его сегодня, я бы его и сегодня, наверное, узнала. Меня он тоже узнал. Возле него была овчарка. Он дал ей команду, и собака кинулась на меня. От страха я выронила поленья. Она повалила меня, я упала, а она откусила кусок моего тела. Я истекала кровью, от моего крика забежали наши люди. Они с трудом оторвали меня от собаки. Немец, довольный, злорадно улыбался. Меня привели домой. Бабушка и мама меня лечили целый год. Лекарств не было. Мама шла в лес, собирала травы, варила их и делала компрессы.

— ***А продукты у вас были?***

— Какие продукты? Мы голодали. К нам приходили немцы, румыны и все продукты забирали. Забирали кур. На дверях наших домов нарисовали шестиконечную звезду. Составляли списки евреев. Всех, взрослых, стариков, детей. Заставляли рыть рвы, готовились к расстрелу всех евреев. Спасибо кабардинцам, они говорили, что мы кавказский народ. Наши квартиранты — два брата, армяне, злорадствовали: «Скоро вас расстреляют». — Спрашивается, за что? За то, что мы евреи?

— ***Вы ходили по улицам?***

— Да. Но мы боялись ходить.

— ***Вы видели немецкие патрули?***

— Конечно! Они кругом стояли. И не только немцы. Румыны, «наши» русские, местные немцы, осетины. Я не понимаю этих людей. Мы до войны общались с ними. Звери. Конечно, не все были такие.

— ***Надя, вы помните, как пришла Красная Армия и партизаны в город?***

— Да, конечно. Это было начало января 1943 г. Нашей радости предела не было. Мы плакали от радости.

— ***Надя, а в каком году вы уехали в США?***

— В 1990 году. Разве мы бы уехали? Мы, наши родители, наши деды родились в Нальчике.

— ***А какая причина вашего выезда?***

— Мы бежали от произвола. Мы бежали от бандитов. Они хотели забрать наш дом, избили моего мужа, угрожали украсть сына. Господи, что только мы не пережили. Мы бежали, бросив все. Спасибо Америке, которая приняла нас. Мой муж умер здесь, а я больная. Живу ради детей и внуков. Наши дети работают, внуки учатся.

— ***Скажите, компенсацию вы получили от Германии?***

— Разовую, да. Нам писали на все наши запросы, что нам не положена пенсия, так как немцы у нас были неполных шесть месяцев. Сегодня, правда, говорят, что Нальчик был городом открытого гетто и нам положено получать эти несчастные деньги. Но разве можно ими компенсировать наши переживания. Я больной человек. Не могу спать. Каждый день оккупации перед глазами.

— ***Я желаю вам силы, здоровья и много радости от ваших детей.***

— Спасибо. Дай Бог людям мира.

2016

ЭРИЕЛ АШУРОВ

Кандидат сельскохозяйственных наук, Израиль-США

С.Д. Расскажите, пожалуйста, что Вы помните о войне.

— Накануне вторжения германских войск в г. Нальчик, город готовился к обороне и безопасности населения. Сооружались огневые точки, на подступах к городу были вырыты глубокие противотанковые рвы. В работах участвовало все население города. В наше время в этих местах находится еврейское кладбище — четвертое за всю историю еврейской общины города.

Население в своих дворах строило убежища — крытые окопы. Рядом с нашим домом во дворе семьи Давыдовых была установлена зенитная точка. Часть людей эвакуировалась на Восток и Закавказье. В нашем доме временно жили беженцы.

Нам же никто не предлагал уехать, да и средств у нас не было. В первые дни войны начала войны призвали на фронт моего отца — Малахия, трех его братьев: Танахум, Завадие, Ханание, и их зятя Хастой. Вернулся живым только Танахум, в последствии народный артист КБ АССР и заслуженный артист РСФСР.

За несколько дней до захвата г. Нальчика органы власти покинули город. Мы были оставлены на произвол судьбы, хотя правительство прекрасно знало, что нас ожидает во время фашистской оккупации.

Начались грабежи, беспорядки. Я прекрасно помню, как во время оккупации Нальчика фашистами старики шли мимо нашего дома на кладбище с покойником, а под видом покойника переносились свитки Торы. Наш дом был расположен в 10—15 метрах от здания обувной фабрики, и я видел, помню, как растаскивали изделия обувной фабрики. Затем на фабрике были установлены огневые точки наших войск. Каждый день в воздухе висели немецкие разведывательные самолеты, которых мы называли «рамы».

Солнечным утром, в субботу 24 октября, в небе закружилась «рама» — самолет-летчик «Фокке-Вульф». Его хотели сбить, рядом вокруг самолета взрывались зенитные снаряды, они не достигали цели, но в один миг самолет вроде задымил и начал падать. Мы все стали кричать — «Ура!!! Сбили!» Но немецкий летчик схитрил, выпустив дымовую завесу, затем выпрямил самолет и ушел.

Утром 25 октября 1942 г. Нальчик подвергся мощной артподготовке, а затем воздушной атаке. Самолеты летели парами, кругом взрывы бомб и стрельба из пулеметов, вой сирен. Удар был настолько мощным, что нам показалось, что это начало светопреставления. Одна бомба взорвалась рядом с нашим и соседским домами. Они на половину разрушились. И вдруг где-то в 13.00 стало тихо: оказалось у немцев наступил обеденный перерыв на один час. Воспользовавшись паузой, мы — мама, бабушка, бабушка и трое детей (2 года, 4 года и 8 лет) решили перебраться на другую улицу к брату отца, где было построено более надежное укрытие. Нас торопили: «Быстрее, быстрее, у них кончается обеденный перерыв».

Бои продолжались три дня, а 28 октября утром на улицах появились немецкие машины с солдатами и офицерами. Жителей домов выгнали, построили в ряд. Я стоял рядом с бабушкой. Всем вывернули карманы и забрали все, что казалось им ценным. Затем начался грабеж домов, который продолжался несколько дней.

В первые же дни были расстреляны сотни евреев (горских и ашкеназских), коммунистов. Все находились в постоянном страхе, ожидая каждый день смерть. На Рабочей улице, в центре еврейской колонки, в бывшем здании детского садика открыли немецкую комендатуру. В ходу были советские деньги и немецкие марки. Заработал зеленый рынок, на этом месте затем расположилось немецкое кладбище, а в послевоенный период здесь построили гостиницу «Россия».

В середине декабря 1942 г. в наш дом в очередной раз явились офицер и двое немецких солдат. Они обыскали дом, увидели, что мама купала детей в медном тазике, забрали его. Мама бросилась к ногам офицера, просила не забирать, ведь надо купать детей. И к нашему удивлению, офицер приказал отдать тазик. Как-то запомнился этот эпизод. Помню, как вечером пришел немецкий солдат, хотел забрать маму. Она была молодая, 26 лет, красивая, и немец решил забрать

ее. Мой дед, свекор мамин, пластом встал на защиту мамы. Мы, дети, громко плакали, и солдат ушел.

Маму гнали каждый день на работу в немецкий госпиталь, стирала там. Видно, там и заметили маму. Мы, дети, со взрослыми шли в лес, собирали дрова, дичь, конский щавель. Дома готовили из него тару. Это сейчас тару — экзотическое блюдо, а тогда спасались от голода.

Помню разговоры старших, что нас всех должны скоро немцы расстрелять. Списки и рвы готовы были. Ночью, 3 января 1943 года, в нашу дверь сильно стучали. Мой дедушка встал, чтобы открыть дверь, но ему сказали, что это не стучат в дверь, а рядом стучит пулемет. Шли ночные уличные бои. Мы, дети, притаились, лежали под кроватью и тахтой. Рано утром к нам постучали в окно. Оказалось, что это была соседка. Она кричала: «Выходите, наши в городе!». Это случилось 4 января 1943 г. Мы остались живы.

Прошли годы, я получил образование, защитил диссертацию, преподавал в институте. В 90-е годы уехали, кто куда. В Израиль, в Америку. Одна дочь моя живет в Израиле, другая в Нью-Йорке. Хочу только одного, чтобы был мир.

2016

5. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, СТАТЬИ О С. А. ДАНИЛОВОЙ

Фильм «Список Шиндлера», снятый Стивеном Спилбергом, рассказывал о горькой судьбе евреев в годы Второй мировой войны. Картина стала обладателем 7 премий «Оскар»; сам Спилберг получил сразу две статуэтки — за фильм и режиссуру. Согласно некоторым источникам, Спилберг отказался от гонорара за фильм, по его словам, это были бы «кровавые деньги». На деньги, заработанные фильмом, Стивен Спилберг основал «Фонд Шоа» («шоа» на иврите — «холокост, катастрофа»). Деятельность «Фонда Шоа» состоит в сохранении письменных свидетельств, документов, интервью с жертвами геноцида, в том числе Холокоста.

Светлана Данилова участвовала в работе Фонда «ШОА» и получила следующее письмо от основателя Фонда Стивена Спилберга:

July 1 1998

Dear Svetlana Danilova

It is with great respect and admiration that I extend my warmest wishes to you. I want to thank you for tremendous commitment to the work: of Survivors of the Shoah Visual History Foundation The Shoah Foundation would not have been able to record the more than 45,000 testimonies to date without you. Your efforts to help document the past will have a profound impact on the future/bringing the lessons of the Holocaust and the message of tolerance to generations to come.

Once again, I thank you. Our work ensures the promise of a better tomorrow.

*All my best,
Steven Spielberg*

(1 июля 1998 г.

Дорогая Светлана Данилова!

С огромным уважением и восхищением посылаю Вам самые теплые пожелания. Я хочу поблагодарить Вас за огромный вклад в работу Фонда визуальной истории «Шоах». Данный фонд не смог бы записать более 45 000 свидетельств, если бы не было и Вашего вклада. Ваши усилия помочь задокументировать прошлое окажут несомненное влияние на будущее, неся уроки Холокоста и послание терпимости будущим поколениям.

Еще раз спасибо. Наша работа дает надежду на лучшее будущее.

*С наилучшими пожеланиями,
Стивен Спилберг)*

ЗДРАВСТВУЙ, СВЕТЛАНА!

Звонок, который раздался в моей квартире недавно, принес радостную весть: в Нью-Йорк на постоянное место жительства прилетела с семьей Светлана Данилова из Нальчика, человек, имя которого очень много говорит горским евреям (и не только горским!). Сколько лет существует современное еврейское движение в России столько раз один из самых высоких рейтингов общинного лидера доставался по праву ей, директору еврейского культурного центра Нальчика, кандидату наук. Единственная женщина в президиуме первой «крышевой» общероссийской еврейской организации - ВААД, она олицетворяла в себе материнскую мудрость, женскую красоту и просто патологическую целеустремленность в достижении цели.

«Восток — дело тонкое», — знал точно герой кино красноармеец Сухов из знаменитого «Белого солнца пустыни», а община горских евреев Северного Кавказа со своим укладом и традициями еще тоньше, — часто говорила Светлана, — и это не кино».

Невероятная работоспособность позволила ей не только организовать работу в Центре так, что о ней заговорили во всех еврейских организациях от России до Америки, но и стать автором научных трудов и книг по истории евреев Северного Кавказа и даже книги «Черкесы в Израиле». Настоящая горянка в пятом поколении, дед которой учился в Вильно и был хорошо знаком с самим Теодором Герцлем, она унаследовала глубокую еврейскую самоидентичность для того, чтобы стать мостом над пропастью между разорванными советским временем поколениями евреев. Она боролась за каждого человека. К ней шли за помощью в самое тяжелое время. Когда начались чеченские события (войны 1994 г. 1996 г.), в Нальчик бежали около 500 грозненских евреев. Вместе со своими соратниками Светлана

сделала больше, чем могла, чтобы люди получили необходимое. В течение года ей удалось оформить документы для репатриации, и сегодня все эти люди живут в Израиле. С трибуны парламента Кабардино-Балкарии она говорила: «Евреи — барометр стабильности. Если евреи покидают насиженные места, землю, на которой жили, значит, эта земля -больна!»

Сегодня Светлана вся в трудах и заботах по обустройству своей семьи на новом и непривычном месте. Мы хорошо знаем, как бывает тяжело на первых порах. Но буквально сразу же она стала интересоваться общественной жизнью нашей общины и публиковаться в русскоязычной печати. Р. Царионов, работавший с ней, кстати не еврей, однажды написал о Светлане: «...лишь она одна знает, что значит поддерживать огонь жизни в умирающей общине».

Она брала на себя любую работу: от уборки льда у порога Центра до переписки со Стивеном Спилбергом. Когда бы еще великий режиссер знал о существовании Нальчика, который и на карте не всегда бывает?...

Более 200 лет существовала «Еврейская колонка» в Нальчике. Это был еврейский корабль в море окружающих его народов. Сегодня он день за днем идет ко дну... Кто выиграет от того, что евреи уезжают? Ответ, я думаю, ясен. Проиграем все.

Я рад приезду Светланы Даниловой, наверное, точно так же, как и нальчане, которым остро не хватает сегодня лидера, объединяющей фигуры. Пожелаем Светлане и ее семье стойко преодолеть все рифы иммиграции и быстрее войти в американскую жизнь.

Милости прошу к нашему шалашу!

Михаил Немировский, директор отдела JCRC по работе с русской общиной

«Новое русское слово», 2001 г.

ВСЕ СДЕЛАННОЕ ЭТИМ ЧЕЛОВЕКОМ НЕОЦЕНИМО

Мы много узнаем нового за это время. Однако, чем больше узнаем, тем больше понимаем, как мало на самом деле мы знаем. Но

в одном можем быть уверены точно — целеустремленность, упорство и настойчивость это те необходимые вещи, без которых мы никогда не достигнем своих целей.

Об одной из целеустремленных и деятельных людей еврейской общины города Нальчика Даниловой Светлане Ароновне можно говорить очень много добрых слов. Светлана Ароновна родилась в городе Нальчике, по образованию педагог-историк, кандидат исторических наук. Воспитала двух замечательных дочерей, одна из которых является медиком, а другая дочь имеет экономическое образование. В 1987 году основала культурный еврейский центр «Товуши». На открытии центра присутствовали директор музыкального училища, заведующий методическим кабинетом музыки, представители из министерства просвещения КБР (Кабардино-Балкарии). Наши музыканты и дети выступили с концертом.

В этом центре Светлана Ароновна организовала огромную работу по возрождению культуры и традиций еврейского народа. В центре работал «Ульпан», в котором занятия по ивриту вели молодые специалисты по языку из Израиля. Группы были созданы для детей и взрослых. В одной из этих групп училась и я. С танцевальной группой «Товуши» занимался творческий педагог-хореограф Надежда Ифраимова. Ребята занимали призовые места на конкурсе «Утренняя звезда», гастролировали по городам России и за рубежом. А какой у нас был хор из младшей группы!. Детей, которые занимались в Центре, становилось с каждым днем все больше и больше. Приходили и ребята других национальностей и пели песни на иврите.

Люся Хачатурова, педагог по вокалу, разучивала с ребятами песни на иврите. На любых мероприятиях можно было представить детей с концертной программой. Преподаванием игры на фортепиано занимался опытный педагог-музыкант Инесса Ташаева. В 1991 году при «Товуши» она открыла школу искусств «Шуламит». Были созданы и группы для самых маленьких.

Как сейчас помню, как Светлана Ароновна пригласила меня работать в этих группах. В те времена я еще была совсем молодым, только начинающим педагогом. Работала в школе № 3 несколько лет. Трудность заключалась в том, что дети были разного возраста и к каждому требовался индивидуальный подход, но постепенно все стало на свои места, все ребята были при деле. Как мы радовались, когда получили

новую красивую мебель для младшей группы, в которой я работала. Дети светились от счастья, когда увидели новые столы и стулья. Ребята рисовали, лепили, изготавливали различного рода поделки, устраивали конкурсы. В этом Центре было чем заняться.

Мы очень благодарны Светлане Ароновне за ее стремление возродить традиции горских евреев. Путь, выбранный ею, конечно, не легкий, но все же ей удалось сделать нашу общину известной. Хочется отметить тот факт, когда она оказывала помощь грозненским евреям выехать из Чечни во время чеченской войны. Она, будучи депутатом Верховного Совета КБР, организовала выпуск газеты «Евреи Северного Кавказа» (ЕСК).

Светлана Ароновна является неутомимым исследователем, а также автором научных статей по проблемам истории, этнографии, традиций и культуры горских евреев. В 1999 году в Нальчике Светлана Ароновна выпустила книгу (в соавторстве с Е.С. Тютюниной) «История горских евреев Северного Кавказа в документах» (1829—1917 г.). В книге рассказывается об истоках и корнях древнего народа. В 1997 году Светлана Ароновна выпустила книгу «Спешите делать добро». Вторая часть этой книги «Сердца, дарящие тепло» вышла в 2005 году. Она также является автором-составителем сборников «История и этнография горских евреев Кавказа», «Горские евреи в Кабардино-Балкарии».

С 2001 года Светлана Ароновна Данилова живет в США в Нью-Йорке. И там она без дела не сидит, продолжает дело, начатое в Нальчике. Занимается вопросами и проблемами общины, является главным редактором журнала «Товуши-Свет», участница Всемирного Еврейского Конгресса горских евреев в Иерусалиме, 7-й Международной конференции еврейских средств массовой информации. Все сделанное этим человеком неосценимо.

От всей души я желаю ей здоровья, добра, благополучия и творческих успехов в ее нелегком труде.

*Дигилова Инна Владимировна —
кандидат педагогических наук, преподаватель.
2012*

МАРИЯ И ВИКТОР КОТЛЯРОВЫ

Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа

Имя Светланы Даниловой, представительницы горско-еврейской общины города Нальчика, в начале 90-х годов прошлого века в Кабардино-Балкарии было у многих на слуху. Избранная в республиканский парламент, всю свою неугасимую энергию и энтузиазм она направила на сохранение единства и целостности Кабардино-Балкарии, отстаивание интересов людей, защиту их чести и достоинства.

Перестройка с ее подчас необратимыми трагическими последствиями для населения бывшего СССР вынудила людей мигрировать не только внутри СНГ, но и за его пределами. Светлана Ароновна тоже уехала. А уехав, не отдалилась от родины, стала еще больше ценить то, что было нашим общим богатством. Да, те самые этические ценности, где милосердие и умение почувствовать боль другого, как свою собственную, скрепляют межнациональные узы сильнее, чем нынешние призывы к толерантности. Все отношения между людьми вообще пронизаны потребностью в верности, чувстве долга, защищенности человеческого и национального достоинства.

Об этом ее книга «Сердца, дарящие тепло», выпущенная нашим издательством в 2005 году. Данилова строит свой «храм памяти» (словами француза Андре Моруа), насыщая его живым, неприсвоенным чувством. Здесь ее родители, дети, внуки, земляки, люди ее времени и других эпох, но запавшие в душу так, что без боли не оторвать. Загаданная боль — но только ли еврейская? — сквозит почти с каждой страницы.

И это объяснимо и понятно: равнодушие заставило автора принять участие в осмыслении жизни, ведь обострение политических, национальных и межличностных конфликтов востребовало именно гражданский подход, умение анализировать явления и факты, которые перечеркнули все навязываемые нам идеологические мифы. Отсюда и боль, но боль осознающая, что выздоровление возможно.

Нальчик, 2007

Я выражаю свою глубокую признательность израильскому журналисту Хане Рафаэл за интервью и публикацию статьи обо мне в газете STMEGI. Предлагаю Вашему вниманию эту статью в сокращенном варианте.

К ЮБИЛЕЮ — О МОЛОДОСТИ, СИЛЕ ДУХА И БОЛЬШОМ СЕРДЦЕ

Среди представителей горско-еврейской общины есть немало известных людей, чьи имена уже вошли в историю нашего народа. Смысл жизни таких удивительных по своей натуре личностей — наглядный пример того, как сегодня, несмотря на рассеяние, мы можем сплотиться и приносить пользу своей общине. Одним из таких людей для меня является Светлана Ароновна Данилова — историк, журналист и общественный деятель, в этом году отмечающая 75-летний юбилей. Сейчас С. Данилова работает над созданием книги «Дети войны — воспоминания горских евреев». Тема — одна из самых актуальных в наше время. При помощи Интернет-переписки мне удалось пообщаться со Светланой Ароновной и договориться об интервью.

— Уважаемая Светлана Ароновна, Вы достаточно известный человек не только в нашей общине, но и в бывшем СССР, а также в современном американском русскоязычном обществе. Если бы вас попросили представиться, что бы вы рассказали о себе?

— Я родилась в 1940 году в городе Нальчике. По образованию историк-педагог. Защитила диссертацию по теме «Этнография и самоидентификация горских евреев». В 1990-м избиралась депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарии. Член Союза журналистов России. С 1988 по 2001 год возглавляла еврейский общественно-политический культурный центр «Товуши», занимаясь вопросами защиты прав и национального достоинства евреев КБР и Чечни. Была членом Совета по правам человека при Президенте КБР. Основатель газеты «Евреи Северного Кавказа» (1993).

— Вы из тех людей, которые большую часть своей жизни занимаются общественной деятельностью. Даже живя в США, активно продолжаете участвовать во всех общественных событиях и выпустили несколько книг...

— Общественной деятельностью я занималась и до эмиграции в Америку (2001). И неоднократно принимала участие в еврейских форумах и съездах России, избиралась в Президиум Конфедерации еврейских организаций и общин.

Живя в США, на протяжении вот уже 15 лет регулярно участвую в научных конференциях России, Израиля, Германии и США. Восемь лет была главным редактором журнала «Товуши-Свет», а также редактором и составителем сборника «Дети войны». Также я автор книг «Спешите делать добро», «История и этнография горских евреев Северного Кавказа в документах 1829—1917 гг.», «Горские евреи КБР», «Черкесы в Израиле», «Исход горских евреев — разрушение гармонии миров», «Сердца, дарящие тепло» и «Разорванный круг». В настоящее время я волонтер в правлении американской организации «Дети войны». Мы издали два сборника на эту тему под моей редакцией.

— В настоящее время весь мир в преддверии празднования знаменательной даты 70-летия великой победы над нацизмом. Тема «Дети войны» — одна из актуальных в наше время; значит и Вам есть что вспомнить?

— Да, я отношусь к категории детей войны. В 17 лет я осталась без отца. Время прошло, но память осталась, память в сердцах. Свидетелей тех трагических событий остается все меньше и меньше...

— И последний вопрос, Светлана Ароновна: что вы считаете самым главным в своей жизни?

— Знаете, Хана, для меня важно не то, ЧТО у нас есть в жизни, а КТО у нас есть в жизни!

*Израиль — США
2015*

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТ РЕДАКТОРА.

ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ... ИЛИ БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ...

В качестве издателя и редактора книги Светланы Даниловой «Переступи порог» я часто обсуждала со Светланой разные аспекты ее книги, порядок глав и, конечно, название книги, которое, как известно, первым открывает дверь в мир автора. Я планировала завершить книгу моим интервью со Светланой Даниловой, но!! За время работы над книгой мы так часто говорили со Светланой, что практически обсудили все или почти все, о чем бы я хотела спросить. А то, что Светлана не успела сказать, обязательно войдет в ее следующую книгу, работа над которой уже началась. Поэтому заранее прошу извинить за сумбур и отсутствие хронологии.

Вернемся к названию. Признаюсь, что важный аспект выбора названия длительное время был камнем преткновения между мной и Светланой. Благодаря состоявшемуся знакомству с ее жизненным путем и биографией, удивительной, наполненной решительными поступками, о которых Светлана старается не упоминать, предложенное мной название **«ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ?!»** не было отвергнуто сразу. Тем более, что я постаралась мотивировать выбор тем, что это не просто набор слов, а мудрое изречение Гиллеля, наиболее значительного из еврейских законоучителей эпохи Второго Храма (75 г. до н.э.): *«Если не я, то кто же? Если не сейчас, то когда? Если я — не для себя, то кто же для меня? Но если я — только для себя, то зачем я нужен?»*

Поэтому я предполагала, что выбрать такое название для ее книги будет справедливо.

Но Светлана продолжала сомневаться, она говорила, что *«название возможно, так как всю жизнь так и живу — ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ?!»* А потом, подумав, написала мне: *«Анна, я не против названия, которое Вы предложили, но я думаю, что в отношении меня оно не будет достаточно скромным. Я всего лишь песчинка в этом*

бушующем, безумном мире. Не знаю. Может быть, всё таки, выбрать «Сердце на ладони»? Оно и вправду у меня всю жизнь на ладони.»

Но тут воспротивилась я — не по сути, с которой была абсолютно согласна, а по правилам, которые требуют, чтобы название книги было уникальным, а я выяснила, что есть уже несколько книг с таким названием. И мы со Светланой решили сделать перерыв в поисках и продолжить работу над книгой. С ребенком тоже ничего не происходит, если он побудет безымянным, пока родители не выберут достойное имя. Лишь бы был здоров. Так я и сказала Светлане: «Последнее слово в выборе названия за Вами, но сказать его придется. А эпиграфом к одной из глав Вашей книги можно будет поставить слова Мусы Джалиля: «И тот не человек, и сердце в том мертво, кто жил и для людей не сделал ничего.»

И название все-таки выбрали. Пришло оно из строк Максимилиана Волошина, моего любимого поэта Серебряного века:

Дверь отперта. Переступи порог.

Мой дом раскрыт навстречу всех дорог...

Книга «Переступи порог» — итоговая. Она объединила разные жанры, в которых лучше всего проявились таланты Светланы Даниловой как писателя, историка, педагога и публициста, хранителя традиций и человеческих судеб, неистового борца за справедливость и увековечивание памяти свидетелей-очевидцев и жертв Холокоста.

В книге нашлось место и рассказам о семье, родословном древе, и об истоках, которые привели Светлану, тогда еще совсем юную, к углубленному изучению истории своего народа, изучению активному, сопровождавшемуся передачей полученных знаний и детям, и взрослым.

Очерки Светланы — галерея интереснейших людей, а мне особенно запомнился рассказ о солистке ансамбля национальной музыки и танца Кабардино-Балкарии Галине Исаковой (Ифраимовой). Занимаясь исследованиями в архиве, Светлана нашла статью о ней в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» за 1936 г. Галина была ее родственницей, и у Светланы была возможность с ней поговорить, и не раз. Слова Галины Львовны, приведенные Светланой: «...Разве могла я, простая женщина, дочь гор, горская еврейка, представить себе, что буду танцевать на сцене Большого театра?..» прозвучали для меня так волнующе, будто я тоже присутствовала при этом разговоре. Очерк об Исаковой написан мастерски, да и остальные не уступают.

Отдельно хочется сказать несколько слов о повестях Светланы Даниловой. Одна из них, «Разорванный круг», была издана в 2012 году, но, к сожалению, большая часть тиража и верстка пропали из-за урагана. А повесть «Перечеркни прошлое и иди» написана в 2015 г. и публикуется впервые. Обе повести получили восторженные отзывы серьезных рецензентов. Рецензии вошли в эту книгу. А мне хочется только добавить, что обе остросюжетные повести написаны настолько виртуозно, что внимание не ослабевает до последней страницы, и очень хочется заглянуть за эту страницу и узнать, что же будет дальше. Для многих из нас открылся абсолютно неизведанный мир горских евреев, такой самобытный, удивительный, гордый и дружелюбный.

Особое внимание хочется уделить собранным Светланой воспоминаниям, имеющим отношение к трагическим событиям войны и Холокоста. С 1998 г. она собирала свидетельства жертв Холокоста и передавала их в основанный Стивеном Спилбергом Фонд «ШОА». Эту работу Светлана продолжила

Мемориальный парк. Нью-Йорк. Поминальный камень, символ памяти жертвам Холокоста в Богдановке. 9 мая здесь собираются горские евреи, чтобы почтить память, зажечь свечи и прочитать кадиш.

и в Америке. Статьи были опубликованы и получили широкий резонанс.

Но я хочу сказать о другом. Читая тяжелейшие воспоминания людей, переживших Холокост, воспоминания, которые преследуют их всю жизнь, не дают спокойно спать и спокойно жить, никого не могут оставить равнодушным. А представьте себе, что чувствуют эти люди, когда бережат свои раны и рассказывают о них. Многие из них, рассказывая, будто заново переживают весь этот кошмар, кто-то плачет, кто-то не может говорить. А теперь представьте, что чувствует человек, который должен не только слушать, но и записывать, не просто спрашивать, а касаться самого сокровенного и каждый раз пропускать через себя эту невыносимую боль.

Я считаю человеческим подвигом труд Светланы и многих других людей, которые продолжают эту святую работу, чтобы «никто не был забыт, и ничто не было забыто». И присоединяюсь к призыву Светланы Даниловой ко всем, кто может участвовать в этом благородном деле, к детям и внукам переживших Холокост, к их родным и близким: «Пока живы очевидцы, нужно записать, все, что они помнят. Записывайте, запоминайте, не забывайте. Это не должно повториться!»

Из-за скромности автора в книгу не вошли очень важные штрихи творческой биографии Светланы Даниловой. Я постараюсь хоть немного восполнить этот пробел.

Еще в 1993 г., Светлана была официальным делегатом горских евреев на Конференции в Иерусалиме, продолжая борьбу за свой народ, начатую еще в студенческие годы.

Даже в повести «Разорванный круг», которая охватывает большой временной сегмент, Светлана очень немного говорит о чеченских войнах, которые так близко коснулись соседней Кабардино-Балкарии. Да и статья

CERTIFICATE

This is to certify that

Danilova Svetlana

attended

**JERUSALEM 25 - PRIME MINISTER'S CONFERENCE
FOR JERUSALEM**

as an official delegate

JERUSALEM, ISRAEL, MAY 17-20, 1993

Сертификат участника конференции.

Израиль, 1993 г.

и очерках практически не упоминает о том времени, когда ей приходилось спасать людей из плена, собрав в кулак свою волю, мужество и самоотверженность. Только в одном интервью 2000 года, которое Светлана дала Владимиру Ханелису, корреспонденту «Вестей» в странах СНГ, еще до отъезда в США, я нашла несколько строк об этом времени.

Владимир Ханелис писал:

«У ОБЩИНЫ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ НА КАВКАЗЕ НЕТ НИКАКИХ ПЕРСПЕКТИВ». Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Светлане Даниловой, лидеру этой общины, директору общественно-политического и культурного еврейского центра «Товуши» («Свет») в Нальчике, кандидату исторических наук...»

Светлана в этом интервью ответила на много вопросов. Цитирую отрывок: *«То, что сегодня творится на Кавказе, продлится годы и годы. Мира здесь не будет. Поэтому евреи покидают Кавказ. Евреи — барометр стабильности... С трибуны парламента я говорила: если евреи покидают насиженные места, свою землю — значит, эта земля больна. Во время войны в Чечне к нам хлынули еврейские беженцы. Это был ужас!*

— Много их было?

— Около пятисот человек. В основном, все из Грозного. У меня, кстати, два зятя — чеченские евреи. Я потратила год, чтобы в ОВИРе Нальчика беженцам из Чечни выписали документы, и они смогли улететь в Израиль. Я говорила — у этих людей нет ни работы, ни жилья, ни прописки, дайте им возможность уехать. Я писала в ООН, МВД и МИД России. А их посылали назад в Грозный оформлять документы в местном ОВИРе... Спасибо президенту республики В.М. Кокову. Он создал специальную комиссию и помог решить эту проблему...

Светлана даже не упомянула, какому числу беженцев она помогла тогда уехать, сказав мне, что это к делу не относится. А.Г.

Для меня было поразительным, что находясь в водовороте семейных эмигрантских проблем, известных большинству из нас, Светлана ни на минуту не останавливала свой бег. Газеты, журнал «Товуши-Свет», родом из еврейского культурного центра «Товуши» в г. Нальчике, основанного Светланой в 1987 г., участие во Всемирном Еврейском Конгрессе горских евреев в Иерусалиме и 7-й Международной конференции еврейских средств массовой информации, и... Можно перечислять еще долго. И при этой невероятной занятости огромный шквал волонтерской работы, не раз отмеченный грамотами и наградами.

Из газеты «ВЕСТИ». 2000 г. Светлана Данилова

“Вести” Четверг 29.06.2000

“У общины горских евреев на Кавказе нет никаких перспектив”

Владимир Ханелис,
корреспондент “Вестей”
в странах СНГ

Слова, вынесенные в заголовок, принадлежат Светлане Даниловой, лидеру этой общины, директору общественно-политического и культурного еврейского центра “Тову-

лист-кабардинец - не знаю, что бы я ему сделала... Кстати, я опубликовала на эту тему статью в вашей газете “Вести”.

Я очень люблю свой народ. В Нальчике жило 12 тысяч евреев. Жили по законам Торы, по еврейским законам. Человек родился евреем и евреем умирал. Никакие

ки, надеялась на демократизацию общества, перемены в жизни. Разумеется, перестройка дала нам возможность открыть центр, учить язык, открыто говорить о своих проблемах и т. д. и т. п. Но вы плеснулась на поверхность уголовная, преступная пена. Эта нечист “наехала” на еврейскую общину

Из газеты «ВЕСТИ». 2000 г. Светлана Данилова

ОКТЯБРЬ 2000

№41 (110) TV

Горянка

Один фотопортрет за три десятилетия
143 года с 1893 года

ГАЗЕТА ПРАВИТЕЛЬСТВА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сестры Бозиевы

О ТАКИХ, КАК ХУЦИ, В НАРОДЕ ГОВОРЯТ:
"СПОСОБНА УГОСТИТЬ ХОТЬ СОТНЮ ВОСАДНИКОВ-ПУТИНОВ!"

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПРОБЛЕМА ШКОЛЫ

Браво, Нехай!
Браво, "Исламей"!

КОРОЛЕВА МИРА

ЛИЧНОСТЬ ВЕКА - МАРЛЕН ДИТРИХ

МЕЖДУ НАМИ, ЖЕНЩИНАМИ

ПТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ДАНИЛОВА СВЕТАНА АРОНОВНА живет в республике с детства. Она много лет работает в газете "Горянка". В 1993 году она была избрана депутатом Кабардино-Балкарской Республики. В 1995 году она была избрана депутатом Государственной Думы Российской Федерации. В 1997 году она была избрана депутатом Государственной Думы Российской Федерации. В 1999 году она была избрана депутатом Государственной Думы Российской Федерации. В 2000 году она была избрана депутатом Государственной Думы Российской Федерации.

По материалам нью-йоркского журнала «Надежда»:

В сентябре 2016 г. в Вене проходила VII Международная конференция представителей общин бухарских евреев. И уже в октябре 2016, на заседании ОНЦ «Рошнои», посвященном итогам конференции, Светлана Данилова в очередной раз отметила необходимость единения всех еврейских общин: *«Я частичка не только горской, но и бухарско-еврейской общины. У нас общие религия и менталитет. Очень важная проблема — старшее поколение должно сделать все, чтобы молодежь сохранила лучшие традиции, и чтобы было меньше смешанных браков. Надо создать молодым людям условия, чтобы они могли встречаться, знакомиться и создавать семьи...»*

«ФОРУМ», 2011 г.

Светлана Данилова — Человек Года

According to the decision of the Scientific Council
of the Israeli Independent Academy for Development of Sciences

Dr. Svetlana Danilov

Is hereby awarded the academic status
member of the Academy

(Proposed by 17/95) on 29. September, 2013
In witness whereof the seal of the Academy and signatures of its
members are hereunto affixed this month 2013

Chairman of the Scientific Council
Dr. L. Preigerman

Scientific Secretary
Dr. N. Balaban

עלפי החלטת המועצה המדעית של האקדמיה העצמאית לפיתוח מדע
בישראל

ד"ר סוולטלנה דנילוב

מענק הדרגה המדעית
חבר האקדמיה

(פרוטוקול מס 17(95) מ-29 בספטמבר 2013)
החומם של האקדמיה וחתימה של מנהליה משמשים לעדכון החלטת המועצה

המדעי המועצה ר"ות
ד"ר ל. פריגרמן

האקדמיה העצמאית לפיתוח מדע בישראל

תעודה

חבר האקדמיה

**Israeli Independent Academy for
Development of Sciences**

DIPLOMA

Member of the Academy

Ser. MA N. 005

ИЗРАИЛЬ. КОНФЕРЕНЦИИ

THE ISRAELI FEDERATION
OF WRITERS' UNIONS

**התאחדות אגודות חסופרים
במדינת ישראל**

اتحاد رابطات الكتاب في دولة اسرائيل

MEMBERSHIP CARD **כרטיס חבר**
کرت عضوية

יו"ר ההתאחדות
Chairman **رئيس الاتحاد**

מזכיר כללי
General Secretary **سكرتير عام**

רח' ספק 6, תל-אביב 64734 ת"ד 7111 תל-אביב 61070
6, Kaplan St., Tel Aviv 64734 P.O.B. 7111 Tel Aviv 61070

ИЗРАИЛЬ. КОНФЕРЕНЦИИ

Преданность Светланы Даниловой Общине горских евреев невероятна и безгранична: сегодня она вникает в дела и проблемы израильской части Общины, завтра пишет рецензию на книгу своего земляка из Нальчика, горского еврея, который занимательно рассказывает о событиях, соединяющих годы жизни в родном городе и Нью-Йорке, на следующий день волнуется о горских евреях Торонто и готовит предисловие к удивительной истории соплеменницы-горянки, которая искала маму более 43 лет. И даже выступая на юбилее Михаила Немировского, близкого друга и соратника по еврейскому правозащитному движению, Светлана поздравляет его не только от себя, а от имени всей Общины горских евреев.

Мы еще не успели отдать в печать книгу «ПЕРЕСТУПИ ПОРОГ», а Светлана Данилова уже начала работу над новой книгой.

Я назвала свое ЗАКЛЮЧЕНИЕ «ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ... или БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ...»

«Бегущая по волнам» — это моя любимая книга Александра Грина. Когда-то я пересказывала ее своим детям на горе у надгробья А. Грина в Старом Крыму, где стоит памятник «Бегущей...», открытый всем ветрам, как завещал Грин. Вспоминаю строчки из книги - долетающие из океанской тьмы слова бегущей по волнам Фрези Грант:

— *Добрый вечер, друзья! Не скучно ли вам на темной дороге?
Я тороплюсь, я бегу...*

Дорогая Светлана —

Счастливого пути, здоровья и долгих лет жизни, творческого горения, радости и любви от близких, еще много лет нести людям жар добра и бежать, бежать...

Анна Гольдберг

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ВОСПОМИНАНИЯ

1-1. Жизнь-это миг.....	6
1-2. Дети и внуки	34

2. ПОВЕСТИ

2-1. Разорванный круг	44
2-2. Галина Агаронова. Испытание духом.	78
Рецензия к повести «Разорванный круг»	
2-3. Перечеркни прошлое и иди.....	82
2-4. Михаил Немировский. Люди, и это все о нас... ..	112
Рецензия к повести «Перечеркни прошлое и иди»	

3. ОЧЕРКИ

3-1. Портрет Надежды.....	114
3-2. Женищина гор.....	118
3-3. Ханукаева Ольга	121
3-4. Исай Давыдов.....	126
3-5. Мой Кайсын	128
3-6. Светя другим.....	130
3-7. Победа одного человека	132
3-8. Мир тесен	135
3-9. Захар Гилядов	137
3-10. Интересный собеседник.....	140
3-11. Роман Мелехов	144
3-12. Олег Мавсумов.....	146
3-13. Взаимосвязь горских евреев г. Дербента и общин горских евреев Северного Кавказа	149
3-14. Юный друг из Сири	152
3-15. Необходимо услышать	154

3-16. Нам нужен Диалог	160
3-17. Проблема смешанных браков	162
3-18. Конференция бухарских евреев	168
3-19. Мир вашему дому	170
3-20. Наши традиции. Приглашение к разговору	173

4. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ – ИХ ДЕТСТВО ЗАБРАЛА ВОЙНА

4-1. Предисловие	176
4-2. Нью-Йорк - ООН.....	182
4-3. Память в наших сердцах.....	185
4-4. Звон войны.....	188
4-5. Ирина Данилова	190
4-6. Полина Давыдова	192
4-7. Борис Матаев	194
4-8. Борис Гилядов	195
4-9. Наташа Матаева.....	198
4-10. Зилпо Михайлова	201
4-11. Надя Шамилова	202
4-12. Эриел Ашуров	205

5. РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, СТАТЬИ О С.А. ДАНИЛОВОЙ

5-1. Фонд ШОАХ. Письмо от Стивена Спилберга, 1998.....	208
5-2. М. Немировский. Здравствуй, Светлана.....	209
5-3. Инна Дигилова. Сделанное неоценимо	210
5-4. Мария и Виктор Котляровы. Кабардино-Балкария: жемчужина КAVKAZA.....	213
5-5. Хана Рафаэль, Израиль. К юбилею - о молодости, силе духа и большом сердце.....	214

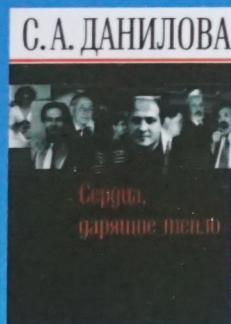
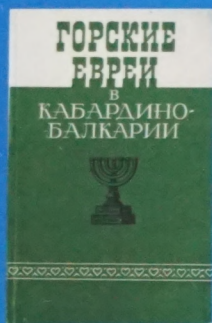
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТ РЕДАКТОРА

6-1. Если не я, то кто же... или Бегущая по волнам.....	216
---	-----

Данилова Светлана — историк, педагог, кандидат исторических наук, участница Всемирного Еврейского Конгресса горских евреев в Израиле, журналист и общественный деятель. Родилась в г. Нальчике (Кабардино-Балкария).

Защитила диссертацию по этнографии и самоидентификации горских евреев. Более 20 лет принимает участие в работе научных конференций в России, США, Германии и Израиле.

Данилова С.А. автор книг «Спешите делать добро», «История и этнография горских евреев Северного Кавказа в документах 1829-1917г.г.», «Горские евреи КБР», «Черкесы в Израиле», «Исход горских евреев разрушение гармонии миров», «Сердца, дарящие тепло», «Разорванный круг», была основателем и редактором журнала «ТОВУШИ-СВЕТ (США)», редактор и составитель двух сборников «Дети войны».

ISBN 978-0-9882381-3-8

9 0000 >

9 780988 238138

RESIL

Enterprise Publishing